

Generations and
Gender Programme

БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение

Том II. Анализ результатов исследования
«Поколения и гендер»

Министерство труда
и социальной защиты
Республики Беларусь

Проект «Поддержка реализации Национальной программы
демографической безопасности Республики Беларусь»

**БЕЛАРУСЬ: структура семьи,
семейные отношения,
репродуктивное поведение**

**Том II. Анализ результатов исследования
«Поколения и гендер»**

Минск

БЕЛСЭНС

2018

УДК 314/316 (476)
ББК 60.561.5+60.7(4Беи)
Б43

Авторский коллектив:

Акулова М.Ю. (V.14); Антипова Е.А. (II.3, II.4); Артеменко Е.К. (IV.10); Белов А.А. (III.5); Бородачева Е.М. (VII.19);
Бурлуцкая М.Г. (III.6); Дмитриева О.Е. (V.13); Елсукова Н.А. (III.7); Ефимова Н.В. (V.12, Приложение 2);
Капустин С.А. (IV.11); Кириллова А.В. (VI.15); Комаровский А.В. (VI.16); Кройтор С.Н. (VII.17); Купчинова Т.В. (III.7);
Лапето А.О. (I, V.12, Приложение 2); Мазоль О.И. (V.14); Макаревич Е.Е. (II.3, II.4); Мардас Д.М. (III.8);
Назаренко Ю.С. (VI.16); Пинязик В.Н. (VII.18); Сосновская Н.А. (II.1, Приложение 1);
Терещенко О.В. (Введение, I, III.6); Шавердо Т.М. (I); Шухатович В.Р. (VII.19); Щавелева М.В. (III.8, VII.19);
Эмери Т. (Введение, Заключение); Юодешко В.И. (IV.9); Яковлева Н.А. (II.2).

Редакторы:

О. Терещенко, Т. Кучера

Рецензенты:

Лапина Светлана Валентиновна, д-р социол. наук, профессор
Лученок Александр Иванович, д-р эконом. наук, профессор
Соколова Галина Николаевна, д-р социол. наук, профессор
Кучера Томаш, д-р географических наук, профессор

Б43 БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение :
Том II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / ред.: О. Терещенко, Т. Кучера;
Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности
Республики Беларусь». – Минск : Белсэкс, 2018. – 189 с. : ил.

ISBN 978-985-6946-89-2

Второй том коллективной научной монографии «Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение» содержит основные результаты анализа данных первой волны исследования «Поколения и гендер» в Беларуси, включающие возрастные модели жизненных путей, брачно-партнерские отношения, репродуктивное поведение, отношения родителей с детьми и между взрослыми поколениями в семье, благосостояние и качество жизни.

Для широкого круга специалистов, работающих в сфере семьи, научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

Табл.: 21 + 15 (Прил.). Ил.: 92 рис. Библиогр.: 124 наим.

УДК 314/316 (476)

ББК 60.561.5+60.7(4Беи)

Монография подготовлена и издана при технической и финансовой поддержке проекта МТП «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь», финансируемого Правительством Российской Федерации, Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Детским Фондом ООН (ЮНИСЕФ).
Национальное исполнительное агентство –
Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь.

ISBN 978-985-6946-89-2

© Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), 2018
© Оформление. ООО «Белсэкс», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
(О. Терещенко, Т. Эмери)	
Раздел I. ПЕРЕХОД В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ (ВОЗРАСТНЫЕ МОДЕЛИ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ)	14
(А. Лапето, О. Терещенко, Т. Шавердо)	
Раздел II. БРАЧНО-ПАРТНЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ	22
ГЛАВА 1. Формирование брачно-партнерских отношений	22
(Н. Сосновская)	
ГЛАВА 2. Система семейных отношений	30
(Н. Яковлева)	
ГЛАВА 3. Стабильность партнерских союзов и инициатива развода	40
(Е. Антипова, Е. Макаревич)	
ГЛАВА 4. Формы и последствия распада брачных и партнерских союзов	48
(Е. Антипова, Е. Макаревич)	
Раздел III. РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И УСТАНОВКИ	56
ГЛАВА 5. Календарь деторождений: последствия и факторы поздней рождаемости	56
(А. Белов)	
ГЛАВА 6. Межпоколенная динамика репродуктивного поведения: влияние образования и установок	64
(М. Бурлуцкая, О. Терещенко)	
ГЛАВА 7. Социально-экономические и демографические детерминанты формирования репродуктивных намерений и демографического поведения	75
(Н. Елсукова, Т. Купчинова)	
ГЛАВА 8. Самооценка здоровья как фактор формирования позитивных репродуктивных установок женского населения	84
(Д. Мардас, М. Щавелева)	
Раздел IV. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ	89
ГЛАВА 9. Особенности использования услуг по уходу за детьми	89
(В. Юодешко)	
ГЛАВА 10. Положение детей в семьях после расставания родителей	97
(Е. Артеменко)	
ГЛАВА 11. Дети с инвалидностью	104
(С. Капустин)	

Раздел V. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ	112
ГЛАВА 12. Система взаимоотношений и поддержки:	
обмен частными трансфертами	112
(Н. Ефимова, А. Лапето)	
ГЛАВА 13. Взрослые дети в жизни старших поколений	117
(О. Дмитриева)	
ГЛАВА 14. Образование детей и родителей:	
межпоколенная мобильность и влияние на доходы	124
(О. Мазоль, М. Акулова)	
Раздел VI. ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ: СЕМЬЯ И РАБОТА	132
ГЛАВА 15. Нормативные представления и организация	
повседневной жизни семьи	132
(А. Кириллова)	
ГЛАВА 16. Гендерные и поколенческие аспекты распределения ролей	
в брачно-партнерских союзах	138
(А. Комаровский, Ю. Назаренко)	
Раздел VII. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ	143
ГЛАВА 17. Профессиональные и образовательные траектории белорусов:	
гендерные и поколенческие различия	143
(С. Кройтор)	
ГЛАВА 18. Материальное благосостояние белорусских домохозяйств:	
социально-демографический контекст	149
(В. Пинязик)	
ГЛАВА 19. Здоровье и качество жизни	159
(В. Шухатович, М. Щавелева, Е. Бородачева)	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	167
(Т. Эмери)	
ПРИЛОЖЕНИЯ	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	182

На протяжении тысячелетий основными «регуляторами» численности и структуры населения были и во многих регионах Земли остаются войны, эпидемии и природные катастрофы, уничтожающие жизненные ресурсы. Однако за последнее столетие в ряде регионов и стран, включая Европу, Россию и Беларусь, состоялись два демографических перехода, приведшие к снижению рождаемости до уровня, не обеспечивающего воспроизводство населения.

Изменения уровней рождаемости и смертности принципиальным образом трансформировали возрастную структуру индустриально развитых стран. С учетом низкой рождаемости, в обозримой перспективе неизбежно сокращение численности и старение населения развитых стран, несмотря на широко распространенную политику иммиграции. Параллельно формируются принципиально иные типы внутри- и межпоколенных взаимодействий. Меняется возрастной и поколенческий состав семей, что приводит к утяжелению социальной нагрузки активного ядра семей и к изменению форм, объемов и направленности потоков ресурсов между поколениями детей, родителей и прародителей. Наиболее серьезное социально-экономическое последствие изменения демографического баланса между поколениями связано с перераспределением национального дохода в пользу пожилого населения.

В этом контексте важно выявить современные механизмы формирования семей, особенности экономических и социальных взаимоотношений поколений, родителей и детей, трудоспособных и пожилых в различных типах семей, структуру внутри- и межсемейных сетей поддержки и ее формы. Необходимо разобраться во всех сложных и многоаспектных процессах, происходящих при взаимодействии поколений родителей и детей в семье и обществе. И здесь важную роль играют специализированные, масштабные социально-демографические обследования населения. Настоящая монография посвящена первым результатам уникального белорусского социально-демографического исследования, которое является частью международной исследовательской программы «Поколения и гендер».

Особенности исследовательской программы. Понимание сложности и многоаспектности проблем рождаемости, не сводимых к анализу уникальных ситуаций в конкретных странах, подвело исследователей крупнейших научных центров развитых стран к мысли о необходимости проведения широкомасштабных исследований, скоординированных на международном уровне, по единой программе. Опираясь на уже имевшийся ранее опыт выборочных обследований по единой программе, в частности в рамках европейского проекта Fertility and Family Surveys (FFS), успешно завершившегося к концу 1990-х гг., международным консорциумом европейских и североамериканских исследовательских центров в начале 2000-х гг. была разработана принципиально новая программа углубленного изучения рождаемости и семьи, получившая название «Generations and Gender Programme» (Программа «Поколения и гендер»).

Консорциум проекта GGP, созданный в 2000 г., состоит из 8-ми организаций: Отдел народонаселения ЕЭК ООН (координатор), Департамент демографии Университета «La Sapienza» в Риме (Италия), Департамент социальной политики Университета в Йорке (Великобритания), Венгерское центральное статистическое управление, Национальный институт демографических исследований (Франция), Институт демографических исследований им. Макса Планка (Германия), Нидерландский междисциплинарный демографический институт, Статистическое управление Канады. Экспертный комитет по разработке вопросника GGS приступил к работе в 2001 г. В 2002 г. начала работать экспертная группа по разработке дизайна контекстуальных баз данных, в 2003 г. – экспертная группа по разработке методологии анализа данных.

Формальными участниками и наблюдателями проекта к сегодняшнему дню стали более 30 стран мира, и этот список продолжает расширяться, выходя за рамки Европы.

Уникальность и ценность социально-демографического исследования по программе «Поколения и гендер» определил С.В. Захаров – заместитель директора Института демографии Высшей школы экономики в Москве [23, с. 31–32]:

– **Масштабность программы.** Единый базовый вопросник для всех стран охватывает около 2 000 переменных, получаемых с помощью стандартизованного продолжительного интервью и касающихся основных фактов биографии респондента и особенностей функционирования его домохозяйства (сведения о родителях и условиях ранней социализации, репродуктивная биография, история брачно-партнерских отношений, миграции, формы занятости, образование, жилищные условия, источники дохода и уровень благосостояния, здоровье, распределение ролей и обязанностей в семье, условия воспитания детей, ценностные ориентации, удовлетворенность отношениями в семье и различными аспектами жизнедеятельности, планы в отношении формирования семьи и др.).

– **Лонгитюдный (панельный) характер.** Программой предусмотрено проведение нескольких волн обследований одной и той же совокупности респондентов (как минимум 3-х волн с интервалом в 3 года), что впервые в практике международно-составимых исследований предоставляет возможность поиска взаимосвязи между событиями и меняющимися характеристиками респондента и домохозяйств в реальной динамике этапов жизненного цикла.

– **Инновационные методологические подходы к анализу данных.** Структура и форма регистрации признаков и меняющихся характеристик респондента, событий в его жизни, различных аспектов функционирования домохозяйства изначально организованы таким образом, чтобы было возможно использовать самые современные статистико-математические методы анализа данных, поиска взаимосвязей и моделирования процессов. Речь в первую очередь идет об анализе взаимосвязи между событиями и характеристиками, меняющимися с возрастом человека и зависящими от длительности пребывания в том или ином состоянии.

– **Объем и возрастная структура выборки.** До сих пор в отечественной истории не было обследований рождаемости и семьи, в которых по столь углубленной программе опрашивали бы мужчин и женщин рабочих и пожилых возрастов. Объем выборочной совокупности – 10 000 опрошенных в возрасте 18–79 лет, учитывая масштабность программы, также беспрецедентен для Беларуси.

– **Сочетание микро- и макроуровня.** Помимо вопросов организации и проведения обследования населения программа «Поколения и гендер» предусматривает создание контекстуальных баз данных (макроданных) по каждой стране-участнице. Основная задача этого элемента Программы состоит в том, чтобы подготовить данные, которые в дальнейшем могут быть использованы в многоуровневом количественном и контекстуальном анализе, в рамках которого в моделях одновременно участвуют данные микро- и макроуровня. Контекстуальные базы включают:

- 1) информацию о законодательстве – в области экономики, регулирования доходов, занятости, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, социального обслуживания, семейной политики и других социальных гарантий и пр., влияющих на положение семьи и на процессы в области рождаемости;
- 2) статистические макроданные, характеризующие общие социальные и экономические тенденции.

– **Возможность международных сравнительных исследований.** Никогда прежде специалисты постсоветских стран не имели возможность исследовать процессы формирования семьи и рождаемости в контексте не только национальных специфических условий, но и общемировых процессов и тенденций. Единый для всех стран – участниц проекта вопросник, тщательно переведенный на национальные языки, обеспечивает возможность сравнительных исследований в разрезе большинства основных переменных.

Инновационные методологические подходы. *Лонгитюдное исследование* отличается от обычных социологических опросов тем, что одну и ту же выборку респондентов опрашивают несколько раз через определенные промежутки времени и фиксируют изменения, произошедшие за это время в жизни респондентов. Как правило, лонгитюдные исследования носят биографический характер, и именно это делает их эффективным инструментом анализа происходящих демографических процессов.

Уникальность проекта «Поколения и гендер» в том, что он охватывает все возрастные группы в возрасте от 18 до 79 лет и благодаря этому позволяет получить информацию о демографических событиях, происходивших в жизни нескольких поколений респондентов в период со второй половины 1950-х гг. до настоящего времени. Это делает исследование необычайно трудоемким и дорогостоящим, его выборка составила на 1-м этапе (в 2017 г.) 9 994 человека.

Анализ данных, полученных в проекте «Поколения и гендер», осуществляется главным образом методами когортного анализа и анализа жизненных путей. Их применение возможно благодаря ретроспективному опросу большого количества респондентов, которые ответили на подробные вопросы о своей семье – родителях, супругах и партнерах, рожденных и потерянных детях, родственниках, – а также и о друзьях, с которыми их связывают не только родственные отношения, но также дружба и взаимопомощь. Респонденты также ответили на вопросы о своих планах на ближайшие 3 года, связанных с заключением/расторжением браков, рождением (еще одного) ребенка, сменой работы и др. Осуществлены ли эти планы и что повлияло на произошедшие в жизни за эти 3 года изменения, мы узнаем, только проведя повторный опрос тех же людей в 2020–2021 гг.

Чтобы узнать, как и с какой скоростью протекали демографические процессы в разные периоды времени, аналитики делят респондентов, в зависимости от изучаемых проблем, на 5- или 10-летние когорты по году рождения или возрасту и сравнивают их ответы между собой. Когортный анализ позволяет, например, узнать, в каком возрасте покидали родительский дом молодые люди, родившиеся в 1940–1949 гг., и в каком возрасте это делали те, кто родился на 30 лет позднее; был ли связан уход от родителей с получением образования или работы в другом городе или с началом сексуальной жизни и др.

Анализ жизненных путей предназначен для изучения последовательности и возраста наступления важных событий, имеющих демографическое значение, в жизни возрастных когорт. К таким событиям относятся: завершение образования; получение первой и последующих работ; возникновение отношений, начало совместного проживания, заключение и расторжение браков; рождение и усыновление детей; переезды; выход на пенсию и др. События жизненного пути фиксируются на основе ответов респондента на соответствующие вопросы, вместе с датами, когда они произошли. Что позволяет вычислять возраст респондента в момент их наступления и длительность периодов времени между двумя любыми событиями, например, между рождением ребенка и последующим заключением брака. Необходимо отметить, что впервые этот подход был использован в Беларуси в 1983–1998 гг. в рамках всесоюзного, а позднее международного социологического проекта «Пути поколения» под руководством профессора Тартуского университета М.Х. Титмы [62], но с тех пор столь сложные и дорогостоящие исследования в Беларуси до 2017 г. не проводились.

В данной работе представлены первые результаты анализа огромного массива данных, собранного сотрудниками Центра социологических и политических исследований БГУ в 2017 г. и проанализированного белорусскими социологами, демографами, экономистами, специалистами по труду и социальной защите, медицинскими работниками. Эти результаты представлены в 7-ти тематических разделах.

В разделе I «Переход в самостоятельную жизнь» проанализированы различия последовательностей демографических событий и «траекторий взросления» разных возрастных когорт белорусских мужчин и женщин.

В разделе II «Брачно-партнерские отношения» рассмотрены процессы перехода разных поколений во взрослую жизнь; современные модели формирования брачно-партнерских союзов, отношения в них и распределение ролей и обязанностей; формы и последствия их распада.

В разделе III «Репродуктивное поведение и установки» представлены изменения, произошедшие после Второй мировой войны в календаре деторождений; межпоколенная динамика репродуктивного поведения; факторы формирования репродуктивных установок у женского населения.

Раздел IV «Родители и дети» включает материалы, в которых проанализированы государственные и частные услуги по воспитанию детей и их использование белорусскими семьями; особенности работы с детьми в семье с одним родителем и с детьми с инвалидностью.

Раздел V «Взаимоотношения поколений» содержит данные о процессах обмена между белорусскими родственными семьями, поддержке взрослыми детьми своих престарелых родителей, межпоколенной образовательной мобильности; нормативных представлениях в повседневной жизни семьи.

В разделе VI «Гендерные роли: семья и работа» анализируются нормативные представления и организация повседневной жизни семьи, гендерные и поколенческие аспекты распределения ролей в брачно-партнерских союзах населения Беларуси.

В разделе VII «Качество жизни» рассматриваются профессиональные и образовательные траектории; материальное благосостояние белорусских домохозяйств; взаимосвязь между здоровьем и качеством жизни.

Участие в международной программе. Принимая участие в программе «Поколения и гендер» (Generations and Gender Programme – GGP), Беларусь присоединяется к большому и достаточно давно созданному европейскому научно-исследовательскому сообществу, в которое входит также Россия, и чья деятельность направлена на глубокое изучение динамики демографических процессов.

Исследование «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey – GGS) представляет собой лонгитюдное исследование, которое позволяет получить данные для анализа партнерских отношений, рождаемости, соотношения работы и личной жизни, различных аспектов перехода к взрослой жизни, взаимоотношений между поколениями и пр. Это единственное сравнительное выборочное исследование, охватывающее и репрезентативно представляющее все возрастные группы взрослого населения. Лонгитюдный характер исследования позволяет зафиксировать причины и последствия демографического поведения индивидов.

На протяжении последних десятилетий исследователи в разных странах использовали данные опросов, проведенных по методологии GGS, для выявления факторов, определяющих динамику жизненного цикла семьи (партнерские отношения, переход к взрослой жизни, рождаемость, услуги ухода и поддержки, разделение домашних обязанностей, контрацепция и др.)¹. Эти данные являются важным ресурсом для понимания фундаментальных социальных вызовов в Европе и за ее пределами и являются эмпирической базой для разработки научно обоснованной демографической политики.

На сегодняшний день опрос по методологии программы «Поколения и гендер» был проведен в 24 странах. Контекстуальная база программы «Поколения и гендер» содержит данные, которые включают более сотни индикаторов по 60 странам. Многие страны, осуществившие первый цикл исследования, намерены снова провести опросы в 2020 г.

Новый цикл опросов будет проводиться в рамках централизованной структуры, что будет способствовать совершенствованию и стандартизации полевых работ, обеспечению сопоставимости данных, а также увеличению скорости обработки данных.

¹ Исследования с использованием GGP обширны. Список публикаций с использованием данных GGS доступен по ссылке <http://www.ggp-i.org/form/publications/>.

Главным элементом данного подхода является использование бланка интервью, загруженного на центральный сервер, который администрируется Нидерландским междисциплинарным демографическим институтом (NIDI – Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute), при этом используется программное обеспечение компании Blaise. В системе Blaise рядом записаны как дословный перевод каждого вопроса на национальный язык, так и его оригинальная английская формулировка. Все это может быть напрямую включено в систему документации NESSTAR, которую программа «Поколения и гендер» использует в качестве виртуальной кодовой книги. Это огромное преимущество по сравнению со сложной системой кодовых книг, которая использовалась ранее и требовала существенных трудозатрат для обеспечения ее функционирования.

Беларусь стала первой страной, которая провела полномасштабное исследование в рамках нового организационного подхода.

На этапе кодирования и разработки анкеты Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (ЦСПИ БГУ) предоставил полный русский перевод Нидерландскому междисциплинарному демографическому институту. Этот перевод прошел перекрестную проверку посредством обратного перевода. В случае возникновения проблем, NIDI и ЦСПИ БГУ обсуждали возможные варианты перевода. Например, специалисты ЦСПИ БГУ были не удовлетворены тем, как в первоначальной анкете были сформулированы описания различных уровней образования. Это распространенная проблема, поскольку основная анкета была разработана на основе Международной стандартной классификации образования (МСКО), которая обобщает описание образовательных квалификаций.

Учитывая это, NIDI и ЦСПИ БГУ работали вместе над адаптацией положений МСКО к белорусской системе образования таким образом, чтобы обеспечить соответствие существующим исследованиям². В конечном итоге ЦСПИ БГУ смог расширить категории образования, чтобы отразить детали белорусской системы, которые не были учтены в МСКО. В предыдущих циклах сбора данных этот вопрос был оставлен на усмотрение национальной команды, часто оставался без изменений, а национальные классификации отражались упрощенно.

Помимо различных аспектов перевода и концептуальных вопросов, NIDI и ЦСПИ БГУ работали в тесном сотрудничестве, чтобы адаптировать анкету к национальному контексту. Опрос по программе «Поколения и гендер» затрагивает некоторые деликатные вопросы, и ЦСПИ БГУ отметил несколько тем, которые могли бы стать проблемными при предварительном тестировании анкеты. Например, основная анкета предусматривала вопрос: «Были ли у респондента предыдущие партнеры того же пола». В итоге интервьюерам было предложено задавать этот вопрос только в том случае, если были основания предполагать о наличии таких связей. Вопрос озвучивался после того, как респонденты указывали предыдущих партнеров, и если мужчина-респондент называл мужские имена предыдущих партнеров, интервьюер мог попросить разъяснений в отношении половой принадлежности предыдущих партнеров.

² International Standard Classification of Education : ISCED 2011. – UNESCO Institute for Statistics, 2012.

Адаптированный бланк интервью был загружен на сервер NIDI, к которому интервьюерам в Беларуси был предоставлен доступ. Интервьюеры могли скачать бланк интервью, используя приложение Blaise Data Entry App, выложенное для всеобщего доступа на Android Play Market. После скачивания интервьюеры могли проводить интервью и затем загружать завершённые интервью на сервер. Это обеспечило бесперебойный поток данных от респондентов в Беларуси к Центральной координационной группе в NIDI. Затем Центральная координационная группа предоставляла обновленный массив данных команде ЦСПИ БГУ, которая еженедельно проводила контроль полевых работ. Вместе они смогли оперативно управлять ходом полевых работ и оценивать работу интервьюеров.

Совместная работа позволила команде по проведению полевых работ обеспечить очень хорошие показатели доли ответивших – 74 %. Это также позволило Центральной координационной группе и ЦСПИ БГУ работать вместе для обеспечения высококачественной выборки. Например, на раннем этапе полевых работ ЦСПИ БГУ и Центральная координационная группа отметили низкий уровень ответов среди более молодых когорт и среди мужского населения в целом. Совместно было разработано несколько стратегий для устранения этих дисбалансов, что позволило обеспечить постепенное восстановление выборки. Помимо поддержания показателя доли ответивших, централизованная система исследования также позволяет проводить глубокий анализ данных «на лету», что в конечном итоге позволило контролировать качество данных.

Важнейшим условием успеха полевых работ стала высокая степень доверия и уважения между двумя командами.

С началом полевых работ Центральная координационная группа немедленно переориентировалась на обработку поступающих данных. Централизованный алгоритм получения и обработки данных позволил предоставить научному сообществу бета-версию результатов в течение нескольких недель после завершения полевых работ. Это намного опережает график, который используется в других международных исследованиях, таких как «Исследование здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе», «Европейское социальное исследование» и «Исследование европейских ценностей». На обработку данных, собранных в рамках этих исследований, до момента публикации уходит около года.

Обработка собранных данных может быть разбита на 3 части. Первая часть касается документации и метаданных. Большинство данных выгружается непосредственно из анкеты программного обеспечения Blaise, но данные необходимо отформатировать и адаптировать для сохранения в формате SPSS и STATA. На этом этапе данные также очищаются, изымается из массива ряд идентификационных переменных, например, таких как имена партнеров и детей, а также контактные данные. В массив добавляются английские ярлыки-обозначения и русский текст (документация для исследователей). После создания файлов STATA и SPSS создается файл NESSTAR, соответствующий стандартам метаданных DDI. Для этого требуется запись дополнительных данных по различным аспектам исследования. Например, в файл включены подсказки маршрутизации интервьюера.

Консолидация данных – вторая часть процесса обработки данных, которую проводит Центральная координационная группа. Консолидированные, удобные для пользователя переменные для набора данных из Беларуси были созданы «с нуля», что позволит автоматически генерировать на их основе сходные алгоритмы для всех последующих исследований.

Конечной стадией обработки данных является создание дополнительных продуктов. Программа «Поколения и гендер» предоставляет ученым ряд файлов наряду с основными данными исследования, чтобы помочь исследователям. Согласованные (гармонизированные) истории – пример такого продукта. Основные данные об истории партнерств и фертильности выгружаются из исследования и приводятся к стандартизованному формату, который сопоставим с данными не только GGP, но и данными таких исследований, как «Панельное обследование британских домохозяйств» и «Исследование по вопросам роста семьи»³. Этот ресурс является исключительно полезной рамочной структурой для исследователей, поскольку данные организованы таким образом, что они способствуют анализу истории событий, это достаточно широко принятая практика в демографических исследованиях. Поэтому в июле 2017 г. файл из Беларуси был направлен команде исследователей в Росток (Rostock), которая разработала синтаксис для гармонизации данных в рамках стандартного пакета. Это стало гарантией того, что сразу после завершения полевых работ можно было начать сравнение последних данных из Беларуси с данными по другим странам.

Данные, собранные в Беларуси, являются значительным прорывом по сравнению с предыдущими циклами программы «Поколения и гендер». Прежде всего из-за скорости, с которой данные могут быть обработаны и подготовлены к публикации. Даже в самых передовых исследовательских инфраструктурах уходит несколько месяцев на то, чтобы предоставить данные исследовательскому сообществу. Время между последним интервью и публикацией бета-версии файла GGP для Беларуси – вопрос нескольких дней. Это позволило отвлечь внимание от полевых работ и сбора данных и сосредоточиться на реальной цели – анализе демографических изменений и динамики семьи в Беларуси. При этом надеемся, что мы сможем обеспечить прочную эмпирическую базу для разработки политики и улучшения жизни белорусов.

Центральная координационная группа GGP также хотела бы воспользоваться возможностью отдать должное как команде в Белорусского государственного университета, так и офису ЮНФПА в Минске. Их преданность реализации исключительно амбициозного и сложного проекта заслуживает аплодисментов. Их усилия позволят обеспечить высокий уровень осведомленности о социальных и демографических изменениях, происходящих в Беларуси, как среди белорусских исследователей, так и среди широкого круга мировой научной ответственности.

³ Perelli-Harris, Brienna, Michaela Kreyenfeld and Karolin Kubisch. *Harmonized Histories: Manual for the Preparation of Comparative Fertility and Union Histories*. – Max Planck Institute for Demographic Research, 2010. – Working Paper 11 (0): 0–34. – URL: <http://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2010-011.pdf>.

Когда монография готовилась к изданию, полевые работы были завершены. Планируется, что 2018–2019 гг. станут периодом активного анализа данных опроса, направленного на углубление понимания тенденций демографического поведения, его социально-экономических дифференциалов и последствий применения новой демографической политики в Беларуси. Панельные данные позволят проверить в том числе и справедливость многих гипотез и догадок, высказанных авторами статей в предлагаемой монографии. И все же анализ панельных данных и тем более международных сравнений – дело будущего. Сегодня же мы обращаемся к первым результатам, которые дало исследование. Участники этого грандиозного проекта, его организаторы и исследователи выражают надежду, что их труд не прошел даром и что результаты программы позволяют пролить свет на многие вопросы, сопровождающие демографическое развитие Беларуси в прошлом, настоящем и будущем. После завершения обработки данные исследования «Поколения и гендер» будут переданы в Нидерландский междисциплинарный демографический институт и открыты для свободного использования.

Раздел I. ПЕРЕХОД В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ ЖИЗНЬ (ВОЗРАСТНЫЕ МОДЕЛИ ЖИЗНЕННЫХ ПУТЕЙ)

А. Лапето, О. Терещенко, Т. Шавердо

Демографическая модернизация, охватившая к XX веку все развитые страны, привела к смещению контроля над брачно-семейной сферой с коллективного (общественного) уровня на индивидуальный (частный). Трансформация «незыблемых» основ традиционной семьи – логическое следствие всеобщего процесса модернизации, приведшего к глубинным преобразованиям в социально-экономической и культурной жизни общества. Общественные институты, некогда обладавшие «всепроникающим» властным ресурсом (государство, церковь), постепенно утратили рычаги влияния на личную жизнь индивида вследствие утверждения модернизационных ценностей самовыражения и свободы выбора. По мнению американских исследователей А. Торнтона и Л. Янг-Де Марко (A. Thornton, L. Young-DeMarco), в настоящее время мы наблюдаем последовательное продолжение программы Просвещения и движемся к воплощению заветных идеалов свободы, равенства и терпимости [122]. Все это привело как к растущему многообразию стратегий брачно-семейного поведения, так и к кризису привычной системы ценностей. Данный процесс получил название «второго демографического перехода» (ВДП).

14

Первый демографический переход (ПДП) характеризуется общим снижением рождаемости и смертности, которое наблюдалось в XVIII–XIX вв. в странах Западной Европы и наблюдается в настоящий момент в большинстве развивающихся стран. ПДП предполагает достижение т. н. точки равновесия, в которой воспроизводство населения обеспечивает простое замещение поколений (средняя продолжительность жизни повышается до 70 лет, средняя фертильность снижается до 2-х детей, прирост населения стремится к нулю). По причине достижения паритета прироста и убыли населения отпадает «демографическая» необходимость в постоянной иммиграции, а господствующей формой семьи становится нуклеарная [106].

Данный подход был подвергнут сомнению динамикой послевоенной рождаемости в США и Западной Европе после Второй мировой войны. В США за послевоенным беби-бумом (1946–1964 гг.) последовало падение рождаемости 1970-х гг., вызванное в том числе и конъюнктурой рынка труда (также этот пример показал, что воспроизводство населения в обществах, которые прошли первый демографический переход, не стабилизировалось).

Авторами концепции ВДП Диком ван де Каа и Роном Лестером (van de Kaa, Lesthaeghe) отрицалась возможность достижения «точки равновесия». Напротив, они утверждали (в 1986 г.), что тенденции 1970-х гг. были «первой ласточкой» новой демографической реальности, которой присущи:

- рождаемость ниже уровня воспроизводства;
- многообразие партнерских взаимоотношений, отличных от «традиционного» брака;
- потеря устойчивой связи между институтом брака и процессом продолжения рода;
- отсутствие стабильной динамики воспроизводства населения.

Также указывалось, что без «иммигрантской подпитки» общества столкнутся с последствиями значительного уменьшения численности населения и его старения. Средний возраст будет намного выше того, который предусматривался ПДП в результате более низкой рождаемости и значительных успехов в медицине. В целом авторы концепции ВДП очертили круг новых социальных проблем, среди которых: старение населения, ассимиляция иммигрантов, адаптация коренного населения к другим культурам, уменьшение стабильности в браке/партнерстве, высокий уровень бедности среди отдельных типов домохозяйств.

На уровне индивида ВДП неразрывно связан с расширением свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни, с возрастанием ответственности за последствия сексуальных отношений, с более высокой, чем прежде, эффективностью планирования сроков появления потомства, одним словом – с возросшими возможностями каждого человека управлять своей индивидуальной «демографической судьбой».

Если ПДП обусловлен в первую очередь материально-экономическими факторами, то ВДП в значительной мере определяется культурной трансформацией и сдвигом ценностного сознания. Воспользовавшись терминологией Инглхрата и Уэлзела (Inglehart, Welzel), можно сказать, что ВДП сопровождается переориентацией людей с ценностей «выживания» на ценности «самовыражения» [104].

Следует подчеркнуть, что ВДП не предполагает линейной логики развития и единовременного, повсеместного преобразования брачно-семейного поведения: темп и характер демографической модернизации теснейшим образом связаны с историко-культурными особенностями и национальной спецификой конкретных обществ. В то же время демографическая модернизация, как часть единого процесса социальной модернизации, не исключает наличие неких «очагов», продуцирующих трансформационные тенденции и задающих общий «тон» изменений – в данном случае речь идет о странах Западной Европы и США.

Так, например, наблюдается значительный временной «коридор» между демографической трансформацией в Западной Европе и странах СНГ. Проводя сравнительный анализ демографических процессов в России и Франции, В.С. Магун отмечает, что «заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошел в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции». Пусковым механизмом преобразований послужили яркие исторические события – студенческие волнения 1960-х гг., завершившиеся революцией 1968 г. во Франции, и перестроечные процессы 1990-х гг. в России [33]. Специфика демографической трансформации на территории Беларуси имеет тенденции, сходные с изменениями брачно-семейного поведения в России и странах Восточной Европы. Однако необходимо выяснить, каковы эти изменения.

Довольно проблематично очертить четкие границы демографических переходов, более того, если ПДП предполагал (хотя бы теоретически) достижение определенного состояния – равновесия между рождаемостью и смертностью, – то одним из важнейших параметров ВДП является его нестабильность, невозможность зафиксировать определенную точку, к которой ведет процесс демографической трансформации.

Второй демографический переход характерен также для постсоветского пространства. При изменении жизненных условий и укладов люди стали вести себя по-другому в отношении семьи и воспроизводства. Но и здесь стоит вопрос о характере изменений.

Жизненный путь индивида может быть представлен как последовательность ключевых событий в сфере образования, профессиональной деятельности, семейной жизни. Многие из этих событий относятся к этапу взросления индивида, перехода к самостоятельной жизни: в частности, завершение образования, уход из родительской семьи (сепарация), обретение собственного жилья, первое трудоустройство, формирование собственной семьи и рождение первого ребенка.

Данные обследования «Поколения и гендер» позволяют нам выявить различия «траекторий взросления» мужчин и женщин разных поколений. Мы попытаемся проиллюстрировать эти изменения посредством сравнения возрастных когорт.

Стратегия жизненного пути индивида, включая его демографическое поведение, в значительной степени предопределяется «духом времени», знаковыми историческими событиями эпохи. Так, например, достаточно известной и показательной является теория поколений в англо-американской истории, разработанная Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом (Strauss, Howe) [120].

В рамках настоящей статьи было принято решение разработать максимально «чувствительную» объяснительную модель возрастных различий. Базу данных, на которой построена модель, составили 8 201 респондент 1940–1989 г. р., из них 54 % – женщины, 46 % – мужчины. Респонденты были сгруппированы в 5 возрастных когорт, временной интервал между которыми составил 10 лет (рис. 1).

Рис. 1. Распределение респондентов в разрезе поколений

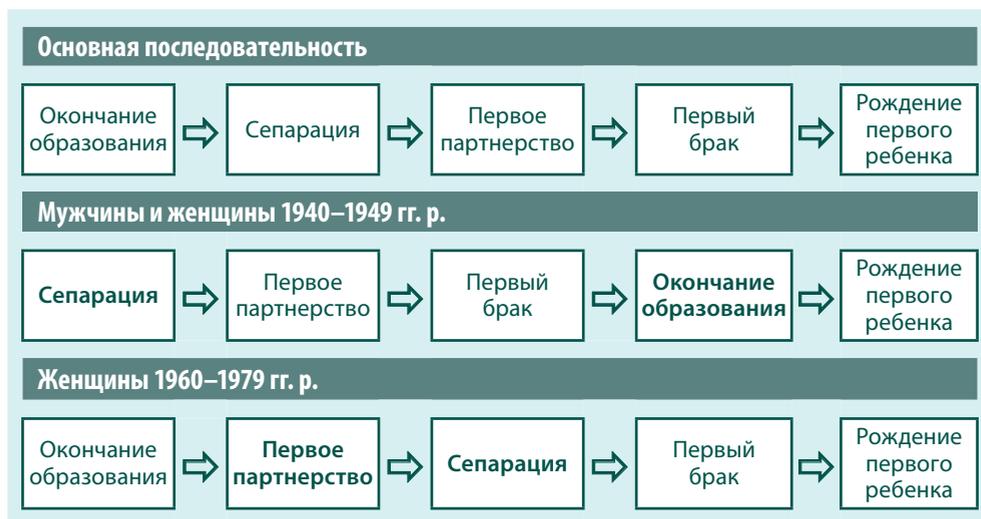
Чтобы лучше понять различия в демографическом поведении разных поколений, мы проанализировали события жизненного пути [11], наступление основных этапов взросления индивида: начало проживания отдельно от родителей (сепарация); завершение образования; начало совместного проживания с первым сексуальным партнером (фактический брак); первая регистрация брака; рождение первого ребенка.

Для каждой возрастной когорты мы оценили процент людей, в жизни которых данные события произошли до достижения 25 лет (табл. 1). Доли респондентов, «преодолевших» события взросления к 25 годам [121, с. 10–11], будут служить ориентиром для построения «траекторий взросления» – последовательностей событий, которые характерны для той или иной когорты.

Таблица 1. Достижения событий жизненного пути к 25 годам, %

Пол	Когорта	Образование	Сепарация	Партнерство	Брак	Ребенок
Мужской	1940–1949	52	65	53	53	35
	1950–1959	72	69	62	61	48
	1960–1969	82	68	63	60	48
	1970–1979	80	63	57	52	40
	1980–1989	81	60	49	39	27
Женский	1940–1949	62	70	68	65	58
	1950–1959	80	73	71	71	67
	1960–1969	86	75	76	74	70
	1970–1979	80	72	73	69	66
	1980–1989	81	69	68	58	51

Наблюдая за траекториями «взросления» жителей Беларуси, родившихся после 1940 г., мы можем выделить последовательность событий, присущую подавляющему большинству когорт: завершение образования ⇒ начало отдельного от родителей проживания ⇒ первый фактический брак ⇒ регистрация первого брака ⇒ рождение первого ребенка. Кроме основной последовательности событий взросления жителей Беларуси, мы выделили 2 отклоняющиеся траектории (рис. 2).

Рис. 2. Наблюдаемые «траектории взросления» у разных возрастных когорт

Особенности последовательностей демографических событий, представленных на рис. 2, позволяют сделать ряд предположений, объясняющих различие в конфигурациях жизненного пути. «Дети войны» – поколение мужчин и женщин, рожденных в 1940–1949 гг., – зачастую были вынуждены продолжать свое обучение после отделения от родителей и даже после вступления в брак, так как трудности послевоенных лет вынуждали в первую очередь решать вопросы выживания, а не самоактуализации. Довольно интересной представляется последовательность событий в когортах женщин 1960–1969 и 1970–1979 гг. р.: первое партнерство у данных групп респондентов происходит раньше сепарации, что свидетельствует о матриликальном характере проживания партнеров. В рассмотренной ранее теории поколений женщины, рожденные в 1960–1969 гг., относятся к т. н. поколению «беби-бумеров»; их высокая демографическая активность могла послужить причиной возникновения трудностей жилищного характера на момент вступления данной когорты в партнерские отношения. Таким образом, можно сделать предположение о вынужденной отсрочке процесса нуклеаризации домохозяйств ввиду «квартирного вопроса». Для когорты женщин 1970–1979 гг. р. также характерна тенденция откладывания нуклеаризации и матриликальный характер проживания партнеров. В данном случае трудности отделения женщин от родительских семей, скорее, объясняются тяжелым перестроечным периодом, на который приходится начало демографической активности этого поколения.

В целом график демонстрирует тенденцию к увеличению временного интервала между вступлением в брак и рождением первенца, проявляющуюся у более молодых когорт (данная закономерность более показательно проявляется в рамках модели пропорциональных рисков). Однако мы не можем утверждать, что чем младше рассматриваемая когорта, тем позднее она достигает последнего события взросления – рождения первенца. Скорее, наблюдаются значимый спад в среднем возрасте рождения первенца у женщин 1960–1979 гг. р. (рис. 3).

Рассматривая процесс отделения мужчин и женщин от родителей, можно отметить, что среди женщин младших когорт сепарация происходит значительно раньше, чем среди старших когорт. Более того, возрастает интервал между сепарацией и вступлением в брак, что говорит о процессе эмансипации женщин: если ранее женщина из-под родительской опеки практически сразу попадала под опеку своего супруга, то постепенно самостоятельное проживание женщины либо же ее сожительство с партнером без официальной регистрации отношений становятся все более распространенными явлениями. Примечательно, что для мужчин временной интервал между сепарацией и вступлением в брак на протяжении всего рассматриваемого периода значимо не изменяется.

Наступление демографических событий у женщин до 25, у мужчин до 27 лет.

В целом у молодых женских когорт проявляется тенденция к увеличению временного интервала между вступлением в брак и рождением первого ребенка. В когорте 1980–1989 гг. р. также увеличивается разрыв между началом фактического брака и его регистрацией; появляется разрыв и между уходом из родительского дома и началом совместной жизни с партнером, который ранее был скорее единичным случаем, нежели массовым (рис. 4).

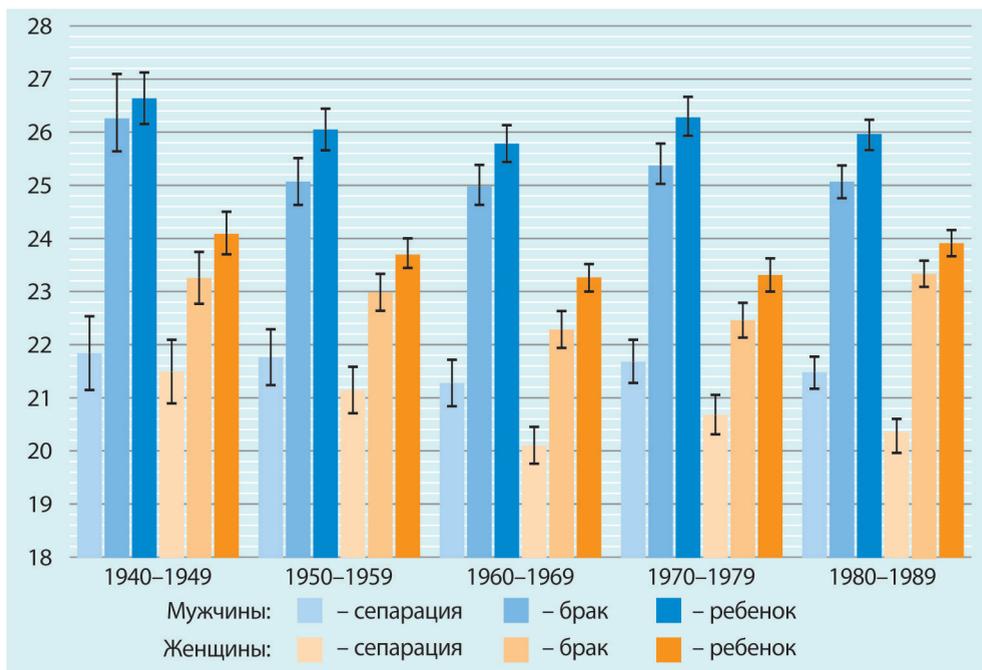

Рис. 3. Средние возраста наступления событий «взросления» в разрезе пола и возрастных когорт (с доверительными интервалами)

У мужчин последовательность демографических событий имеет строгую иерархию: в первую очередь они отделяются от родителей (рис. 4); спустя какое-то время вступают в фактический брак, затем оформляют брачные отношения и, наконец, решаются на рождение ребенка. Отметим, что молодые когорты, по сравнению со старшими, откладывают каждое из событий (исключение составляет когорта 1940–1949 г. р.).

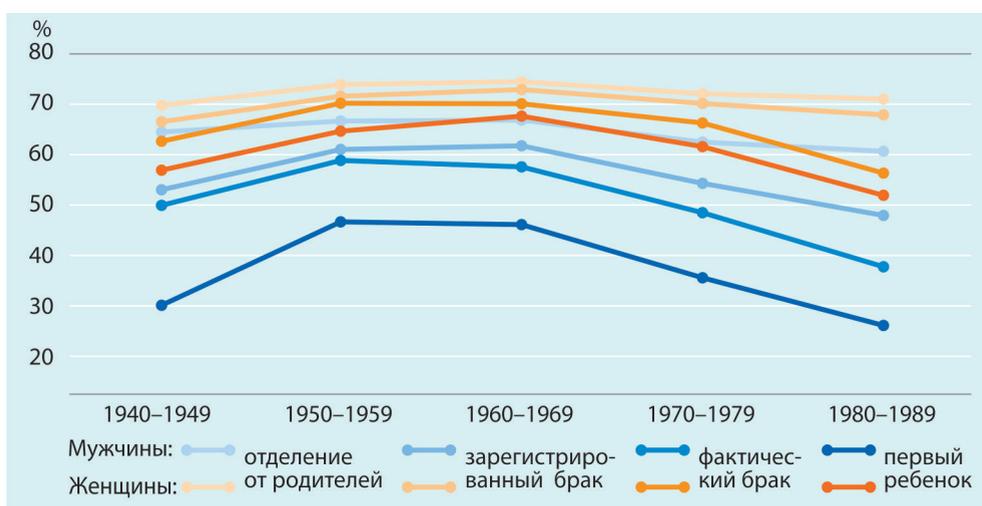

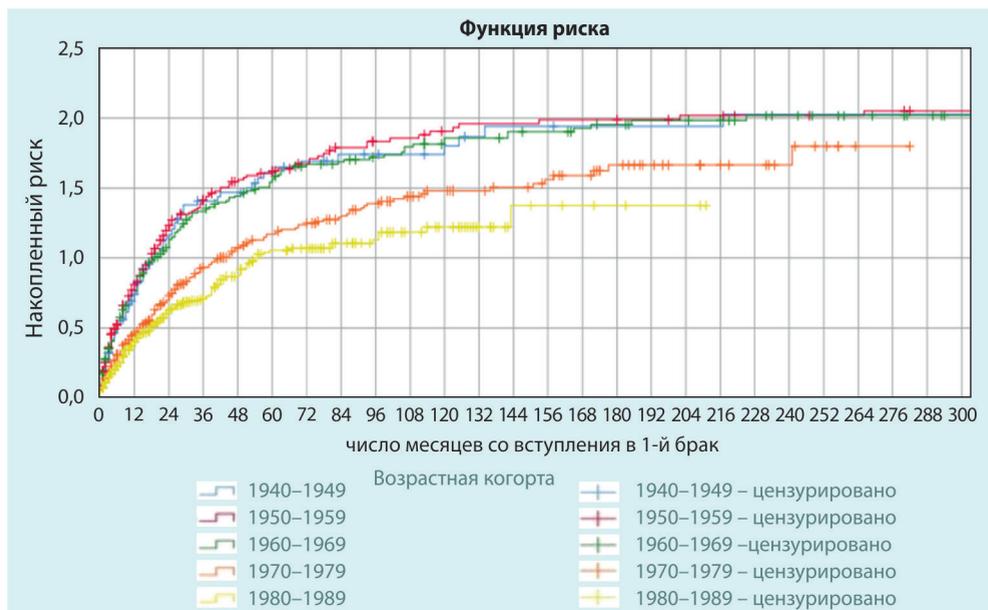
Рис. 4. Доля мужчин и женщин, у которых демографические события произошли до наступления 25 лет, %

Для более глубокого анализа было принято решение проследить различия когорт в планировании детей с течением времени после заключения брака. Оценить вероятность зачатия первого ребенка у женщин разных возрастных когорт представляется возможным с помощью модели пропорциональных рисков, позволяющей распространить уже совершившиеся события (зачатие первенца) на тех представителей возрастных когорт, у которых они не произошли. Таким образом, с помощью пропорциональных рисков можно выявить среднюю, самую характерную траекторию роста накопленной вероятности зачатия первенца для конкретной возрастной когорты.

В нашем случае параметрами модели пропорциональных рисков являются:

- *событие* – зачатие первого ребенка;
- *время* – количество месяцев от вступления в 1-й брак до зачатия 1-го ребенка;
- *группа риска* – женщины, вступившие в первый брак до наступления первой беременности;
- *объясняющая переменная* – возрастная когорта.

Графики «функций риска» (рис. 5) демонстрируют, как с течением месяцев (ось Y), прошедших с момента вступления женщины в первый брак, увеличивается вероятность зачатия 1-го ребенка (ось X). Накопленный риск равен отрицательному логарифму вероятности выживаемости.

Рис. 5. Функция риска зачать первого ребенка для женщин, вступивших в первый брак

Вероятность зачать первого ребенка после вступления в первый брак у женщин увеличивается в зависимости от длительности пребывания в браке. При рассмотрении уже первых 2-х лет (24 месяцев) жизни после заключения брака отчетливо выделяются 2 группы когорт:

1940–1969 г. р. («авангардная группа» – с более высокой вероятностью зачатия);
 1970–1989 г. р. («карьергардная группа» – с более низкой вероятностью зачатия).

Данное разделение показательно в контексте теории второго демографического перехода, так как представителей поколения 1970-х гг. условно можно считать «первопроходцами» демографической трансформации на постсоветском пространстве: начало их демографической активности приходится на период «сексуальной революции» 1990-х гг., вспыхнувшей вместе с распадом СССР.

В целом график функций риска зачать 1-го ребенка для женщин, вступивших в 1-й брак, демонстрирует тенденцию к формированию такой формы демографического поведения, как откладывание зачатия, которая отчетливо проявляется в первые 2 года брака у когорт «арьергардной группы» и свидетельствует о некотором обособлении брачного поведения от репродуктивного.

На основе построенных возрастных моделей жизненных путей для когорт 1940–1989 гг. р. можно обозначить некоторые общие закономерности демографического поведения жителей Беларуси.

1. Подавляющее большинство обследуемых когорт имеет единую последовательность демографических событий на протяжении жизненного пути: завершение обучения/образования ⇒ начало отдельного от родителей проживания ⇒ начало жизни в фактическом браке ⇒ заключение первого официального брака ⇒ рождение первого ребенка.
2. Более молодые когорты демонстрируют тенденцию к увеличению временного интервала между вступлением в первый брак и рождением первенца по сравнению с когортами старшего возраста.
3. С уменьшением возраста обследуемой когорты возрастает тенденция к эмансипации женщин, проявляющаяся в увеличении временного интервала между сепарацией и вступлением в брак; другими словами, опыт самостоятельной жизни женщины становится более продолжительным.
4. Женские возрастные когорты отчетливо разделяются на 2 группы по демографическому поведению: для «авангардной группы» 1940–1969 гг. р. характерна более высокая вероятность зачатия в первые 2 года пребывания в браке, чем для «арьергардной группы» 1970–1989 гг. р., демонстрирующей тенденцию к «откладыванию зачатия».

Перечисленные закономерности представляют интерес в контексте теории второго демографического перехода, так как свидетельствуют о продолжающейся на территории Беларуси демографической трансформации. Несмотря на нелинейность и нестабильность данного процесса, можно, однако, выделить его ключевую тенденцию – усиливающееся обособление некогда неразрывной связи брачного и репродуктивного поведения. Возрастные модели жизненных путей, рассмотренные нами, свидетельствуют, что данная закономерность характерна и для современного населения Беларуси, что позволяет говорить о происходящих на территории страны процессах второго демографического перехода.

Одной из характерных тенденций изменения института семьи в современных условиях является рост разнообразия траекторий жизненного пути. Партнеры не всегда заключают официальный брак и часто предпочитают жить вместе без официальной регистрации союза. В современных условиях динамичных изменений, где успех связан с профессиональными достижениями и привлекательными становятся ценности личностной свободы и индивидуальной самореализации, индивиды рассматривают брак и семью только как часть «индивидуального проекта». Для обозначения союзов, партнеры в которых проживают совместно, но не зарегистрированы официально, на сегодняшний день отсутствует устоявшееся определение. В качестве взаимозаменяемых синонимов употребляются: сожительство; фактический брак, гражданский брак; незарегистрированный союз; консенсуальный союз. В данном исследовании фиксировался именно *факт совместного проживания без официальной регистрации партнеров*, и в соответствии с принятой в демографии терминологией данный вид союзов будет определяться как *фактический брак*. Среди фактических браков выделяются две основные формы, различающиеся, прежде всего, установками партнеров на перспективы отношений: фактический брак, *предшествующий* зарегистрированному браку, и фактический брак, *альтернативный* зарегистрированному браку [4, 26].

Но даже вступив в официальный брак, ряд пар продолжает жить отдельно. Данное явление в демографии и социологии семьи получило название LAT (Living Apart Together – пара, живущая врозь). К ним относят индивидов, состоящих в брачно-партнерских отношениях, но проживающих в различных домохозяйствах.

Задачами исследования являются:

- 1) анализ распространенности фактических браков в общей структуре брачно-партнерских отношений;
- 2) выявление социально-демографических характеристик респондентов, проживающих в фактических браках;
- 3) сравнение особенностей организации домохозяйств и удовлетворенности отношениями в фактических браках с господствующей в Беларуси формой близких отношений – официально зарегистрированными браками. Акцент ставится на фактических браках ввиду их слабой изученности в белорусских реалиях.

Распространенность фактических браков. Исследование «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» показало, что в настоящий момент в официально зарегистрированных браках состоят 61,6 % респондентов. Доля респондентов, проживающих с партнером без официальной регистрации, среди всех опрошенных составляет 5,8 %, LAT-союзы – 4,9 % (среди которых 1,2 % состоят в зарегистрированном браке, но проживают отдельно, и около 3,8 % в браке не состоят и проживают отдельно) и 27,6 % – те, у кого на момент проведения исследования партнер отсутствовал.

Брачная пирамида, построенная по 5-летним возрастным интервалам, показала многочисленное представительство одиноких в младших возрастных группах, которое у женщин уменьшается к 30 годам, а у мужчин – к 35 годам (рис. 6). И если среди мужчин, число одиноких с возрастом продолжает последовательно уменьшаться, то среди женщин после 35 лет наблюдается обратная тенденция. Наибольшее число одиноких респондентов зафиксировано среди 18–29-летних (43,7 %), а также среди тех, кто старше 60 лет (36,5 %). Но если в старшей возрастной группе 87,2 % состояли в партнерствах ранее, то среди молодежи таковых оказалось только 12,6 %.

Рис. 6. Распределение респондентов по полу, возрасту и состоянию в браке (100 % – по возрастной категории)

Примечание: 1) младшая возрастная группа 18–19 лет;
 2) одинокие – респонденты, указавшие, что на момент проведения исследования у них нет человека, с которым по крайней мере 3 месяца они находились бы в партнерских отношениях.

Фактические браки чаще фиксируются среди респондентов до 45 лет. В старших возрастах они встречаются как единичные явления. Такие формы партнерства, как фактические браки и LAT, имеют относительно низкую степень распространенности. Для рассмотрения динамики их доли в общей структуре брачно-партнерских отношений в возрастном разрезе представляется целесообразным использовать достаточно крупные возрастные интервалы, но учитывающие при этом базовые особенности возрастных групп: 18–29 лет, 30–44 года, 45–59 лет, 60 лет и старше.

Проведенное исследование показало значительный рост популярности фактических браков, предшествующих зарегистрированным. Об их распространении как этапа, предшествующего заключению официального брака, свидетельствует тот факт, что 24,7 % респондентов, состоящих на момент опроса в законном браке, до официального заключения брака проживали с партнером вместе, не

регистрируя свои отношения⁴. Особенно возрос данный показатель в последнее время. Среди респондентов до 30 лет число браков, которым предшествовал этап фактического брака, превышает половину среди всех заключенных браков. Среди респондентов старшей возрастной группы только один из 6-ти браков начинался с фактического (рис. 7).

Рис. 7. Распространенность фактических браков, предворяющих заключение официального брака, по возрастным группам, %

Среди мужчин и женщин отсутствуют различия в предпочтениях траектории формирования отношений. И те, и другие с одинаковой частотой начинают совместную жизнь или с официальной регистрации, или без регистрации. Выявлены значимые различия между теми, кто состоял до этого в зарегистрированном браке, и теми, для кого данный брак является первым ($p < 0,001$; $V = 0,192$)⁵: 67,3 % респондентов, состоявших ранее в браке, начинали новый союз с фактического брака. Для не состоявших в законном браке это соотношение обратное: 68,7 % предпочли вначале оформить отношения и 31,3 % сначала жили вместе без регистрации, а затем оформили брак. О начале совместной жизни с предшествующего фактического брака сообщают 38,4 % проживающих в крупных городах и по 28,4 % проживающих в малых городах и сельской местности.

Активные изменения начали происходить с начала 1990-х гг.⁶ До этого периода доля браков с предшествующим фактическим браком в среднем составляла 15,2 %. Если раньше совместную жизнь начинала с фактического брака каждая 6-я пара, в 2007 г. – уже каждая 2-я. В начале 2017 г. в 78 % случаев зарегистрированному браку предшествовал фактический брак (рис. 8).

⁴ Доля от респондентов, состоящих с партнером в законном браке на момент опроса ($N = 6160$). Для 48,4 % брак не предворялся совместной жизнью без регистрации, и 26,9 % затруднились с определением дат регистрации брака или начала совместной жизни.

⁵ Здесь и далее: p – уровень значимости; V – коэффициент Крамера.

⁶ Фиксация изменения доли браков с предварительным фактическим браком рассматривалась относительно респондентов, для которых текущий брак является первым и которые указали даты начала совместной жизни и регистрации брака с партнером ($N = 4061$). Доля тех, кто ранее состоял в фактическом или официальном браке, относительно тех, кто на момент опроса находился в зарегистрированном браке, составляет 9,6 % ($N = 590$). Из них только 68,4 % ($N = 404$) указали даты начала совместной жизни с партнером и регистрации брака с ним. Тем самым вклад данной категории опрошенных в общее распределение представляется несущественным, в связи с чем она была исключена из последующего анализа.

Рис. 8. Снижение доли заключенных браков, которым не предшествовал фактический брак, %

Таким образом, фактические браки как предшествующие зарегистрированным получили значительное распространение на территории Беларуси. Данный тип партнерства предпочитает молодежь, проживающая в крупных городах. Тем самым можно говорить об утверждении новой траектории становления брачно-партнерских отношений, когда заключению официального брака предшествует фактический брак.

Социально-демографические характеристики партнеров в фактических браках.

Последующий анализ касается респондентов, указавших на момент опроса, что они проживают с партнером совместно без регистрации брака (N = 582). Среди данной категории респондентов доминируют представители возрастной группы 20–39 лет (33,2 %). Здесь равномерно представлены как мужчины, так и женщины. Чаще это жители крупных городов (56,5 %). Реже такие союзы встречаются в сельской местности (24,7 %) и в малых городах (16,8 %). Данные показывают, что среди состоящих в фактических браках и проживающих в сельской местности преобладают представители 1948–1967 гг. р. (рис. 9). Рожденные после 1988 г. чаще являются жителями крупных городов.

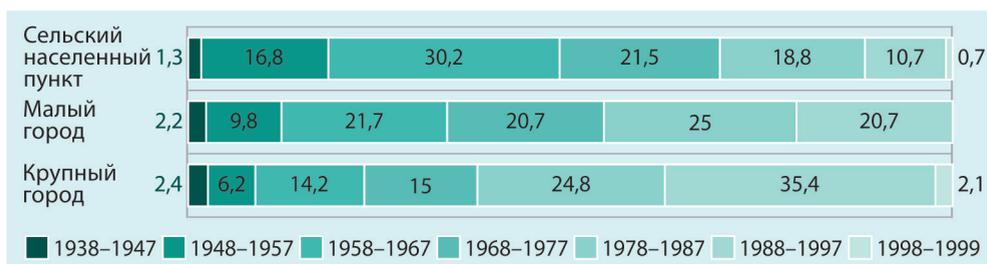

Рис. 9. Распределение респондентов, состоящих в фактических браках по поколениям и типу населенного пункта, (среди фактических браков N = 582, 100 % по типу населенного пункта)

Каждый 3-й респондент, проживающий в фактическом браке, имеет общих с партнером биологических детей (26,3 %). Из них 22,1 % имеет одного ребенка, 9 % – 2-х детей и 2 % – 3-х детей. Общих биологических детей чаще имеют

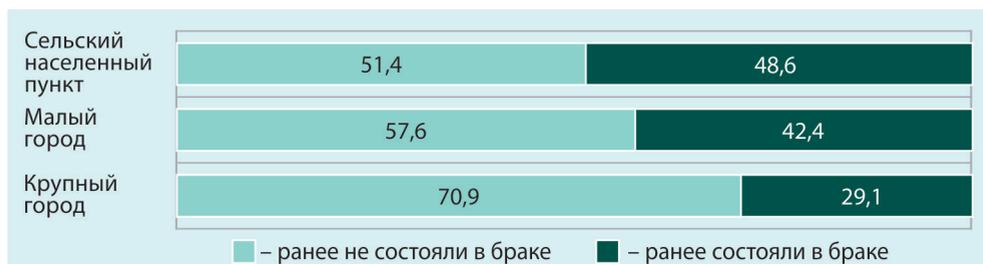
респонденты 30–44 лет (45,6 %) и 45–59 лет (31,1 %) ⁷. Более половины из них проживают в крупном городе (54,4 %) и ранее не состояли в зарегистрированном или фактическом браке (71,6 %).

Также в 26,4 % случаев в семьях проживают дети партнера. Чаще это дети партнерши ($p < 0,05$; $V = 0,153$). О проживании в семье детей партнера ответили 39,9 % мужчин и 27,6 % женщин.

Доля респондентов, в семьях которых проживают и биологические дети, и дети партнера составляют 7 %. Нет детей у 40,3 % опрошенных.

Для каждого 2-го респондента (44,1 %), проживающего в фактическом браке, это не первое партнерство. В 36,1 % случаях ему предшествовал зарегистрированный брак. При этом только 9,6 % из опрошенных, проживающих в зарегистрированных браках, сообщили, что данное партнерство не является для них первым. Полученные данные косвенно подтверждают положение о том, что второе и следующие партнерства регистрируются реже, чем первый брак. Отмечается несколько более высокая доля женщин ($p < 0,05$; $V = 0,99$), для которых текущему фактическому браку предшествовал официальный брак – 58,9 %. И только 41,1 % мужчин ранее состояли в браке.

Респонденты, для которых данному браку предшествовал зарегистрированный, чаще проживают в малых городах или в сельской местности. Жители крупных городов в 70,9 % случаев не имели в прошлом официального брака (рис. 10).

Рис. 10. Распределение респондентов, состоящих в фактических браках по предыдущему состоянию в браке и типу населенного пункта (100%), % (среди фактических браков N = 582)

Состояли до этого в зарегистрированном браке большинство опрошенных старшего поколения. Тогда как данный союз с совместным проживанием является первым для представителей самого молодого поколения. Исследование показало, что чем моложе респонденты, тем чаще для них проживание в фактическом браке является партнерством, которому не предшествовал зарегистрированный брак (рис. 11).

Отвечая на вопрос о намерениях заключить брак со своим партнером в ближайшие 3 года, респонденты старших возрастов отвечают отрицательно (1938–1947 гг. р. – 90,9 %, 1948–1957 гг. р. – 80,8 % «определенно нет» или «вероятно нет»); младших возрастов – положительно (среди рожденных в 1988–1997 гг. – 75,7 % – «определенно да» или «вероятно да»). Следовательно, молодежь рассматривает фактический брак как предшествующий официальному браку, а представители старшего возраста – как его альтернативу.

⁷ Среди состоящих в фактическом браке и имеющих детей N = 193.

Рис. 11. Фактические браки по предыдущему состоянию в браке и возрасту (среди состоящих в фактическом браке N = 582, 100 % по возрастной категории)

Таким образом, среди проживающих в фактических браках доминируют представители возрастной группы 20–39 лет. Более половины из них проживает в крупных городах. Возраст состоящих в фактических браках жителей села преимущественно составляет 50–69 лет. Третья часть проживающих в фактическом браке респондентов имеет с партнером общих биологических детей. Столько же проживает совместно с детьми партнера. Среди респондентов старшего возраста фактический брак чаще следует после распада официального брака. Для молодежи до 30 лет он является первым партнерством с совместным проживанием и рассматривается ими как предшествующий официальному браку.

Особенности организации домохозяйств. Противоречивым вопросом, обсуждаемым исследователями при рассмотрении фактических браков, является представление о материальном положении партнеров как о важнейшей детерминанте совместного проживания без официальной регистрации. С одной стороны, предполагается, что партнеры имеют высокий уровень материальной обеспеченности и стремятся сочетать партнерство с определенной свободой (пусть и субъективной), которое подразумевает фактический брак. С другой стороны, к такой форме отношений прибегают пары, которые хотели бы, но не имеют возможности организовать бракосочетание или достойно обустроить быт [71]. Для выявления, в каких доходных категориях населения распространены фактические браки, использовался вопрос о том, как респонденты справляются с материальными трудностями, «сводят концы с концами» (рис. 12).

Полученные данные показали, что каждый второй из ответивших справляется с материальными трудностями с некоторыми затруднениями. Но статистически значимых отличий между браками разного типа не обнаружено, полученные ответы соответствуют общему распределению. Сравнение с ответами респондентов, проживающих в зарегистрированных браках, и одиноких, показало, что хотя партнеры в фактических браках чаще сталкиваются с материальными трудностями, статистически эти отличия незначительны, что указывает на то, что их материальная сторона соответствует общей ситуации, сложившейся в белорусских реалиях.

Рис. 12. Особенности преодоления материальных трудностей среди проживающих с партнером и одиноких, % maritalный статус (N = 9183)

Трактовка изменяющейся траектории брачно-партнерских отношений во многом связана с анализом распределения семейных обязанностей и властных отношений в фактических и зарегистрированных браках. Актуальность данного вопроса обусловлена разницей в подходах к пониманию фактических браков в доминирующих объяснительных концепциях. В русле концепции кризиса предполагается, что партнеры свободны от ответственности за благополучие союза, в том числе и за его материальную составляющую. Их отношения имеют исключительно интимно-личностное содержание и именно в этом видится преимущество данного типа союза перед зарегистрированным браком. В соответствии с теорией модернизации, для фактических браков, как более либеральной и свободной формы отношений, характерно эгалитарное распределение семейных обязанностей, повышающее удовлетворенность супругов отношениями.

Исследование показало, что на территории Беларуси в фактических браках сохраняется структура распределения домашних обязанностей, характерная для семей, организованных посредством зарегистрированного брака (Приложение 1).

В них так же, как и в зарегистрированных браках, женщины несут основную нагрузку при выполнении домашних работ. Мужчины берут на себя обязанности по мелкому ремонту. Незначительные отличия существуют только относительно приготовления еды. В фактических браках мужчины чаще полагают, что эти обязанности распределены равномерно. Примечательно, что женщины гораздо реже поддерживают эту позицию (табл. П1.1, П1.2).

Сравнивая особенности распределения домашней работы между возрастными группами (Таблицы П1.3–П1.6), необходимо отметить большую тенденцию к их равновесному распределению в группе 18–29-летних, что отмечается как мужчинами, так и женщинами по всем выделенным видам работ. При этом в браках обоих типов домашние обязанности в возрастных группах распределяются одинаково.

Таким образом, в белорусских семьях при распределении домашней работы между партнерами существует выраженная асимметрия. Представители обоих полов констатируют, что женщины несут более высокую нагрузку. Примечательно, что в младшей возрастной группе мужская вовлеченность в работу по дому увеличивается. И мужчины, и женщины свидетельствуют, что, во-первых, именно мужчины выполняют ту или иную работу, а во-вторых – что работа выполняется обоими партнерами в равной степени.

При определении уровня удовлетворенности существующим порядком респонденты как состоящие в зарегистрированном, так и фактическом браках склонны обращаться к высоким оценкам. Среднее значение шкалы от 0 (совершенно не удовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен) для респондентов, состоящих в зарегистрированном браке составляет 8,54, а в фактическом – 8,37. Среди респондентов, состоящих в зарегистрированном браке, чаще отмечается высокая степень удовлетворенности (значения шкалы 9–10), чем среди состоящих в фактическом браке – 59,8 и 53,2 % соответственно. Также в зарегистрированных браках реже выказывают минимальную степень удовлетворенности (значения шкалы от 0 до 6) – 9,2 % (в фактических – 10,7 %). Таким образом, состоящие в официальном браке респонденты в большей степени удовлетворены существующим, традиционным распределением работы в домохозяйстве.

Результаты исследования показывают, что среди населения Беларуси увеличивается многообразие траекторий построения партнерских отношений. Широко распространилась практика предшествующих официальной регистрации фактических браков. Наибольшую популярность она получила среди молодежи, проживающей в крупных городах.

Фактический брак как альтернатива зарегистрированному браку предпочитается относительно редко. Как тип семейно-брачных отношений он чаще встречается среди людей среднего возраста, которые уже состояли в официальном браке. Более чем в половине фактических браках респонденты имеют детей. Это как общие, биологические дети, так и дети партнера, чаще супруги. Также зафиксирована незначительная доля браков этого типа, где проживают и биологические дети, и пасынки/падчерицы.

Модель отношений в фактических браках соответствует сложившейся в зарегистрированных браках. Изменения связаны с возрастом респондентов и происходят в браках обоих типов. Но некоторые отличия все же существуют. Они связаны с большей независимостью в организации доходов партнеров в фактическом браке и перераспределением домашней нагрузки. Именно среди молодежи наблюдается большая вовлеченность мужчин в домашнюю работу и представление о желательности ее равномерного распределения. Проживающие в браках обоих типов в высокой степени удовлетворены своими отношениями, но среди тех, кто официально не зарегистрировал свои отношения, оценки удовлетворенности существующей моделью распределения домашних обязанностей ниже, по сравнению с зарегистрированными браками.

Судя по результатам данного исследования, утверждение практики проживания в фактическом браке, предшествующем его официальной регистрации, можно рассматривать как типовую стратегию формирования семьи в Беларуси.

Появление и распространение новых типов партнерских взаимоотношений имеет неоднозначную оценку как в обществе, так и среди экспертов. Некоторые видят в происходящих изменениях проявления кризиса семьи, другие рассматривают их как возможность поиска нетривиальных путей развития данного института, третьи выявляют закономерные этапы эволюции семьи. Современную семью характеризует отсутствие строгих форм, а также актуализация эмоциональных потребностей и индивидуальных стремлений партнеров, что может сказываться на стабильности союза. К основным проблемным проявлениям брачно-семейных, а также партнерских отношений относятся: нестабильность брака и высокий уровень разводов; неудовлетворенность семейной жизнью; низкая психологическая культура отношений и деструктивные семейные конфликты. Под наиболее распространенными формами эмоционально-психологических проблем понимаются конфликтность и преобладание неконструктивных способов их разрешения, снижение удовлетворенности отношениями, желание разорвать союз, проявляющиеся чаще всего в хозяйственно-бытовой и финансовой сферах отношений, а также в сфере воспитания детей. К эмоционально-психологическим факторам, влияющим на развитие положительного семейного сценария, в свою очередь, относятся: восприятие партнера как ценного, авторитетного, доброжелательного и поддерживающего, что обуславливает выбор конструктивных способов решения конфликтных ситуаций, высокий уровень удовлетворенности партнером, желание продолжать отношения.

В данном исследовании партнерские отношения рассматриваются как тип совместной жизни людей в паре (как состоящих в официальном браке, так и являющихся сожителями), что позволяет выяснить обстоятельства успеха и неудач союза с учетом эмоционально-психологической функции во взаимоотношениях партнеров. Типы отношений рассматриваются как системы, имеющие внутри себя источник собственного развития, одним из факторов которого выступает эмоционально-психологическая компонента взаимоотношений партнеров, определяемая через конфликтность, адаптивность, удовлетворенность. В качестве основных задач проведенного анализа выступают: уточнение содержания понятия семьи; выявление типов современных партнерских отношений белорусов; описание типов партнерских отношений с учетом эмоционального фактора, основанного на наличии конфликтов, причинах и способах их разрешения, удовлетворенности партнером, желания разорвать отношения.

Социальные и экономические перемены, происходящие в обществе в последние годы, так или иначе затрагивают все сферы жизни. Семья – важнейший социальный институт, поддерживающий стабильность социума в целом, с одной стороны, и пространство первичной социальной адаптации личности, с другой, – трансформируется вместе с обществом, оказывается под воздействием новаций, адаптируется к ним, принимая все более разнообразные формы.

Внимание к вопросам эволюции семьи объясняется важной, присущей только ей, ролью в воспроизводстве общественной жизни и жизни каждого отдельного

человека. Семья – это социокультурный институт, от которого в значительной мере зависит устойчивость и стабильность существования общества. Современный мир находится под влиянием динамичных преобразований социальных отношений, в результате которых, трансформируются типы гендерных взаимодействий, брачно-семейных отношений, роли и статусы мужчин и женщин в обществе и в семье [63].

В то же время в сознании большинства людей семья неразрывно связана с чувством покоя и стабильности, понимается как место, где в трудной ситуации окажут помощь и поддержку.

В социологии существует два основных взаимосвязанных направления изучения семьи. Первое основано на исследовании семьи как социального института (О. Конт, Э. Дюркгейм, В. Парето, Т. Парсонс). В рамках второго направления семья анализируется как малая социальная группа, а взаимосвязь личности и общества рассматривается на уровне первичных межличностных отношений (Ф. Ле Пле, Ч. Кули).

В современной науке значительную распространенность приобрели прикладные, демографические, социологические и медико-социальные исследования проблем, относящиеся к способности института семьи осуществлять репродуктивную функцию. Демографические проблемы, различные аспекты проблем разводов и депопуляции населения рассматриваются многими западными (Х. Хартман, У. Риверс, Дж. Мэрдок), а также российскими и белорусскими учеными (С.И. Голод, В.В. Елизаров, Н.М. Римашевская, Л.П. Шахотько, А.А. Раков и др.).

Актуальность исследований семьи, брачно-партнерских отношений, отношений родства и родительства связана с тем, что именно семья выступает в роли социальной детерминанты процесса воспроизводства населения, а феномен родительства является механизмом трансляции опыта поколений. Значимость исследований брачно-семейных отношений обуславливается их корреляцией с кризисом семьи, проявляющимся в снижении престижа института семьи и его неспособности удовлетворительно выполнять основные функции. Отметим, что с изменением брачно-семейных практик понятие семьи также эволюционирует, становится поливариативным.

Институциональные изменения можно фиксировать, основываясь на объективных данных динамики демографических показателей: общего снижения рождаемости, увеличения разводов и семей с одним родителем, уменьшения числа детей в семьях [66]; более позднего вступления в юридический брак, распространения альтернативных форм брака и семьи. Так, незарегистрированные браки (являющиеся фактическими супружествами-сожительствами) становятся широко распространенным феноменом, который отмечается не только специалистами, но и является обычным для рядовых граждан [12]. Увеличивается количество людей, никогда не состоявших в браке, что, однако, не означает, что люди не вступают в партнерские отношения. Данная тенденция говорит о трансформации мнений, относящихся к формализации брачно-партнерских отношений, юридическая регистрация которых для многих людей сегодня не является обязательной. Такая позиция получила значительное распространение и стала привычной в обществе.

В ответ на современные тенденции либерализации политических и экономических систем, размывания межгосударственных границ и расширения числа межличностных взаимодействий увеличивается число форм социального брака, что напрямую отражается на характере взаимоотношений между партнерами в паре. Так, современные формы юридически оформленного супружества часто не предполагают совместного проживания партнеров (в основе гостевых браков – территориальная разъединенность партнеров); в то же время совместное проживание партнеров возможно и без заключения официального брака [12].

Происходящие изменения в брачно-семейной сфере, с одной стороны, отражают общемировые тенденции, с другой – сами способствуют переменам. Это касается и супружеских, и родительских, и родственных отношений, которые сегодня распадаются на частные подсистемы, и каждая при этом видоизменяется.

Так, отношения между партнерами теперь все чаще создаются не только с целью продолжения рода, но и для самостоятельного межличностного взаимодействия [15]. Сегодня во многих странах эмоционально-психологическая функция супружеских отношений становятся не менее значимой, чем родительство и родство. Основными ценностями в паре становятся удовлетворенность партнеров межличностными отношениями, позитивная эмоциональная составляющая при взаимодействии и поддержка, а бытовая, репродуктивная и воспитательная функции семьи несколько потеряли в своей значимости.

Однако люди продолжают вступать в отношения и рожают детей. При этом, как показывают исследования последних лет, семья для большинства белорусов крайне важна и занимает второе место в числе ценностных ориентаций, уступая только здоровью [66]. Человеку важно иметь место, где его любят, где ему окажут помощь, где партнеры разделяют взгляды друг друга, где налажены отношения взаимопонимания. Сегодня именно так характеризуют семью сами люди, безотносительно к тому, в какой форме она существует [12].

Важность особенностей внутрисемейного общения и качества взаимоотношений между партнерами обусловила отмечаемые многими специалистами кризисные явления современной семьи. В качестве особенностей внутрисемейного общения выступают регулярно повторяемые, каждодневные практики общения членов семьи друг с другом в той или иной ситуации. Актуальность исследований в данной сфере обусловлена тем, что раскрытие механизмов формирования, реализации и трансляции брачно-партнерских отношений может способствовать повышению устойчивости и длительности существования семьи, коррекции установившихся деструктивных типов взаимоотношений [74].

Как малая социальная группа семья всегда существует в определенном временном промежутке; длительность и последовательность жизненных событий участников брачно-партнерских отношений составляют основу семейного уклада. Тип, условия и содержание межличностного общения внутри семьи зависят как от исторической эпохи, уровня развития экономических, политических и социокультурных отношений, так и от конкретных личностей, входящих в состав данной семьи. Взаимоотношения в паре – это сложная система, основанная на принципе единства социального и индивидуального в рамках одного пространства. В период существования брачно-партнерских взаимоотношений

образуется сфера, в которой актуализируется индивидуальность человека, но происходит это в тесном взаимодействии и общении с другими членами семьи, и в т. ч. под влиянием внешних социокультурных и экономических факторов.

Значительная часть молодых людей в современной Беларуси довольно рано покидает родительский дом для получения образования, в связи со службой в армии или поиском работы в другом населенном пункте. В то же время такая жизненная стратегия характерна не для всех; существенная часть молодежи продолжает проживать с родителями даже вступив в брачно-партнерские отношения и родив детей, образуя тем самым расширенный (экзогенный) тип семьи.

Расширенный тип семьи, по сравнению с нуклеарным (эндогенным), характеризуется большей вариативностью внутрисемейных отношений, поскольку в них взаимодействует большее количество людей. Каждый из участников расширенной семьи обладает своим мировоззрением, имеет свой личный статус, выполняет определенные функции, что обуславливает широкий спектр внутрисемейных отношений. Как эндогенные, так и экзогенные отношения имеют свои характерные особенности.

Так, в отношениях расширенного типа возникает необходимость создания и поддержания контактов с каждым членом семейной группы, что требует от индивида больших усилий (нравственных, психологических), так как нужно учитывать личностные особенности каждого. Отношения между партнерами, родителями и детьми, другими родственниками могут носить как позитивный характер, так с той же вероятностью отличаться неприятием друг друга и агрессией.

В малой нуклеарной семье общение между партнерами также может быть охарактеризовано негативно по причине недостаточного числа внешних контактов. Взаимодействия, ограничивающиеся только партнерами брачно-семейных отношений, могут стать рутинными, что снижает ценность партнера в паре и может привести к ее распаду.

Отношения в семье. В исследовании «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» были определены наиболее распространенные среди населения Беларуси типы партнерских отношений в зависимости от таких характеристик, как совместное проживание партнеров, наличие или отсутствие детей, а также в зависимости от того, проживает пара партнеров в отдельном домохозяйстве либо делит его с другими членами семьи (родители, другие родственники). Типы партнерских союзов, представленные в данном ракурсе, позволяют выявить факторы развития позитивного или негативного сценария отношений с учетом эмоционально-психологической составляющей во взаимоотношениях партнеров.

Проведенный анализ показал, что 34,5 % респондентов не состоят в отношениях, а наиболее распространенным типом взаимоотношений партнеров в паре (как состоящих в официальном браке, так и являющихся сожителями) является совместное проживание в отдельном домохозяйстве, наличие детей – 42,9 % опрошенных (табл. 2). Таким образом, в Беларуси наиболее распространенным типом партнерского союза является нуклеарная семья.

Таблица 2. Тип взаимоотношений (N = 9941), %

Тип взаимоотношений	%
Наличие партнера/супруга и общих детей, совместное проживание партнеров, без других членов семьи в домохозяйстве	42,9
Нет партнера	34,6
Наличие партнера/супруга, отсутствие общих детей, совместное проживание партнеров, без других членов семьи	8,1
Наличие партнера/супруга и общих детей, совместное проживание партнеров в домохозяйстве с другими членами семьи	6,8
Наличие партнера/супруга, отсутствие общих детей, раздельное проживание партнеров	4,4
Наличие партнера/супруга, отсутствие общих детей, совместное проживание партнеров в домохозяйстве с другими членами семьи	1,6
Наличие партнера/супруга и общих детей, раздельное проживание партнеров («гостевой брак»)	1,3
Наличие партнера, тип отношений не определен	0,3
Итого	100

Конфликтность в брачно-партнерских отношениях, отношениях с другими родственниками – сложное и динамичное явление, которое разворачивается в пространственно-временных условиях существования семьи. Конфликтные отношения обусловлены набором четких характеристик и условий, в которых сформировалась и существует конкретная семья. Они могут быть отмечены в течение длительного временного промежутка, наблюдаться в течение нескольких поколений, сохраняя благодаря выработанному семейному сценарию устойчивые черты внутрисемейного взаимодействия и способов разрешения спорных ситуаций.

Анализ данных проведенного исследования показал, что у опрошенных респондентов в отношениях с партнерами чаще всего возникают разногласия, связанные с «выполнением работы по дому», финансами («деньги») и «воспитанием детей». Реже всего у партнеров возникают проблемные ситуации в отношении вопросов «рождения ребенка», что позволяет предположить наличие согласованности у большинства семейных респондентов по вопросам деторождения.

Конфликтные ситуации, связанные с выполнением работы по дому, реже всего отмечаются в отношениях партнеров/супругов, основанных на раздельном проживании (гостевой брак) – вариант ответа «никогда» они отметили в 55,3 % случаев при наличии общих детей и в 71,7 % – в отсутствие общих детей. Наиболее распространены спорные ситуации, связанные с бытовой сферой, в семьях, где партнеры делят домохозяйство с другими членами семьи, при этом наличие общих детей не является существенным фактором. Конфликтность партнерских отношений по финансовым причинам более характерна для семей с детьми. Так, 20 % респондентов отметили данную проблему как возникающую довольно часто. Также для данного типа семейных отношений характерна и большая степень конфликтности по вопросам воспитания детей. В отношениях с родителями партнера наиболее конфликтными оказались пары, имеющие общих детей, но проживающие раздельно. Так, 18 % из них отметили данную проблему как возникающую довольно часто.

Представления партнеров об идеальном типе семьи, о распределении семейных ролей и обязанностей обуславливают развитие отношений в паре [57]. Политика гендерного равенства и связанные с ней изменения в статусе женщин в обществе и в семье, в частности, обусловили трансформацию мнений о том, какими должны быть отношения партнеров. Женщины хотят, чтобы их мнение в отношениях учитывалось. Согласно данным исследования, наименьшую степень удовлетворенности отношениями имеют партнеры, состоящие в т. н. гостевом браке – 6,78 из возможных 10 баллов. Наибольшую степень удовлетворенности можно отметить среди партнеров, проживающих совместно, без детей и других родственников – 8,79 (рис. 13).

Рис. 13. Степень удовлетворенности отношениями в зависимости от типа взаимоотношений (рассчитано только для тех, кто состоит в отношениях на момент проведения исследования)

Примечание: * – степень удовлетворенности рассчитывалась от 0 до 10, где 0 – абсолютно не удовлетворен, 10 – удовлетворен в полной мере.

Женщины и мужчины, состоящие в партнерских/супружеских отношениях, характеризуются разной степенью удовлетворенности взаимоотношениями друг с другом. Среди женщин-матерей меньше тех, кто полностью удовлетворен отношениями с супругом, чем среди мужчин-отцов, удовлетворенных отношениями с супругой: в отношениях, где партнеры проживают совместно и имеют общих детей, независимо от того, ведут они отдельное домохозяйство или делят его с другими родственниками, степень удовлетворенности отношениями у женщин в среднем ниже, чем у мужчин. Обратная ситуация отмечается при рассмотрении отношений, основанных на раздельном проживании партнеров/супругов при наличии общих детей («гостевой брак»), здесь большую степень удовлетворенности партнером демонстрируют женщины – 7,1, тогда как у мужчин данный показатель равен 6,43. Наибольший разрыв в степени удовлетворенности партнером отмечен в случае, когда партнер есть, но отношения с ним носят неопределенный характер: у мужчин в таком типе взаимоотношений показатель удовлетворенности равен 9,20, у женщин – 7,93 балла (рис. 14).

Рис. 14. Степень удовлетворенности отношениями в зависимости от пола (рассчитано только для тех, кто состоит в отношениях на момент проведения исследования)

Примечание: * – степень удовлетворенности рассчитывалась от 0 до 10, где 0 – абсолютно не удовлетворен, 10 – удовлетворен в полной мере.

Способ разрешения конфликтов в паре указывает на устойчиво используемую стратегию преодоления возникающих во взаимоотношениях противоречий. Конструктивными способами разрешения конфликтных ситуаций являются те, по результатам которых происходит достижение компромисса или сотрудничества, также важным представляется умение отделять существенные вопросы (в которых конфликт оправдан) от несущественных поводов: спокойное обсуждение проблемы, готовность идти на уступки. В качестве деструктивных способов разрешения конфликтных ситуаций чаще всего выступают ссоры, крики, нежелание обсуждать проблему, что приводит к чувству раздражения, снижению ценности партнера. Временной аспект семейных отношений (стадия развития семьи) и число их участников в этом ключе играют одну из основных ролей [74].

Нами были рассмотрены такие способы разрешения конфликтных ситуаций в паре, как «избегаю обсуждения, уступаю», «спокойно обсуждаем вопрос, ставший причиной разногласий», «оживленно спорим или кричим», «отказ говорить о причине конфликта» (анализировались только, респонденты, состоящие в паре и отметившие наличие конфликтных ситуаций). Способ разрешения разногласий путем попыток избежать обсуждения или методом уступок наиболее часто применяется в партнерских/супружеских отношениях, основанных на раздельном проживании: 26,5 % из них так поступают всегда или часто. В то же время среди данного типа семейных взаимоотношений в большей степени по сравнению с другими представлена доля тех, кто склонен часто решать конфликты в оживленных спорах, кричать – 18,9 %, отказываться от обсуждения проблемы – 16,7 %. Избегать обсуждения, чаще уступать партнеру также принято в семьях с детьми, ведущих совместное домохозяйство с другими родственниками – 24,5 %, бездетных семьях, разделяющих дом с другими членами семьи – 25,5 %.

Спокойно обсуждать вопрос, ставший причиной разногласий, чаще принято в таких отношениях, где партнеры и их общие дети, проживают без других членов семьи. Так 56,2 % из них используют данную поведенческую стратегию часто или всегда. Данный способ решения споров также склонны использовать 59,2 % семей, в которых партнеры не имеют детей и проживают в отдельном домохозяйстве.

Отношения партнеров, ориентированные на конструктивное разрешение конфликтных ситуаций, отражают такие важные для бесконфликтного общения ценности, как терпимость, ответственность, что способствует формированию позитивного семейного сценария, а также способствует личностному развитию каждого из партнеров.

Те опрошенные, которые характеризовали свои отношения как конфликтные, сложные, показали меньшую удовлетворенность партнером. В ситуации конфликтного общения складывается атмосфера враждебности, отсутствия стабильной позитивной поддержки, что приводит к формированию негативного семейного сценария и распаду пары.

Так, о разрыве отношений с партнером чаще всего задумываются пары, состоящие в гостевом союзе и имеющие общих детей: 28,5 % из них думали об этом в течение последнего года отношений; желание порвать с партнером возникало и у 25,4 % представителей «гостевого брака», не имеющих детей. Реже всех о разрыве отношений с партнером склонны размышлять партнеры/супруги, имеющие общих детей, проживающие в одном жилище без других родственников – 5,5 % (рис. 15).

Рис. 15. Намерения прервать существующие отношения (рассчитано только для тех, кто состоит в отношениях на момент проведения исследования)

Важным условием формирования позитивного и успешного общения во взаимоотношениях партнеров выступает фактор эмоциональной поддержки и взаимопонимание, основанное на высоком уровне познания сущностных потребностей каждого члена семьи. Взаимопонимание проявляется в совместной заботе

о детях, родителях, общем жизненном пространстве. В стремлении сделать семейный уклад максимально комфортным и безопасным для каждого проявляется поддержка членами семьи друг друга, их ценностные ориентации [74]. Она выражается в умении договариваться, учитывать нужды друг друга, оказывать помощь в сложных жизненных ситуациях.

Напротив, наличие коммуникативных барьеров между партнерами свидетельствует о наличии серьезных противоречий в системе взаимоотношений, которые при затяжном характере могут угрожать целостности союза. Важным представляется и тот факт, что разобщенность участников брачно-партнерских отношений друг с другом, недостаток доверительности их общения в целом нарушают контакты и с ближайшим для данной семьи окружением.

Сегодня для жителей Беларуси родственные связи и контакты являются значимыми в ситуациях, когда нужно решить какие-то жизненные проблемы. Частота этих контактов возрастает в периоды различных жизненных кризисов (болезнь, финансовые или жилищные проблемы) и возвращается на прежний уровень в ситуации стабильности. Обычное личностное общение, основанное на эмоционально-психологических предпочтениях, чаще происходит не с родственниками, а с другими людьми.

Это отчасти можно объяснить тем, что некоторые традиционно семейные функции в современном обществе осуществляются внешними социальными институтами: детсад и школа во многом выполняют воспитательную функцию, а государство и различные фонды – функцию экономической поддержки (займы на жилье, выплаты при рождении детей, пособия, пенсионное обеспечение) [12].

Итак, характеристики брачно-партнерских отношений тесным образом сплетаются с внутрисемейным общением. Каждая семья создает микросоциум, в котором отражается ее связь с широким социальным целым. Каждая пара сегодня создает свою собственную модель партнерских отношений, что обусловлено постепенной утратой семьей, как социальным институтом, своих традиционных функций с четко очерченными нормами поведения. Сложность современных партнерских отношений состоит в том, что их создают два индивида, чьи представления могут значительно различаться, усложняя таким образом налаживание контактов с брачным партнером.

Брачно-партнерский союз современности характеризуется отсутствием четких форм, многообразием моделей, где важную роль играют факторы эмоционального характера. Типология семьи усложняется, возникают промежуточные типы семьи. Наиболее распространенным в Беларуси типом взаимоотношений партнеров в паре является нуклеарная семья – совместное проживание в отдельном домохозяйстве, наличие детей – 42,9 % опрошенных.

Исследование причин возникновения конфликтных ситуаций показало, что наиболее частые из них связаны с бытовой сферой жизни семьи, финансами и вопросами воспитания детей. Реже всего у партнеров возникают проблемные ситуации в отношении вопросов деторождения.

Анализ конфликтных ситуаций по типам брачно-семейных отношений выявил, что конфликты, связанные с выполнением работы по дому, реже всего отмечаются в отношениях партнеров, основанных на раздельном проживании

(«гостевой брак»): «никогда» в 55,3 % при наличии общих детей и 71,7 % – в отсутствие общих детей. Наиболее распространены спорные ситуации, связанные с бытовой сферой, в семьях, где партнеры делят домохозяйство с другими членами семьи, не зависимо от наличия детей. Финансовые споры в большей степени характерны для семей с детьми и возникают часто в 20 % случаев. Также для данного типа семейных отношений характерна и большая степень конфликтности по вопросам воспитания детей. Проблемы в отношениях с родителями партнера чаще всего отмечают пары, имеющие общих детей, но проживающие раздельно – 18 %.

В исследовании были рассмотрены способы разрешения конфликтов, характерные для выделенных типов союзов. Так, наибольшей конфликтностью характеризуются союзы, основанные на раздельном проживании партнеров/супругов, а также союзы партнеров/супругов с детьми, ведущие совместное домохозяйство с другими родственниками.

Напротив, меньшей конфликтностью, а также склонностью к конструктивному их разрешению характеризуются союзы, основанные на совместном проживании партнеров/супругов и их общих детей, без других членов семьи.

Опрошенные, охарактеризовавшие свои отношения как конфликтные, показали меньшую удовлетворенность партнером: наименьшую из возможных 10 баллов степень удовлетворенности отношениями имеют партнеры, состоящие в «гостевом браке» – 6,78, наибольшую – партнеры, проживающие совместно, без детей и других родственников – 8,79.

В результате проведенного исследования удалось определить, что нуклеарный тип отношений (семья/партнерский союз с детьми, проживающая в одном домохозяйстве без других родственников) является наиболее устойчивым, характеризуется большей удовлетворенностью партнером, отсутствием установок к развитию негативного сценария в паре, преобладанием позитивных способов разрешения конфликтов. Тип семейных отношений, основанный на раздельном проживании партнеров, напротив, характеризуется наибольшей вероятностью разрыва отношений. Это может быть обусловлено тем, что несмотря на гораздо меньшее наличие проблемных ситуаций в бытовой и финансовых сферах, представители гостевого брака чаще склонны разрешать их с помощью ссор, криков и отказа обсуждать проблему в целом. Данная ситуация является фактором, снижающим удовлетворенность партнером и увеличивающим желание в конечном итоге разорвать отношения. Таким образом показана взаимосвязь типа брачно-партнерских отношений и дальнейшими деструктивными конфликтами в паре. Основными эмоционально-психологическими детерминантами негативных отношений в партнерских союзах, семьях являются конфликтность, склонность к деструктивному способу разрешения споров, недостаточная удовлетворенность партнером/супругом, жесткие межличностные границы, низкий уровень согласия в паре.

Конструктивное общение характеризуется гибкими личностными границами, восприятием союза как единого целого, взаимоподдержкой, преобладанием адаптивных способов решения споров, высоким уровнем удовлетворенности имеющимися отношениями и способствует формированию позитивного сценария.

Трансформация традиционного института семьи конца XX – начала XXI века, которая является отражением второго демографического перехода, впервые в истории человечества выявила качественно новые тенденции развития общества. В течение исторически короткого отрезка времени стали сокращаться количество и продолжительность браков, увеличиваться количество разводов, происходить омоложение разводов. В свою очередь, эти аспекты ставят перед правительствами стран и научным сообществом большой круг междисциплинарных задач, решение которых позволит, с одной стороны, глубже понять морально-психологические приоритеты социума постиндустриального общества и, с другой, – сформировать меры семейной политики, направленные на обеспечение устойчивого социально-экономического развития в условиях демографической модернизации [2, 91, 95, 98].

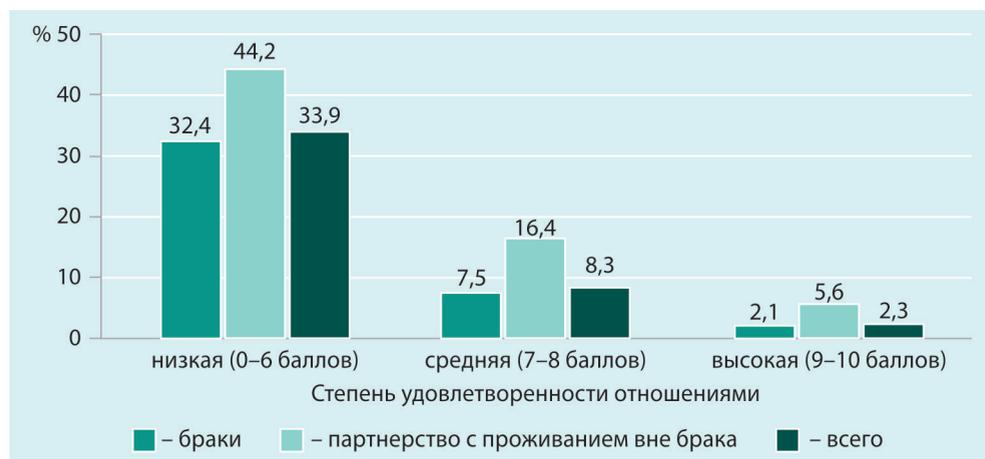
Существует значительный пробел в исследовании актуальных вопросов, связанных с удовлетворенностью партнерскими отношениями, причинами семейных конфликтов и расставаний, готовностью к разрыву отношений, определяющих в конечном итоге стабильность партнерских союзов; формированием группы риска распада союза; принятием решения о разводе. Результаты изучения именно этих вопросов нашли отражение в данной главе.

Задачи исследования и особенности анкеты потребовали формирования информационной базы отдельно для изучения *стабильности партнерских союзов и инициативы развода*. В первом случае генеральную совокупность исследования составили мужчины и женщины в возрасте 18–79 лет, состоявшие на момент опроса в браке либо проживавшие в одном домохозяйстве с партнером, отношения с которым имели место в течение 3 месяцев и более. Во втором случае генеральную совокупность составили мужчины и женщины в возрасте 18–79 лет, в жизни которых имел(и) место развод(ы).

Удовлетворенность отношениями и мысли о расставании. На первом этапе исследования были изучены намерения разрыва отношений в зависимости от степени удовлетворенности отношениями с учетом гендерных и возрастных различий. Следует отметить, что вопросы в анкете о причинах семейных конфликтов и наличии мыслей о расставании относились не к прошлым, а к актуальным партнерским отношениям, что позволяет лишь косвенно судить о причинах распада союзов.

Оценка респондентами *степени удовлетворенности своими партнерскими отношениями* по 10-балльной шкале оказалась весьма высокой. Из 6 857 респондентов, состоящих на момент опроса в браке либо в партнерском союзе с совместным проживанием (численность выборки с учетом взвешивания), полностью или почти полностью удовлетворены отношениями (9–10 баллов) 64,8 %. В средней степени (7–8 баллов) удовлетворены своими отношениями 27,6 % респондентов, низкую степень удовлетворенности (0–6 баллов) показали 7,6 % респондентов. Причем абсолютно не удовлетворены отношениями (0 баллов) только 0,3 % (20 респондентов). Высокая удовлетворенность актуальными отношениями свидетельствует об их добровольном характере, преимущественном отсутствии вынужденных браков или партнерств [7].

О намерении разрыва отношений можно судить по наличию у респондента в течение последних 12 месяцев мыслей о возможном расставании. Исключение неответов на этот вопрос сократило выборку до 6 778 респондента. Рис. 16 демонстрирует очевидную зависимость намерения разрыва отношений от степени неудовлетворенности ими. Причем чаще задумываются о разрыве отношений респонденты, проживающие вместе с партнером вне брака, чем состоящие в зарегистрированном браке.

Рис. 16. Удельный вес⁸ респондентов, задумывавшихся в течение последних 12 месяцев о разрыве отношений, в зависимости от степени удовлетворенности ими, % к итогу

Обращает на себя внимание то, что большая часть респондентов с низкой степенью удовлетворенности отношениями не имеет мыслей о возможном расставании (66,1 %). По мнению авторов, именно отсутствие тесной связи между неудовлетворенностью отношениями и мыслями о расставании является признаком стабильности партнерских и брачных союзов.

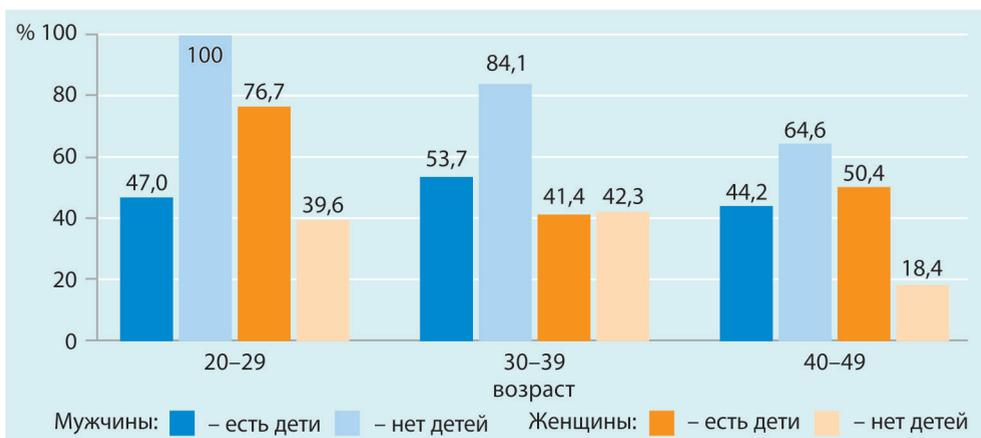
Достаточную стабильность даже неблагоприятных союзов подтверждает анализ таблиц сопряженности (3-х степеней удовлетворенности и наличия/отсутствия мыслей о разрыве). Критерий χ -квадрат показал наличие связи при уровне статистической значимости $p < 0,000$, сила связи слабая: коэффициент сопряженности V Крамера равен 0,341, коэффициент сопряженности Чупрова равен 0,286. Квадрат коэффициента Чупрова имеет тот же смысл, что и коэффициент детерминации, поэтому можно сказать, что связь между удовлетворенностью отношениями и намерением разрыва составляет 8,2 % от полной сопряженности. Коэффициент взаимной сопряженности Чупрова дает наиболее строгую и точную оценку сопряженности через сравнение фактической сопряженности с максимальной. Поэтому значения именно этого коэффициента использовались для сравнения силы связи по различным группам респондентов.

⁸ Примечание: удельный вес рассчитан в общей численности мужчин и женщин в возрасте 18–79 лет, состоявших на момент опроса в браке либо проживавших вместе с партнером в одном домохозяйстве, отношения с которым имели место в течение 3 месяцев и более, ответивших на вопросы о степени удовлетворенности партнерскими отношениями и наличии мыслей о разрыве партнерских отношений (N = 6 778).

Стабильность союзов: гендерный и возрастной аспекты. Сравнение тесноты связи степени удовлетворенности отношениями и намерения разрыва отдельно по различным группам респондентов существенных расхождений не выявило. Однако в незначительной степени связь между намерением разрыва и удовлетворенностью отношениями ожидаемо является более тесной (а союз менее стабильным):

- а) в партнерских отношениях вне брака, чем в браке;
- б) среди городского населения, чем среди сельского;
- в) среди молодых людей, чем среди людей среднего возраста и пожилых;
- г) среди мужчин, чем среди женщин.

Однако наличие биологических детей от партнера диаметрально меняет гендерные различия (рис. 17, 18).

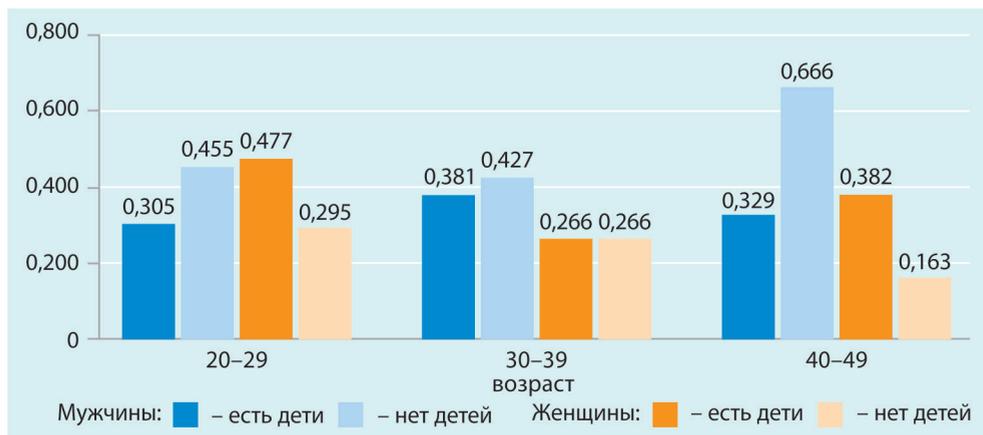

Рис. 17. Удельный вес респондентов, задумывавшихся в течение последних 12 месяцев о разрыве, в общем числе респондентов с низкой степенью удовлетворенности отношениями (0–6 баллов) в зависимости от пола респондента, возраста и наличия биологических детей с партнером⁹, % к итогу

Наиболее тесной связь между удовлетворенностью отношениями и мыслями о расставании среди женщин оказалась в возрастной когорте 20–29 лет, имеющих биологического ребенка от партнера. Для возрастной когорты 40–49 лет связь становится наиболее тесной при проживании в одном домохозяйстве с детьми до 6-ти лет. Это можно объяснить тревогой за судьбу своего ребенка или внука, растущего в неблагополучной семье, и стремлением улучшить семейную обстановку даже ценой распада союза. Среди мужчин выявлены противоположные установки – наличие детей даже при неудовлетворительных отношениях ослабляет их намерение расставания.

⁹ Примечания:

1. Возрастные когорты выделены в рамках детородного возраста, когорта до 20 лет исключена из-за малочисленности выделенных групп.
2. Удельный вес рассчитан в численности респондентов соответствующей возрастной когорты, состоящих в браке или проживающих в одном домохозяйстве с партнером, указавших степень удовлетворенности партнерскими отношениями от 0 до 6, ответивших на вопрос о наличии биологических детей с актуальным партнером и на вопрос о наличии в течение последних 12 месяцев мыслей о возможном разрыве отношений (N = 223, в т. ч. 77 мужчин и 146 женщин).

Рис. 18. Показатели тесноты связи (коэффициент сопряженности Чупрова)¹⁰ степени удовлетворенности отношениями и мыслями об их разрыве в зависимости от пола респондента и наличия биологических детей с партнером

Комбинация 2-х рассматриваемых выше признаков позволяет определить круг респондентов с максимальным *риском распада союза*. В данном исследовании это 174 человека (2,6 % от общего числа респондентов, ответивших на эти вопросы) как низко оценивающие свою удовлетворенность отношениями (0–6 баллов), так и с мыслями о возможном расставании с партнером в течение последних 12 месяцев. Проведение 2-й волны исследования позволит определить, насколько данный риск будет реализован в будущем и в какой степени качество партнерских отношений обуславливает фактический распад союза.

Причины семейных конфликтов и способы их разрешения. При проведении опроса респондентам было предложено оценить частоту возникающих конфликтов по каждой из 7-ми приведенных в анкете причин по шкале от 1 – никогда до 5 – очень часто. Выборка респондентов, состоящих в браке или проживающих вместе с партнером, составила 6 857 человек. Среди возможных причин регулярно возникающих разногласий (иногда, часто, очень часто) респонденты выбрали следующие:

1) выполнение работы по дому (24 % респондентов);	4) проведение досуга (15 %);
2) деньги (21 %);	5) отношения с друзьями (13 %);
3) вопросы воспитания детей (21 %);	6) отношения с родителями (12 %);
	7) вопрос о рождении ребенка (6 %).

¹⁰ Примечания:

1. Коэффициенты рассчитаны по каждой подгруппе респондентов по таблицам сопряженности 3×2 (3 степени удовлетворенности и наличие/отсутствие в течение последних 12 месяцев мыслей о разрыве).
2. Для всех выделенных подгрупп коэффициент сопряженности является статистически значимым на уровне $p < 0,000$ кроме женщин 40–49 лет без детей ($p = 0,273$).
3. Каждая подгруппа включает численность респондентов соответствующей возрастной когорты, состоящих в браке или проживающих в одном домохозяйстве с партнером, определенно ответивших на вопрос о наличии биологических детей с актуальным партнером и на вопрос о наличии в течение последних 12 месяцев мыслей о возможном разрыве отношений (в целом $N = 3885$, в т. ч. 1900 мужчин и 1985 женщин).

Для группы риска распада союза порядок причин конфликтов остается тем же, однако их частота существенно возрастает: выполнение работы по дому вызывает регулярные разногласия у 69 % респондентов группы риска, деньги – у 67 %, вопросы воспитания детей – у 48 %. При этом необходимо понимать, что в обобщенную формулировку наиболее распространенных причин конфликтов – выполнение работы по дому, деньги, проведение досуга, вопросы воспитания детей – респонденты могли вкладывать и болезненные для белорусского общества и семьи асоциальные причины, имеющие опосредованное отношение к указанным причинам, – алкоголизм, другие виды зависимостей, домашнее насилие, адюльтер и пр. Гендерные отличия в оценке респондентами частоты конфликтов и их причин не обнаружены [98, 117].

Наиболее распространенным *способом разрешения разногласий* в среднем для всех партнерских отношений является спокойное обсуждение вопроса: 79 % респондентов прибегают к этому способу регулярно. Второй по популярности способ – избегать обсуждения и уступать (54 %). На 3-м месте находится оживленный спор или крик (36 %), на 4-м – отказ говорить (30 %). Однако респонденты группы риска распада союза, в отличие от всех других групп, чаще всего оживленно спорят или кричат в процессе решения конфликтных ситуаций (80 %). Таким образом, качество партнерских отношений и их стабильность определяется не только частотой возникающих конфликтов, но и способностью людей к их спокойному обсуждению и разрешению.

Инициатива развода: гендерный аспект. Добровольный характер партнерских и брачных отношений определяет возможность их прекращения по инициативе одной или обеих сторон. Если брак или партнерские отношения не удалась и возникающие конфликты не находят разрешения, то принимается решение о расставании. К сожалению, данные опроса не дали возможность изучить причины расставания в фактически распавшихся союзах, но позволили исследовать гендерные отличия в ответах респондентов об инициаторе развода.

Распределение ответов респондентов об инициаторах разводов, имевших место в их жизни, представленное в табл. 3, демонстрирует существенные различия в ответах в зависимости от пола респондента.

Гендерные различия в ответах вызывают определенные сомнения в объективности оценки значительной частью респондентов событий их прошлого или даже искренности их ответов. Представленное распределение охватывает мужчин и женщин из разных партнерских отношений, поэтому полного совпадения распределения быть не может. Вместе с тем достаточно большой объем выборки (492 ответа респондентов-мужчин и 841 – женщин) предполагает выявление схожих закономерностей распределения для мужчин и женщин в случае искренности и объективности их ответов. Респонденты мужчины наиболее часто (46,3 %) указывают в качестве инициаторов развода обоих супругов, в то время как женщины – себя (58,9 %). Мужчины считают себя инициатором развода в 27,9 % случаев, женщины, в свою очередь, признают инициативу развода за мужчиной только в 8,1 % случаев.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов по полу об инициаторах разводов, имевших место в их жизни, при наличии или отсутствии биологических детей с бывшим супругом, % к итогу

Пол респондента	Наличие детей								
	есть			нет			всего		
	инициатор развода			инициатор развода			инициатор развода		
	мужчина	женщина	оба супруга	мужчина	женщина	оба супруга	мужчина	женщина	оба супруга
Мужчина	24,8	29,0	46,2	37,5	15,8	46,6	27,9	25,8	46,3
Женщина	8,7	59,1	32,2	4,2	57,8	38,0	8,1	58,9	33,0
Всего, в среднем по всем респондентам	14,2	48,9	37,0	21,2	36,4	42,4	15,4	46,7	37,9
Всего, в среднем из ответов респондентов разного пола	16,8	44,0	39,2	20,9	36,8	42,3	18,0	42,4	39,7

Примечания:

1. Группировка проведена по факту наличия биологических детей с бывшим супругом, независимо от возраста детей. Установить возрастные критерии на момент развода для детей не удалось по имеющимся данным последней редакции анкеты, не привязывающим определенного ребенка к определенным прошлым партнерским отношениям, хотя необходимость в этом остается, так как возраст ребенка на момент развода может играть ключевую роль в гендерном аспекте инициативы о разводе (например, возраст до 3-х лет).
2. Таблица составлена по данным о 1 333 разводах, имевших место в жизни 1 216 респондентов, ответивших на вопросы, кто был инициатором развода, и были ли у респондента от бывшего партнера/супруга биологические дети.

Анализ пропорций столбцов показал на уровне статистической значимости $p < 0,05$ преувеличение женщинами собственной инициативы за счет недооценки инициативы мужчин или, в меньшей степени, обоих супругов и обратную картину для мужчин – недооценку инициативы женщин в пользу инициативы мужчин или обоих супругов. Наличие связи между полом респондента и указанным полом инициатора развода подтверждается статистически значимым на уровне $p < 0,000$ значением критерия χ -квадрат. Однако сила связи небольшая: коэффициент сопряженности V Крамера равен 0,351, а при исключении варианта с обоими супругами – 0,428. Низкие значения мер связи λ -Гутмана (14 %) и τ -Гудмена-Краскала (6 %) свидетельствуют о том, что знание пола респондента незначительно повышает вероятность предсказания пола инициатора развода в каждом отдельном случае. Следовательно, несмотря на выраженный гендерный характер ответов, пол респондента не предопределяет указываемого инициатора развода и обобщение данных по всем респондентам вполне допустимо. Однако для части респондентов существует мужская и женская версия принятия решения о разводе [73]. Возможно, это связано с тем, что развод является чаще всего психологической травмой, влияющей на объективность оценки событий прошлого. Неискренний ответ может быть связан с нежеланием быть брошенным или признать этот факт перед другим человеком (интервьюером).

Последнее особенно характерно для молодых женщин-респондентов в возрасте 20–29 лет, которые признают инициативу за партнером только в 4 % случаев. Очевидно, что наличие двух гендерных версий обусловлено чувствами людей, связанными с болезненными событиями их жизни, однако такое положение затрудняет объективную оценку явления.

Распределение инициаторов разводов по полу в среднем по всей совокупности респондентов (1-я итоговая строка табл. 3) будет в данном случае смещено в сторону женской версии, так как число ответов респондентов-женщин на 70 % превышает число ответов респондентов-мужчин. Поэтому, предполагая одинаковый уровень объективности (субъективности) двух полов, более точная оценка по совокупности в целом будет дана во 2-й итоговой строке табл. 3, где средние показатели рассчитаны как средняя арифметическая простая из показателей структуры по полу респондента (2 первые строки табл. 3).

В целом можно заключить, что наиболее часто инициативу развода проявляют женщины – около 42 %. Развод по обоюдной инициативе имеет место в 40 % случаев. Реже всего разводы происходят по инициативе мужчин – около 18 %. Однако мужчины чаще проявляют инициативу с увеличением *возраста на момент развода* и после 50 лет практически сравниваются по этому показателю с женщинами (рис. 19).

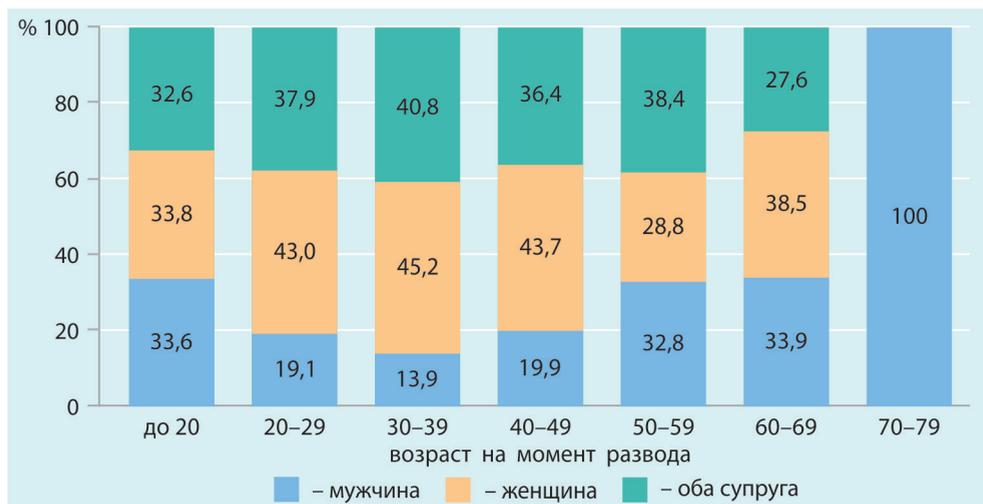

Рис. 19. Пол инициатора развода в зависимости от возраста респондента на момент развода¹¹, % к итогу

¹¹ Примечания:

1. Показатели структуры рассчитаны как средние арифметические простые из показателей структуры ответов респондентов разного пола.
2. Возрастной интервал до 20 лет включает возраста от 15 лет в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Респонденты с рассчитанным возрастом на момент развода меньше 15 лет исключены как ошибки регистрации. Возрастной интервал 70–79 лет включает 1 респондента мужчину.
3. При расчете возраста на момент развода неотчеты респондентов (пропуски) о дате развода заменялись датой расставания, пропуски месяца развода при наличии года развода – на 6. После исключения ошибок и невосстановленных пропусков даты развода N = 1 245.

Сравнение *пола* инициатора развода *по возрасту респондента на момент опроса* не выявило закономерностей в ответах, в отличие от наличия или отсутствия детей. Здесь находит свое логическое продолжение выявленная ранее закономерность различного влияния наличия детей на намерения разрыва отношений у мужчин и женщин в неудовлетворительных партнерских отношениях. Именно наличие детей увеличивает частоту разводов по инициативе женщин и снижает по инициативе мужчин. По мнению авторов, непосредственными причинами таких гендерных различий является беспокойство женщин за своих детей и нежелание мужчин терять свою семью. Возможно, за этим скрывается высокий уровень терпения женщин, не готовых разорвать неудовлетворительные отношения до рождения ребенка, что подтвердил предшествующий анализ стабильности союзов, а также общее для постсоветских стран относительно социальное неблагополучие мужчин в Беларуси, обобщенной характеристикой которого является 10-летняя разница женской и мужской ожидаемой продолжительности жизни при рождении [19, с. 176].

Исследование стабильности брачных и партнерских союзов и инициативы развода позволило получить следующие результаты.

На основе анализа таблиц сопряженности установлена слабая связь между неудовлетворенностью отношениями и мыслями об их разрыве, что по мнению авторов является признаком достаточной стабильности партнерских и брачных союзов, в т. ч. большей части неудовлетворительных партнерских отношений.

Сравнение тесноты связи между степенью удовлетворенности актуальными партнерскими отношениями и наличием мыслей о расставании позволило определить как менее стабильные:

- а) партнерские отношения вне брака по сравнению с браком;
- б) среди молодых людей, чем среди людей среднего возраста и пожилых;
- в) среди городского населения, чем среди сельского;
- г) среди мужчин, чем среди женщин.

Изучение распределения ответов респондентов по полу об инициаторах разводов, имевших место в их жизни, позволило выявить существенные гендерные различия в ответах респондентов, т. е. наличие мужской и женской версии. Предполагая одинаковый уровень объективности (субъективности) двух полов при обобщении, можно заключить, что наиболее часто инициативу развода проявляют женщины (около 42 %). Развод по обоюдной инициативе имеет место в 40 % случаев. Реже всего разводы происходят по инициативе мужчин (около 18 %).

Обобщение гендерных различий в стабильности союзов и принятии решения о разводе позволило сделать вывод о том, что женщины в брачных или партнерских отношениях без детей в гораздо большей степени по сравнению с мужчинами стремятся к сохранению даже неудовлетворительных отношений. Однако наличие биологических детей от партнера диаметрально меняет гендерные различия в неудовлетворительных отношениях: женщины чаще, чем мужчины, задумываются о расставании и являются инициаторами разводов. Среди мужчин выявлены прямо противоположные установки: наличие детей даже в случае неудовлетворительных отношений ослабляет намерение их разрыва и снижает частоту разводов по инициативе мужчин.

ГЛАВА 4. Формы и последствия распада брачных и партнерских союзов

Е. Антипова, Е. Макаревич

Эволюционными и закономерными тенденциями изменения традиционной семьи в мире стали уменьшение ее размеров, нуклеаризация и распространение новых форм брачных и партнерских союзов. Данная проблематика стала чрезвычайно востребованной в экономически развитых странах, о чем свидетельствует очевидный рост публикационной активности [80, 89, 90, 112, 114]. Для Республики Беларусь также характерен ряд общеевропейских тенденций роста разводимости семей, распада и трансформации партнерских союзов [3, 40, 78]. Однако существует значительный пробел в исследовании форм и последствий распада брачных и партнерских союзов, а также жизненного пути женщин и мужчин после распада семьи.

Жизненный цикл брачных и партнерских союзов, репродуктивные, гендерные и возрастные особенности последствий их распада являются ключевыми вопросами современного развития общества, которое стало качественно другим по объективным историческим признакам [89, 91, 111]. В этих условиях для современной социологической, демографической науки и статистики самостоятельным и чрезвычайно важным предметом исследований выступает формирование единого понятийно-терминологического поля. Однако отсутствие единства в классификации форм партнерских отношений определило то, что при их описании в данном исследовании будут использоваться формулировки вопросов, заданных респондентам, и толкования терминов анкеты.

Объектом исследования выступили формы завершения партнерских отношений: расставание, в т. ч. развод, овдовение, а также формы новых партнерских отношений лиц, переживших расставание или развод.

Генеральную совокупность исследования составили мужчины и женщины в возрасте 18–79 лет, вступавшие в брак или партнерские отношения с совместным проживанием вне брака. Первоначально в выборку вошли 8 386 респондентов, в том числе 3 788 мужчин и 4 598 женщин (с учетом взвешивания и после исключения неответов респондентов о форме распада союза). Для решения отдельных задач исследования формировались подвыборки по определенным, указанным далее, критериям.

Интенсивность распада брачных и партнерских союзов. Характеристика распространенности распада и создания новых партнерских и брачных союзов может быть дана на основе расчета и сопоставления числа брачных и партнерских отношений в жизни респондентов (табл. 4). В среднем по всем возрастам вступали когда-либо в партнерские отношения с совместным проживанием 84,4 %, заключали брак 78,9 %. В среднем на 100 браков приходилось 114 партнерств с совместным проживанием, включая брак. Наиболее характерно предпочтение внебрачного проживания бракам для самых молодых 18–30 лет.

Таблица 4. Партнерские и брачные отношения, имевшие место в жизни респондентов старше 18 лет, к моменту опроса

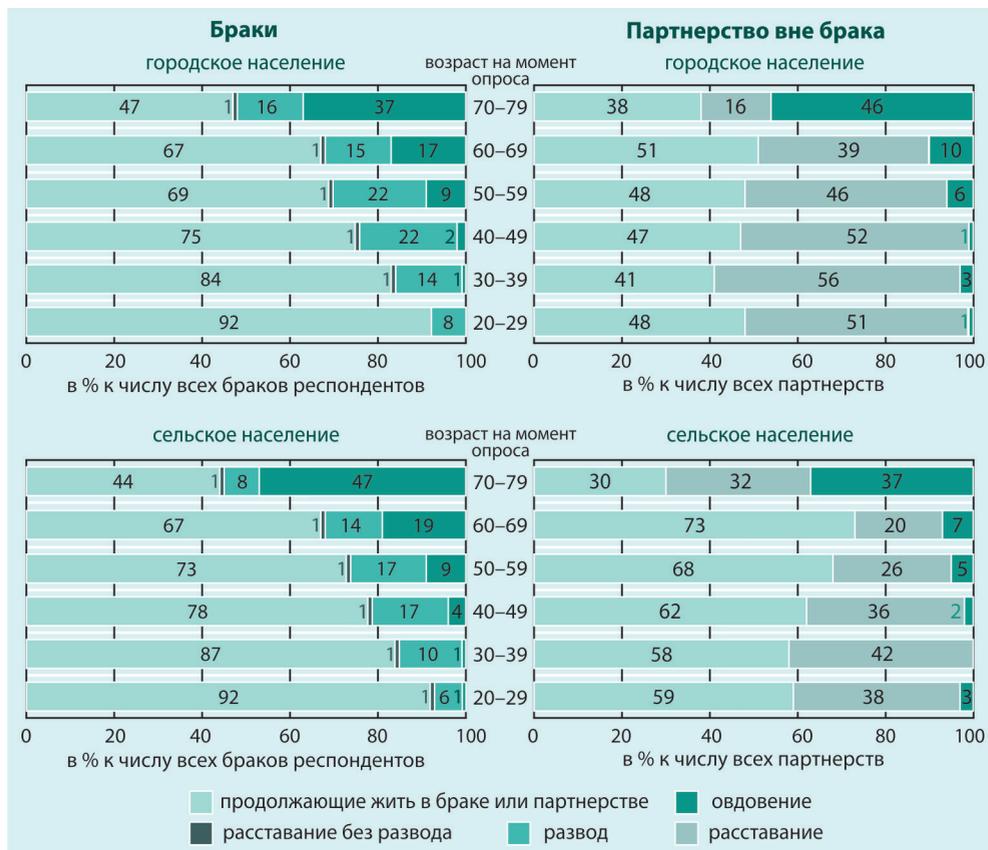
Возраст	Число респондентов старше 18 лет	Число респондентов, проживавших когда-либо с партнером				Число браков и партнерских отношений с совместным проживанием вне брака				
		всего	в % от числа респондентов старше 18 лет	в т. ч. вступающих в брак		всего	в среднем на респондента, проживавшего с партнером	в т. ч. браков		на 1 брак
				всего	в % от числа респондентов старше 18 лет			всего	в среднем на респондента, вступающего в брак	
до 20	247	18	7,2	5	2,1	23	1,28	5	1,00	4,41
20–29	1 764	1 014	57,5	799	45,3	1 123	1,11	815	1,02	1,38
30–39	1 993	1 769	88,8	1 640	82,3	2 050	1,16	1 750	1,07	1,17
40–49	1 751	1 639	93,6	1 562	89,2	1 918	1,17	1 721	1,10	1,11
50–59	1 938	1 844	95,1	1 770	91,3	2 165	1,17	1 958	1,11	1,11
60–69	1 477	1 404	95,0	1 371	92,8	1 584	1,13	1 490	1,09	1,06
70–79	762	698	91,6	689	90,4	785	1,12	752	1,09	1,04
Итого	9 932	8 386	84,4	7 836	78,9	9 647	1,15	8 492	1,08	1,14

Примечание. Расчеты проведены по данным респондентов 18–79 лет, определенно ответивших на вопрос о формах завершения прошлых партнерских отношений в случае их наличия. Из общего числа каждой категории респондентов, в том числе респондентов в возрасте 18 лет и старше, исключены 52 респондента, не ответившие на вопросы о формах завершения прошлых партнерских, в том числе брачных отношений (пользовательские пропуски), а также 12 респондентов с системным пропуском формы завершения отношений при наличии прошлых партнерских отношений (ошибки регистрации). N = 9 932.

Малая наполненность возрастной группы 18–19 лет не дает возможности делать определенные выводы, но для 20–29-летних очевидна значительно более высокая популярность внебрачного проживания по сравнению со старшими поколениями – 38 внебрачных партнерств на 100 браков. Растущая популярность внебрачного проживания от предыдущих к последующим поколениям может быть обусловлена как заменой брака этой формой отношений, так и тем, что она становится подготовительным этапом брачных отношений.

На 100 респондентов, вступающих в брак, приходится в среднем 108 браков, т. е. 8 браков были заключены повторно, либо в 3-й или 4-й раз, вследствие распада предыдущего союза. Однако формой распада здесь может являться как развод, расхождение супругов, так и овдовение.

На рис. 20 представлено распределение всех браков и партнерских отношений с совместным проживанием вне брака, которые когда-либо имели место в жизни респондентов, по формам сохранения или распада союзов для различных возрастных когорт и в разрезе городского (6 441 респондент) и сельского населения (1 945 респондентов).

Рис. 20. Формы жизненного цикла браков или партнерских отношений с совместным проживанием вне брака, имевших место в жизни респондентов¹², %

¹² Примечания:

1. Возрастная когорта 18–19-летних респондентов на рисунке не представлена из-за малочисленности данной группы.
2. Информационную базу изучения жизненного цикла брака составили данные о 8 492 браках и 1 155 партнерских отношениях с совместным проживанием вне брака, которые не закончились браком, 8 386 респондентов 18–79 лет, когда-либо проживавших(ющих) вместе с партнером, определенно ответивших на вопросы о форме окончания прошлых партнерских, в т. ч. брачных отношений (N = 9 647, Nгор = 7 430, Nсел = 2 217).
3. Вступление в брак как форма окончания партнерских отношений вне брака не рассматривалась вследствие значительного количества неответов респондентов на вопросы о годе и, особенно, месяце начала проживания и регистрации брака. Исключение этих пропусков существенно сократило бы объемы подвыборок, особенно в старших возрастах среди сельского населения. В случае, если партнерства закончились браком, они входят в группу браков (левая часть рисунка) и распределяются по формам его жизненного цикла.

Структура всех заключенных браков позволяет проследить хронологию его жизненного цикла и интенсивность процессов разводимости и овдовения *в разных возрастных группах*. Наиболее высокого значения (22 %) доля браков, закончившихся разводом или расставанием, среди городского населения достигает в возрастах 40–49 лет и 50–59 лет, но нужно учесть, что процесс разводимости продолжается и доля разводов постепенно возрастает. Этот показатель нельзя сравнивать с последующими поколениями, но очевидно, что интенсивность разводимости здесь гораздо выше, чем в предыдущих поколениях.

В то же время снижение доли разводов с возрастом может объясняться не только большей стабильностью браков предыдущих поколений, но и более высокой продолжительностью жизни респондентов, не прошедших через расставание с партнером [114].

Сравнение структуры как браков, так и внебрачных партнерств позволяет сделать вывод о большей стабильности союзов среди сельского населения, чем среди городского, что можно объяснить его меньшей мобильностью, более узким кругом общения, влиянием традиций на семейный уклад. Сельские жители чаще (в среднем 7,0 % всех расставаний), чем городские (3,6 %), юридически не оформляют фактический распад брака.

Сравнение структуры браков и партнерств выявляет существенно большую стабильность браков по сравнению с внебрачными партнерствами. Внебрачное партнерство (совместное проживание до регистрации брака в течение 3-х и более месяцев) заканчивалось браком к моменту опроса в 6 % случаев для 20–29-летних, в 27 % случаев для 30–39-летних, в 33 % случаев для 40–49-летних, 36 % случаев для 50–59-летних, в 51 % случаев для 60–69-летних и в 64 % случаев для 70–79-летних на момент опроса (расчет проведен по респондентам, ответившим на вопрос о дате начала проживания и брака, N = 8 038).

Остальные партнерские отношения с совместным проживанием вне брака в 46,6 % случаев заканчиваются расставанием. Для браков суммарная доля разводов и расхождений составила в среднем 16,9 %.

Традиционной формой распада союзов является овдовение, которое имеет ярко выраженные отличия по полу и возрасту. Рис. 21 демонстрирует, в какой степени более интенсивен процесс женского овдовения по сравнению с мужским в разных возрастных когортах по всем партнерским отношениям, включая браки.

В среднем по городскому населению партнерские отношения заканчиваются овдовением для женщин в 4,5 раза чаще, чем для мужчин. Для сельского населения – в 5,2 раза чаще. Для женщин процесс овдовения интенсивнее среди сельского населения, чем среди городского. Но для мужчин аналогичного превышения не наблюдается: значительная часть сельских жителей мужского пола просто не успевают овдоветь вследствие собственной ранней высокой смертности.

Таким образом, овдовение среди женщин среднего и пожилого возраста, особенно в сельской местности, является распространенной формой распада партнерства и брака, в то время как в более молодом возрасте, а также среди мужчин партнерские отношения заканчиваются наиболее часто расставаниями и разводами.

Рис. 21. Удельный вес овдовений в числе всех партнерских отношений с совместным проживанием, включая браки, по полу и возрасту на момент опроса, %

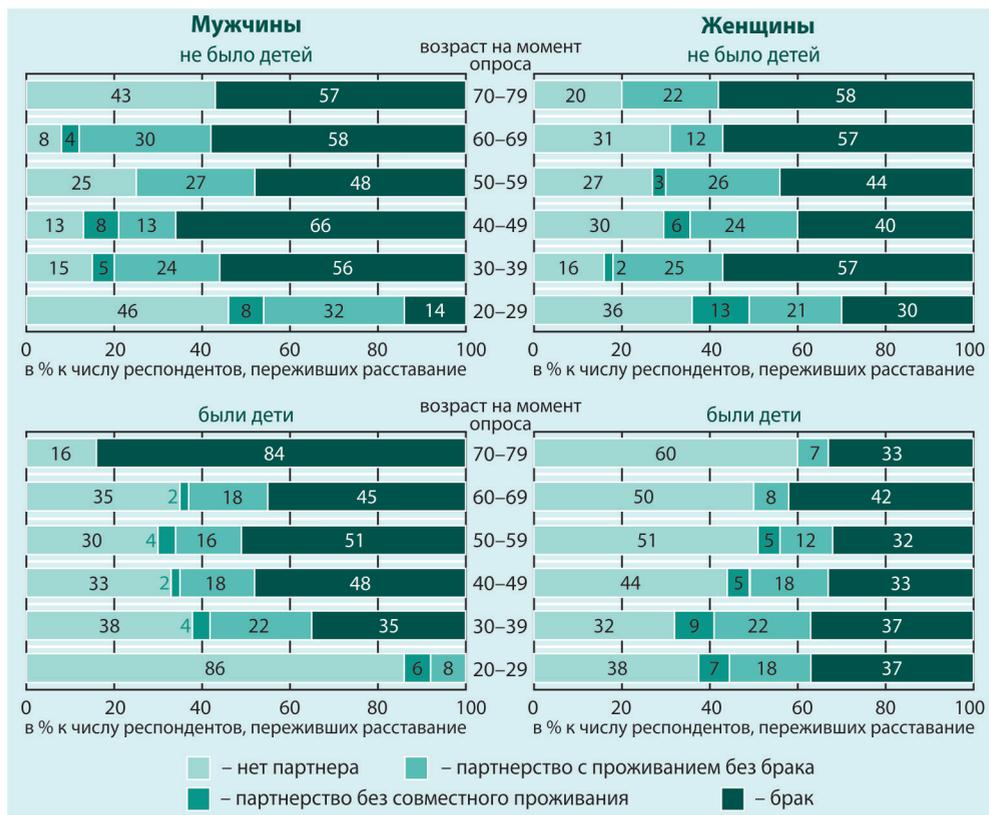
Последствия распада союзов и формирование новых отношений. Добровольный характер партнерских отношений и право на их прекращение дает возможность разорвать неудовлетворительные отношения, создать новую семью или более благоприятные условия для воспитания детей. Однако распад союза имеет множество негативных аспектов, включая психолого-эмоциональную травму бывших супругов от разрыва, сложности с вступлением в новый брак или партнерские отношения.

Для анализа использовались данные по 1 666 респондентам от 18 до 79 лет (652 мужчинам, 1 114 женщинам), давшим определенные ответы о формах партнерских отношений, имевших место после расставания с первым партнером, с которым респондент жил вместе, либо развода.

На рис. 22 представлено сравнение форм новых партнерских отношений, которые имели место в жизни респондента с момента первого в жизни расставания или развода до момента опроса, по полу, возрасту респондента на момент опроса и наличию биологических детей с бывшим партнером (супругом).

Сравнение данных рис. 22 позволяет сделать вывод о том, что *наличие детей* с бывшим партнером снижает вероятность вступления как в новые партнерские отношения, так и в брак, – и для мужчин, и в большей степени для женщин. Возможно из-за недостаточного уровня обобщения вследствие невысокой численности выделенных групп определенных гендерных отличий в новых формах партнерских отношений после распада союзов *без детей* установить не удалось.

Однако обращает на себя внимание, что среди 40-летних доля респондентов, не имевших ребенка от первого партнера, не вступавших после расставания в новые партнерские отношения с проживанием и не имеющих партнера на момент опроса, среди женщин гораздо выше (30 %), чем среди мужчин (13 %). Это поколение, чья молодость пришлось на конец 1980-х – 1990-е гг. – время смены общественно-политических формаций, негативно повлиявшее на реализацию семейных и репродуктивных планов именно женщин. Похожая картина наблюдается и среди 60-летних.

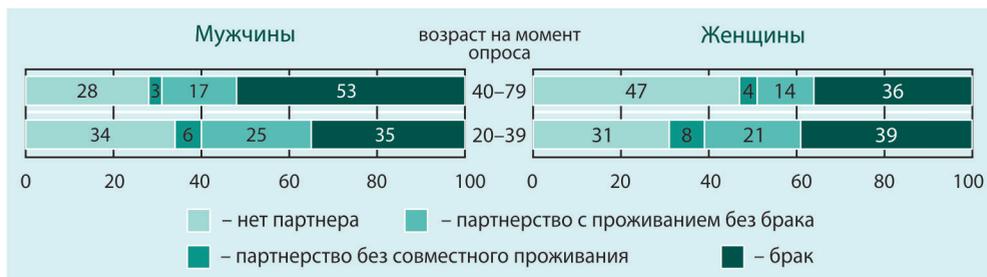
Рис. 22. Формы партнерских отношений, имевшие место в жизни респондента к моменту опроса после первого расставания или развода при наличии или отсутствии биологических детей с бывшим партнером (супругом)¹³

Сравнение по возрастным когортам затрудняется тем, что описываемые процессы продолжаются и не являются окончательными, особенно для молодых людей. Однако можно заметить, что доля не вступающих в новые партнерские отношения после расставания среди молодых женщин ниже (со временем она еще сократится), чем среди женщин среднего и пожилого возраста. Для мужчин подобного не наблюдается.

Уровень отсутствия партнерских отношений после расставания у 20–29-летних мужчин значительно выше, чем у женщин, что, возможно, обусловлено небольшой численностью этих групп (60 без детей и 11 с детьми) и недавним расставанием. Обобщение по 2-м группам возрастных когорт, рубежом между которыми является 40-летний возраст на момент опроса, позволил выявить поколенческую смену сложившегося ранее гендерного характера вступления в новые отношения после расставания или развода (рис. 23).

¹³ Примечания: 1. Возрастная когорта до 18–19 лет (4 респондента) исключена из-за малой или отсутствующей наполненности групп. В результате N = 1 662.

2. Партнерства без совместного проживания по данным анкеты фиксировались только на момент опроса. Следовательно, подобные партнерства, что имели место в прошлом и закончились расставанием,полнили группу не вступавших после расставания в партнерские отношения («не было партнера»).

Рис. 23. Формы партнерских отношений, имевшие место в жизни респондентов к моменту опроса после первого расставания или развода по группам респондентов в возрасте на момент опроса 20–39 и 40–79 лет

Если среди респондентов в возрасте 40 лет и старше мужчины значительно чаще женщин вступали в новые как партнерские, так и брачные отношения после расставания, то среди респондентов младше 40 лет наблюдается уже примерное равенство полов и даже небольшой женский перевес в создании как браков, так и партнерств в целом. Наличие детей от предыдущих партнерских отношений этой картины не меняет.

Для уточнения полученных результатов (с помощью исключения недавних расставаний), подтверждения смены гендерных особенностей и оценки последствий разводов с точки зрения реализации в дальнейшем репродуктивной функции были отобраны респонденты по двум 10-летним возрастным когортам, разделенным 40-летием: 30–39-летние и 40–49-летние мужчины и женщины на момент опроса. В жизни всех отобранных респондентов имел место 1-й развод, состоявшийся 7 лет назад и более (точнее в 2010 г. и ранее), который произошел в возрасте от 23 до 32 лет.

Срок давности в 7 лет, с одной стороны, достаточно велик для восстановления после разрыва отношений, вступления в новый союз и рождения в нем детей. С другой стороны, он позволяет сохранить актуальность исследования, заглядывая в не очень отдаленное прошлое. Был выбран возрастной интервал от 23 до 32 лет, так как, во-первых, развод в этом возрасте вполне позволяет создать новые партнерские отношения, вступить в брак и иметь детей от нового партнера. Во-вторых, именно этот 10-летний возрастной интервал является модальным среди всех других скользящих 10-летних интервалов, что показало изучение распределения возраста респондентов на момент развода (около половины всех разводов происходят именно в этих возрастах). В результате были отобраны 508 респондентов (195 мужчин и 313 женщин), которые были распределены по формам партнерских отношений на момент опроса, включая наличие биологических детей с новым партнером (рис. 24).

Необходимо отметить, что в возрастной когорте 40–49 лет с партнером на момент опроса проживало 69,4 % отобранных респондентов среди мужчин и 53,5 % среди женщин, а в когорте 30–39 лет – 61,6 % среди мужчин и уже 68,9 % среди женщин. Сравнение распределения форм партнерских отношений по двум приграничным поколениям подтверждает, что женщины по сравнению с мужчинами стали чаще вступать в брак и заводить детей с новым партнером.

Рис. 24. Формы новых партнерских отношений и наличие биологических детей от нового партнера на момент проведения опроса у респондентов в возрасте на момент опроса 30–39 и 40–49 лет, переживших первый развод в 2010 г. и ранее в возрасте 23–32 лет (N = 508)

Исследование форм и последствий распада брачных и партнерских союзов позволило получить следующие результаты.

Расчет числа всех браков и партнерских отношений с совместным проживанием вне брака, которые когда-либо имели место в жизни респондентов, на одного респондента позволило выявить растущую популярность внебрачного проживания от предыдущих к последующим поколениям.

Распределение брачных и партнерских союзов по формам их жизненного цикла в разных возрастных когортах позволило установить, что большей интенсивностью разводимости отличается возрастная когорта 40–49 лет по сравнению со старшими возрастными группами. Более стабильными являются:

- а) союзы среди сельского населения, чем среди городского;
- б) браки по сравнению с внебрачными партнерствами.

Выявлен значительно более высокий уровень женского овдовения по сравнению с мужским, особенно в сельской местности.

Изучение последствий распада союзов и формирования новых отношений показало смену гендерного характера жизненного пути после расставания или развода в поколениях, рожденных в конце 1970-х гг. и далее (на момент опроса младше 40 лет). Хотя расставание или развод по-прежнему является личной драмой для многих людей, не вступающих в дальнейшем в постоянные партнерские отношения, гендерные различия в вероятности создания новой семьи постепенно сглаживаются. Это значит, что традиционное представление о трагической одинокой судьбе разведенной женщины для молодых поколений больше не характерно и уходит в прошлое.

Раздел III. РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И УСТАНОВКИ

ГЛАВА 5. Календарь деторождений: последствия и факторы поздней рождаемости

А. Белов

В течение последних десятилетий в Беларуси происходят значительные изменения характера репродуктивного поведения молодежи. В основе наблюдающихся тенденций лежит коренная трансформация календаря деторождений.

По данным демографической статистики за период с 1990 по 2016 гг. произошло резкое сокращение рождаемости среди женщин в возрасте от 15 до 24 лет. Если в 1990 г. на долю данной возрастной группы приходилось 53,5 % от общего количества родившихся, то к 2016 г. этот показатель сократился до 23,9 %. При этом основное количество рождений в настоящее время приходится на группу женщин в возрасте от 25 до 36 лет (в 2016 г. – 69,3 %; в 1990 г. – только 43,9 %) [19, с. 241–244]. В результате отмеченной тенденции средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился с 22,9 года в 1990 г. до 26,3 года в 2016 г. [19, с. 272].

Произошедшие изменения возрастной специфики репродуктивного поведения оказали влияние на уровень рождаемости в Беларуси. Косвенно это влияние фиксируется посредством сопоставления возрастных коэффициентов. Так, с 1990 по 2016 гг. возрастной коэффициент рождаемости для женщин в возрасте от 15 до 19 лет уменьшился в 2,7 раза, а для женщин в возрасте от 20 до 24 лет – ровно в 2 раза [19, с. 273]. Сокращение коэффициентов рождаемости в этих группах обусловили отрицательный эффект на суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) в размере 0,58 ребенка. Во всех старших возрастных группах (от 30 до 49 лет), напротив, наблюдалось увеличение рождаемости. Однако общий положительный эффект от этого составил всего 0,40 ребенка. В результате в 2016 г. значение СКР оказалось на 0,18 ребенка ниже уровня 1990 г. (1,73 и 1,91 соответственно).

Вместе с тем анализ возрастных коэффициентов рождаемости и СКР не позволяет сделать окончательный вывод о характере влияния календаря рождений на уровень рождаемости. Это обусловлено спецификой указанных коэффициентов, которые основаны на допущениях об условном поколении и могут не в полной мере отражать отложенную рождаемость в реальных поколениях.

Позднее рождение первого ребенка и средний уровень рождаемости. Для оценки связи между календарем рождений и уровнем рождаемости целесообразно использовать данные социологического исследования, проведенного в 2017 г. в Республике Беларусь по методологии международной программы «Поколения и гендер». В рамках этого исследования, помимо традиционного вопроса о количестве биологических детей, для каждого ребенка отмечалась дата рождения. Это позволило установить возраст матери при рождении ребенка каждой очередности, что является достаточным эмпирическим основанием для анализа изучаемой закономерности.

Для решения поставленной задачи каждая десятилетняя группа женщин от 30 до 79 лет (всего 5 возрастных групп) была разделена на четыре подгруппы в зависимости от возраста рождения первого ребенка (до 19 лет, от 20 до 24, от 25 до 29, 30 лет и старше). Затем для каждой из указанных подгрупп определено среднее количество рожденных детей в расчете на одну женщину. В результате установлена обратная связь между анализируемыми признаками: чем младше возраст рождения первого ребенка, тем выше средний уровень рождаемости. Причем данная связь носит устойчивый характер и прослеживается во всех возрастных группах, охваченных в рамках исследования.

Женщины, родившие первого ребенка в возрасте до 20 лет, к концу репродуктивного возраста достигают средней рождаемости на уровне около 2,19 ребенка. Среди женщин, родивших первого ребенка в возрасте от 20 до 24 лет, средний уровень рождаемости (в зависимости от возрастной группы) колеблется около границы простого воспроизводства поколений (около 2-х детей на женщину). В случае, когда рождение первого ребенка происходит в возрасте старше 24 лет, средний уровень рождаемости значительно сокращается: для родивших в интервале 25–29 лет он составляет около 1,66 ребенка; для родивших после 30 лет – всего 1,36 ребенка (табл. 5).

Таблица 5. Среднее количество детей в расчете на одну женщину в зависимости от возраста рождения первого ребенка в разных возрастных группах женщин

Возраст матери при рождении первого ребенка	Возрастные группы женщин (возраст на момент опроса)					
	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	Всего: 30–79 лет
19 лет и младше	2,14	2,05	2,15	2,55	2,20	2,19
от 20 до 24 лет	1,97	1,83	1,99	2,03	2,15	1,98
от 25 до 29 лет	1,53	1,62	1,63	1,74	1,94	1,66
30 лет и старше	1,32	1,31	1,25	1,37	1,66	1,36

База расчета: женщины от 30 до 79 лет включительно, родившие хотя бы одного ребенка (N = 3 948).

Для более детального анализа влияния поздней рождаемости на итоговое количество детей рассмотрим группу женщин в возрасте 40–49 лет. Показатели репродуктивного поведения для этой возрастной группы можно рассматривать как итоговые, поскольку на долю женщин после 40 лет и вплоть до окончания репродуктивного возраста приходится не более 2 % от общего количества рожденных детей [19, с. 241–244].

На примере отдельной возрастной группы видно, как снижается вероятность рождения 2-го и 3-го ребенка с увеличением возраста рождения первого ребенка. Так, для женщин с наиболее ранним возрастом вступления в материнство (до 20 лет) вероятность рождения 2-го ребенка составляет более 70 %, а вероятность 3-го – более 20 %. В свою очередь, для группы женщин, вступивших в материнство после 30 лет, вероятность рождения 2-го ребенка снижается до уровня ниже 30 %, а вероятность 3-го – ниже 5 % (табл. 6).

Таблица 6. Вероятность рождения детей разной очередности в зависимости от возраста рождения первого ребенка

Возраст матери при рождении первого ребенка	Вероятность родить, %		Среднее количество детей
	не менее 2-х детей*	не менее 3-х детей**	
19 лет и младше	72,3	20,2	2,05
от 20 до 24 лет	66,4	12,1	1,83
от 25 до 29 лет	48,0	10,0	1,62
30 лет и старше	26,9	4,5	1,31

База расчета: женщины от 40 до 49 лет включительно, родившие хотя бы одного ребенка (N = 846).

* При расчете данной вероятности в числителе учитывались женщины, родившие 2-х и более детей, в знаменателе – все женщины, родившие хотя бы одного ребенка.

** При расчете данной вероятности в числителе учитывались женщины, родившие 3-х и более детей, в знаменателе – все женщины, родившие хотя бы одного ребенка.

Практическая значимость выявленной закономерности заключается в том, что демографическое будущее Беларуси связано с дальнейшим сокращением доли женщин, рожаящих первого ребенка в ранних возрастах. Так, например, по данным проведенного исследования в 5-летней возрастной группе от 45 до 49 лет доля женщин, родивших первого ребенка до 24 лет, составляла около 70 %, а среди женщин в возрасте 35–39 лет их доля сократилась до уровня ниже 55 %.

Образование как фактор изменения календаря рождений. Для изучения образовательного фактора смещения календаря деторождений все респонденты были разделены на 3 группы. 1-я группа объединила респондентов с высшим образованием, включая лиц, имеющих степени магистра, кандидата и доктора наук (далее – высшее образование). 2-я группа объединила респондентов со средним специальным образованием. 3-я группа объединила респондентов с профессионально-техническим, общим средним и базовым образованием (далее – профтехническое и ниже). Объединение разных типов образования в рамках первой и третьей группы обусловлены малой численностью респондентов с наиболее высоким (с академической/ученой степенью) и самым низким (без профессии/специальности) уровнем образования.

Кроме того, при оценке влияния образовательного фактора на рождаемость учитывалась специфика этого вопроса в рамках проведенного исследования. Признак «уровень образования» фиксировался на момент опроса и уточнялась дата получения последнего уровня. В то же время не конкретизировалась форма обучения (дневная/заочная). Вместе с тем наиболее вероятно, что решающее значение на смещение календаря рождений оказывает обучение в дневной форме, которое в большинстве случаев не позволяет обеспечить экономическую самостоятельность посредством полноценного трудоустройства. Для максимального исключения респондентов, получивших образование в заочной форме, из анализируемой совокупности (женщины от 30 до 79 лет) были исключены респонденты, получившие свой последний диплом в возрасте старше 24 лет.

В результате проведенного анализа установлена прямая зависимость между уровнем образования и возрастом рождения первого ребенка, а также обратная зависимость между уровнем образования и средним количеством детей. При этом, несмотря на некоторые колебания уровня рождаемости в разных возрастных группах женщин, различия между образовательными группами носят устойчивый характер. Так, уровень рождаемости у женщин с наименьшим образованием примерно на 6 % выше, чем у женщин со средним специальным образованием, и более чем 30 % превышает рождаемость, характерную для женщин с высшим образованием (табл. 7).

Таблица 7. Среднее количество детей в расчете на одну женщину в зависимости от уровня образования в разных возрастных группах женщин

Уровень образования	Возрастные когорты женщин (возраст на момент опроса)					
	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	30–79 лет
Высшее образование	1,34	1,48	1,44	1,66	1,52	1,46
Среднее специальное	1,75	1,72	1,88	1,86	1,72	1,80
Профтехническое и ниже	1,83	1,89	1,90	1,98	1,92	1,91

База расчета: женщины от 30 до 79 лет включительно, завершившие обучение до 24 лет включительно (N = 3 643).

На примере возрастной группы 40–49 лет можно проследить характер выявленной связи. Так, каждый новый уровень образования значительно повышает возраст окончания обучения: от 17,58 года для женщин с наименьшим уровнем до 22,08 года – для женщин с высшим образованием. Вслед за увеличением продолжительности обучения повышается и возраст начала реализации репродуктивных установок. В результате снижается вероятность рождения детей более высокой очередности. В частности, для женщин с высшим образованием характерно самое высокое значение среднего возраста рождения первого ребенка и наименьшие вероятности рождения вторых и третьих детей (табл. 8).

Таблица 8. Зависимость показателей репродуктивного поведения от уровня образования

Уровень образования	Средний возраст, лет		Вероятность родить, %		Среднее количество детей
	окончания образования	рождения первого ребенка	не менее 2-х детей*	не менее 3-х детей**	
Высшее образование	22,08	25,10	50,0	4,8	1,48
Среднее специальное	18,95	22,55	58,5	14,0	1,72
Профтехническое и ниже	17,58	22,07	63,6	19,2	1,89

База расчета: женщины от 40 до 49 лет, завершившие образование до 24 лет включительно (N = 786).

* При расчете данной вероятности в числителе учитывались женщины, родившие 2-х и более детей, в знаменателе – все женщины с соответствующим уровнем образования.

** При расчете данной вероятности в числителе учитывались женщины, родившие 3-х и более детей, в знаменателе – все женщины с соответствующим уровнем образования.

В соответствии с выявленными закономерностями механизм влияния уровня образования на рождаемость заключается в повышении возраста рождения первого ребенка, что существенно снижает вероятность рождения 2-го и последующих детей. При этом, как показывает ретроспективный анализ репродуктивного поведения возрастной группы от 40 до 49 лет, значительное отставание интенсивности рождения первых детей у женщин с высшим образованием наблюдается до 23 лет, то есть до того возраста, когда большинство студентов дневной формы обучения покидают вузы. К этому возрасту вероятность рождения хотя бы одного ребенка составляет: для женщин с наименьшим уровнем образования – 72,8 %; со средним специальным образованием – 70,9 %; с высшим образованием – всего 46,3 %. При этом женщины с высшим образованием достигают уровня 70 % только к 27 годам (рис. 25).

Рис. 25. Вероятность рождения первого ребенка к определенному возрасту женщины в зависимости от уровня образования

База расчета: женщины от 40 до 49 лет, получившие образование до 24 лет включительно.

Начиная с 23 лет, доля родивших хотя бы одного ребенка среди женщин с высшим образованием начинает прирастать значительно быстрее, чем в других образовательных группах. В результате к 40 годам между образовательными группами достигается практически полный паритет по вероятности рождения ребенка первой очередности. Однако такой ситуации не наблюдается в случае с детьми более высокой очередности. Упущенный резерв времени для рождения вторых и третьих детей в полной мере не компенсируется.

Выявленная связь между уровнем образования и возрастом рождения первого ребенка приобретает особую актуальность в связи со значительными изменениями образовательной структуры населения. Основной тренд заключается в увеличении доли лиц с высшим образованием. Так, например, по данным проведенного исследования в возрастной группе 50–54 года среди 3-х выделенных уровней высшее образование было наименее распространенным (его доля составляла 20,4 %). В возрастной группе от 25 до 29 лет доля лиц с высшим образованием увеличилась более чем в 2 раза и составила 43,7 %. В результате данный вид образования стал наиболее распространенным.

Поселенческий фактор смещения календаря рождений. Помимо образования, одним из наиболее значимых факторов, определяющих возрастную специфику рождаемости в Беларуси, является тип населенного пункта. Для изучения этой зависимости в рамках данного раздела определено 3 типа населенных пунктов в соответствии с их размером: сельские населенные пункты (определяются согласно законодательству); малые и средние города (с населением менее 250 тыс. жителей); крупные города (с населением более 250 тыс. жителей).

В результате проведенного анализа установлена прямая связь между размером поселения и средним возрастом матери при рождении первого ребенка, а также обратная связь между размером населенного пункта и средним уровнем рождаемости. Выявленные закономерности характерны для всех возрастных групп женщин. Вместе с тем необходимо отметить тенденцию уменьшения поселенческих различий уровня рождаемости в младших возрастных группах, которая обусловлена сокращением рождаемости в сельской местности, а также в малых и средних населенных пунктах. Тем не менее даже в более младших возрастных группах поселенческий фактор оказывает значимое влияние на рождаемость, которое сопоставимо с влиянием образовательного фактора (табл. 9).

Таблица 9. Среднее количество детей в расчете на одну женщину в зависимости от типа населенного пункта в разных возрастных группах женщин

Тип населенного пункта	Возрастные когорты женщин (возраст на момент опроса)					
	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет	30–79 лет
Крупные города	1,45	1,48	1,51	1,64	1,47	1,51
Малые и средние города	1,57	1,66	1,84	1,85	1,79	1,74
Сельские населенные пункты	1,93	1,94	2,08	2,18	2,37	2,08

База расчета: женщины от 30 до 79 лет включительно (N = 4 363).

На примере группы 40–49 лет видно, как с ростом размера поселения увеличивается средний возраст рождения первого ребенка и уменьшаются вероятности рождения 2-го и 3-го ребенка. Так, в сельской местности средний возраст рождения первого ребенка составляет 22,22 года, а вероятность рождения 2-го и 3-го – 69,9 и 18,2 % соответственно. В крупных городах средний возраст рождения первого ребенка увеличивается до 24,12 года, а вероятность рождения 2-го и 3-го ребенка снижается до 47,6 и 7,2 % соответственно (табл. 10).

Ретроспективный анализ репродуктивного поведения женщин из возрастной группы от 40 до 49 лет показывает, что наибольшие различия по вероятности рождения первого ребенка в зависимости от типа поселения наблюдаются на возрастном отрезке от 20 до 25 лет. Так, например, к 23 годам вероятность рождения хотя бы одного ребенка составила: для женщин из сельской местности – 74,1 %; из малых и средних городов – 67,3 %; из крупных городов – всего 53,8 %. В более поздних возрастах почти все женщины из крупных городов рожают первого ребенка, однако смещение этого события на более поздний возраст, как и в случае с образовательным фактором, приводит к уменьшению вероятности рождения 2-х и 3-х детей (рис. 26).

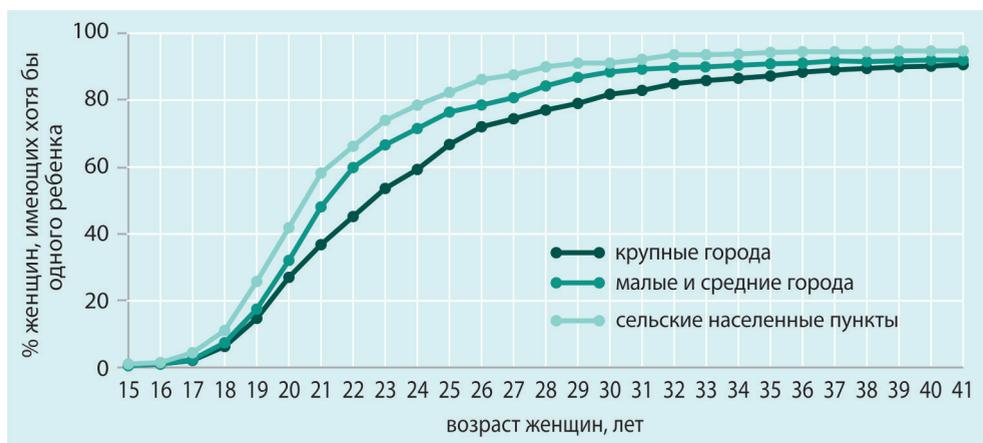
Таблица 10. Зависимость показателей репродуктивного поведения от типа поселения

Тип населенного пункта	Средний возраст рождения первого ребенка	Вероятность родить, %		Среднее количество детей
		не менее 2-х детей*	не менее 3-х детей**	
Крупные города	24,12	47,6	7,2	1,48
Малые и средние города	22,81	56,6	11,7	1,66
Сельские населенные пункты	22,22	69,9	18,2	1,94

База расчета: женщины от 40 до 49 лет включительно (N = 917).

* При расчете этой вероятности в числителе учитывались женщины, родившие 2-х и более детей, в знаменателе – все женщины, проживающие в населенных пунктах соответствующего типа.

** При расчете этой вероятности в числителе учитывались женщины, родившие 3-х и более детей, в знаменателе – все женщины, проживающие в населенных пунктах соответствующего типа.

Рис. 26. Вероятность рождения первого ребенка к определенному возрасту женщины в зависимости типа населенного пункта

База расчета: женщины от 40 до 49 лет.

Выявленные взаимосвязи между показателями репродуктивного поведения и типом поселения приобретают большое практическое значение в контексте продолжающейся тенденции изменения поселенческой структуры в пользу крупных городов за счет внутренней миграции населения. Так, например, по официальным статистическим данным в 1990 г. доля сельского населения в общей численности населения страны составляла 33,9 %. К 2016 г. доля сельского населения сократилась до 22,3 % [19, с. 25–26]. Таким образом, традиционно высокая сельская рождаемость вносит все меньший вклад в общие показатели репродуктивного поведения, что определяет необходимость детального изучения источников сокращения рождаемости в условиях городской среды.

Резюмируя изложенное выше следует отметить, что наблюдающаяся в Беларуси тенденция к увеличению возраста рождения первого ребенка тесно связана со средним уровнем рождаемости. Для всех рассмотренных возрастных групп характерна обратная зависимость: чем позже рождается первый ребенок, тем ниже вероятность рождения 2-го и 3-го ребенка и, соответственно, ниже средний уровень рождаемости.

Более поздний возраст рождения первого ребенка в значительной мере связан с уровнем образования и размером населенного пункта. В обоих случаях наблюдается прямая зависимость: чем выше уровень образования и чем больше размер населенного пункта, тем выше средний возраст рождения первого ребенка. При этом наибольшие различия по доле женщин, родивших хотя бы одного ребенка наблюдаются в возрастном интервале от 20 до 25 лет. К 40 годам почти все женщины, независимо от образования и типа поселения, рожают первого ребенка, однако упущенный резерв времени снижает вероятность рождения детей более высокой очередности.

ГЛАВА 6. Межпоколенная динамика репродуктивного поведения: влияние образования и установок

М. Бурлуцкая, О. Терещенко

Беларусь, как и все европейские страны, в течение второй половины XX века переживает второй демографический переход, ключевые характеристики которого – увеличение продолжительности жизни и снижение рождаемости – хорошо известны. Данные исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» позволяют глубже понять межпоколенные сдвиги в репродуктивном поведении, которые и приводят к демографическим изменениям.

Репродуктивное поведение – сложный феномен, в который включаются и нормативные представления о желаемом количестве детей в семье, и планы рождения детей, а также контрацептивное и абортное поведение. Но основные характеристики – это фактическое количество детей, возраст, в котором принимается решение и появляются дети, а также период между рождениями детей, если их несколько.

В исследовании представлено несколько крупных поколенческих когорт, выделенных по принципу 10-летних возрастных интервалов. Учитывая, что в возрастной когорте до 19-летних 96 % не имеют детей, мы сравниваем репродуктивное поведение шести возрастных когорт от 20–29 до 70–79 лет. Важно, что все эти поколения уже живут в эпоху демографического перехода, поскольку даже старшее поколение 70–79 лет вступает в период репродуктивной активности в 1960-е гг., когда в европейской части СССР впервые фиксируется резкое снижение рождаемости [10]. Таким образом, именно эти поколения могут демонстрировать, как постепенно меняется модель репродуктивного поведения уже в «новые времена», то есть в эпоху свершившегося демографического сдвига.

Изменения репродуктивного поведения. Если анализировать количество детей на одного человека, различия между когортами неярко, но тенденция просматривается очень четкая (рис. 27): чем старше, тем ниже доля бездетных и тем выше доля тех, у кого 3 ребенка и больше. Конечно, максимальный контраст виден между двумя полярными возрастными когортами:

- не имеют детей 48 % женщин и 73 % мужчин в когорте 20–29 лет, 12 % женщин и 5 % мужчин в когорте 70–79;
- имеют 3-х и более детей в когорте 20–29 лет – 5 % женщин и 1 % мужчин, в когорте 70–79 лет – по 17 % женщин и мужчин.

Опустив когорту 20–29 лет, находящуюся далеко от завершения репродукции, мы видим, что главный сдвиг – это изменение массовой, «типической» модели семьи. Тот момент, когда резко возрастает количество однодетных семей – это граница поколенческих когорт 50–59 и 40–49 лет. У женщин различие более заметно, чем у мужчин: 27 % однодетных в когорте 50–59-летних и уже 34 % у 40–49-летних, но с точки зрения репродуктивного поведения, показательнее именно женщины.

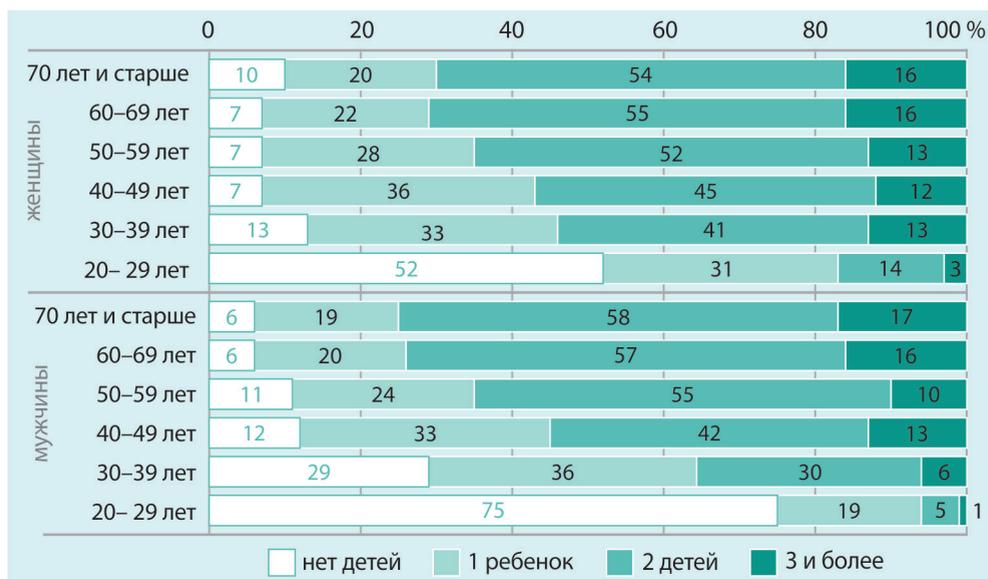

Рис. 27. Количество детей в возрастных когортах на момент исследования

Здесь, конечно, нужно учесть, что пик репродуктивной активности нынешних 50-летних приходится на середину и конец 1980-х гг. и связан с перестройкой в СССР и надеждами на позитивные изменения, а у 40-летних – на 1990-е гг. сложных реформ и экономических потрясений. Возможно, это усилило общий тренд, но сдвиг в сторону увеличения числа однопородных начался еще до 1980-х гг. и продолжился в 2000-е гг., то есть это именно тенденция.

На рис. 28 представлены данные о возрасте, когда рождается первый ребенок, и о годе его/ее рождения. Важный сдвиг в репродуктивном поведении, который фиксируется в тех же возрастных когортах – 30–39 лет для женщин и 40–49 лет для мужчин – это существенное изменение возраста, в котором у человека появляется первый ребенок. Это именно скачок, резкий, сразу 2-летний в среднем (по показателю медианы) – с 22 до 24 лет у женщин и с 24 до 26 лет у мужчин.

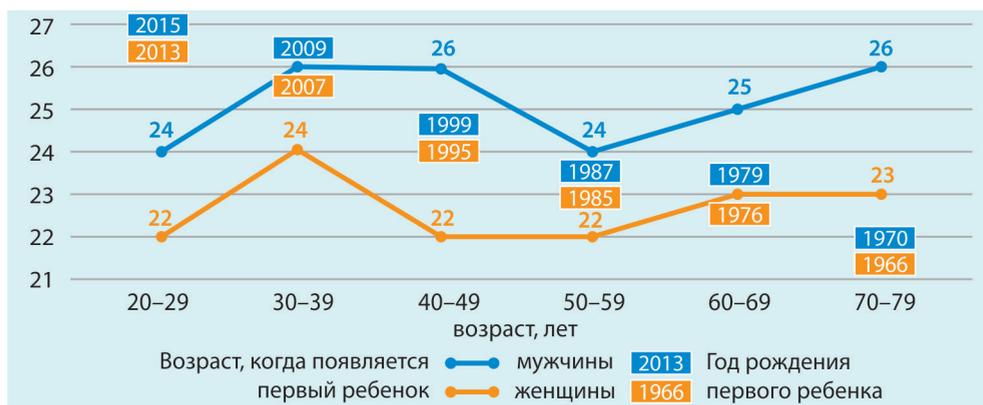

Рис. 28. Возраст и год рождения первого ребенка в поколенческих когортах (медиана, только те респонденты, у которых есть хотя бы один ребенок)

Заметим, что когорта 20–29-летних, у которой опять наблюдается снижение возраста рождения первого ребенка, не является показательной, поскольку у 48 % женщин и 73 % мужчин в этой возрастной когорте вообще нет детей (то есть возраст рождения первого ребенка тоже отложен), а у тех, у кого уже есть дети, конечно, возраст рождения первого ниже, чем в других когортах.

Эти тенденции понятны и неоднократно обсуждались. Как правило, их объясняют культурными факторами, снижением значимости семьи и семейных ценностей. Мы еще вернемся к этому, но сейчас важно отметить, что изменение репродуктивного поведения вовсе нелинейно. Самые старшие поколения демонстрируют репродуктивное поведение, схожее с молодыми, именно в части возраста появления первого ребенка: в возрастных когортах 60–69-летних и 70–79-летних средний возраст рождения ребенка составляет 23 года для женщин и 25–26 лет для мужчин.

Ярко увидеть эти различия позволяют данные о том, сколько детей появляется у каждой возрастной когорты к определенному возрасту (рис. 29). Мы получаем картину отложенного рождения первого ребенка в старших и младших поколениях и раннего рождения детей – в возрастных когортах среднего возраста, особенно 50–59-летних. Только у этой возрастной когорты у женщин к 25 годам и у мужчин к 27 годам в среднем по одному ребенку уже есть. У самых молодых и у самых старших рождение детей в среднем откладывается на более поздний срок.

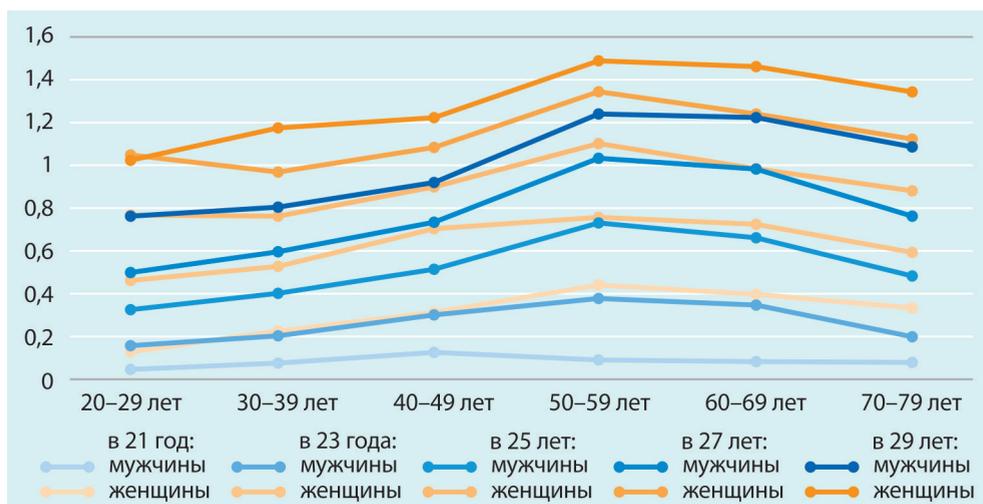

Рис. 29. Среднее количество детей, рожденных к определенному возрасту, в поколенческих когортах

Итак, мы фиксируем два существенных изменения в репродуктивном поведении: снижение общего количества детей и увеличение возраста появления первого ребенка. Причем уменьшение числа детей в семье является постепенным изменением, от самых старших к самым младшим; с возрастом рождения первого ребенка ситуация сложнее: сначала он снижается, потом резко возрастает. В когорте 30–39-летних женщин и 40–49-летних мужчин оба этих тренда соединяются и приводят к новому типу репродуктивного поведения – позднему рождению детей и снижению их общего количества.

Модели репродуктивного поведения. По сочетанию этих ключевых признаков (времени рождения первого ребенка и общего количества детей) мы можем выделить несколько моделей репродуктивного поведения, которые сложились сегодня в Беларуси:

Модель 1 состоит в том, что первый ребенок появляется довольно рано (для женщин до 25 лет, для мужчин – до 27 лет), и детей, появляющихся в семье друг за другом, не менее 2-х. Это традиционная модель не в точном терминологическом понимании традиционной семьи, а в смысле приближенности к «норме», преобладающему в культуре представлению об идеальной семье. Если рассматривать только тех, у кого есть собственные биологические дети, такой тип репродуктивного поведения мы наблюдаем у 19 % из них (или 14 % всего населения в возрасте от 20 до 79 лет). Причем значительно чаще, чем при других моделях репродуктивного поведения, это многодетные семьи – с тремя детьми и более; среднее число детей в них 2,5 (для сравнения: среднее число детей во всех семьях с детьми – 1,8). Другими словами, 1-я модель, не являясь в полном смысле слова традиционной, все же максимально, для современного общества, к ней приближена. Однако ее нельзя назвать типичной с точки зрения распространенности.

Модель 2 является более распространенной: дети рождаются с относительно большим промежутком (медиана – 4 года). Первый – ранний – ребенок до 25 лет у женщин и до 27 лет у мужчин; второй и последующие – относительно «поздние». Эта модель – самая массовая: у 27 % тех, кто имеет биологических детей (20 % взрослого населения). Среднее число детей в таких семьях – 2,2; то есть явно преобладает именно 2-детная семья.

Модель 3: двухдетная семья с отложенным деторождением – первый ребенок появляется уже после 25 лет у женщин и после 27 лет у мужчин, но детей все же двое. Такая модель наблюдается в 16 % случаев (12 % взрослого населения).

Однодетные модели менее распространены, чем двухдетные.

Модель 4: раннее рождение единственного ребенка – у 19 % имеющих детей (14 % взрослого населения).

Модель 5: один ребенок у женщины после 25 лет, у мужчины – после 27 лет. Именно эта модель совмещает оба тренда в изменении репродуктивного поведения – снижение числа детей, как правило, до одного ребенка; и увеличение возраста, в котором ребенок появляется. Такую модель мы наблюдаем у 18 % имеющих детей (13 % взрослого населения).

Интересно, что доля 1-й модели велика именно в поколении среднего возраста – 28 % тех, кто в этом поколении имеет детей, пошли именно по этой модели репродукции. В более старших и младших когортах чаще встречается модель с отложенным рождением 2-го и последующих детей.

2-я и 4-я модели схожи в том смысле, что они представляют переходный вариант – рождение ребенка в нормативном возрастном диапазоне – вполне традиционный шаг, а затем, очевидно, происходит смена приоритетов, и от 2-го и последующих детей либо отказываются (модель 4), либо они появляются после существенной паузы (модель 2).

Интересный тип репродуктивного поведения – поздние двое детей (модель 3), распространенный в первую очередь в самой старшей возрастной когорте. Это тоже, если так можно сказать, «компромиссный» вариант. Рождение ребенка откладывается на более поздний срок, но при этом детей все же двое.

5-й модели репродуктивного поведения – один поздний ребенок – свойственны и малодетность, и более поздний возраст появления ребенка; таким образом, в ней объединяются обе современные тенденции репродуктивного поведения. Можно видеть, что доля именно этой модели репродукции, как и доля тех, кто вообще не имеет детей, растет от поколения к поколению. И хотя процесс изменения репродуктивного поведения происходит нелинейно, движение в сторону откладывания рождения детей, в пользу реализации других жизненных целей, в жизненной стратегии происходит постоянно. И это, очевидно, приводит к снижению числа детей, в том числе в силу именно временных ограничений: 1 более поздний ребенок не оставляет достаточно времени для планирования и рождения 2-го и последующих.

Чтобы понять, какие факторы оказывают влияние на репродуктивное поведение, анализа только демографических показателей недостаточно. Модели, объясняющие само репродуктивное поведение, его динамику, возникают в социологии, социальной психологии и экономике. Причем экономический подход в русле концепции *homo economicus* концентрируется на понятии целесообразности рождения детей и их количества и рассматривает репродуктивное поведение в контексте, в первую очередь, статусных показателей – уровня образования, занятости, уровня доходов и структуры расходов [82].

Социологический подход предполагает анализ не только внешних, но и внутренних детерминант репродуктивного поведения – установок, потребностей. То, что современная медицина позволяет принимать осознанное решение о рождении ребенка, планировать время и количество детей, приводит к тому, что именно субъективные факторы начинают играть существенную роль. Можно говорить о репродуктивных стратегиях, то есть об осознанном выборе, основанном на потребности в детях, с одной стороны, а с другой стороны, на общих жизненных целях и установках (Т.М. Малева, Ф.Н. Ильясов, Н.В. Панкратова, Т.А. Гурко, О.В. Синявская, О.А. Тындик, В.Б. Якубович и др.).

Чтобы понять, под влиянием каких процессов происходит межпоколенный сдвиг в репродуктивном поведении, мы должны рассмотреть, как меняются объективные показатели статуса и субъективные факторы, к которым в первую очередь относятся гендерные и родительские установки.

Чтобы построить такой анализ, важно «уравнять» позиции разновозрастных респондентов; решить аналитическую проблему относительно когорты 20–29-летних, у которых репродуктивный цикл не окончен, а отсутствие детей или их количество пока ни о чем не говорит: могут как родиться несколько детей, так и ни одного. Поэтому мы взяли только тех респондентов, которые достигли возраста, в котором в среднем уже появляется первый ребенок – 25 лет для женщин и 27 лет для мужчин, – и посмотрели, сколько детей появилось к этому возрасту.

Если детей к этому возрасту нет, ситуация может быть интерпретирована как вероятность бездетности или (более распространенный вариант) воспроизведения модели репродуктивного поведения с одним или 2-мя поздними детьми. В любом случае это типаж современного репродуктивного поведения, к нему относятся 44,8 % мужчин и 35,4 % женщин (табл. 11). Если к 25 годам у женщин и к 27 годам у мужчин только 1 ребенок, то это модели деторождения 2 или 4 – то есть этот ребенок так и останется один, или, что более вероятно, с довольно большим промежутком времени появится еще один. К этому типуажу относятся 38 % мужчин и 39 % женщин. Наконец, традиционная модель, когда к 25 годам у женщин и к 27 годам у мужчин уже есть двое и более детей, представляет 3-й типаж респондентов.

Факторы, влияющие на тип репродукции. Эти 3 ситуации дают возможность проанализировать факторы, влияющие на тот или иной тип репродуктивного поведения; результаты корреляционного анализа представлены на рис. 30. В модель мы включили только те параметры, у которых есть влияние на тип репродукции. Первое, что становится очевидным при анализе, это то, что установки – гендерные или родительские – фактически никак не связаны с типом репродукции. Слабая связь у женщин есть только с мнением, что женщины лучше мужчин заботятся о маленьких детях. То есть женщины, имеющие в раннем возрасте 2-х и более детей, воспроизводящие традиционный тип репродуктивного поведения, сильнее убеждены в женском преимуществе в заботе о детях (66 %). Женщины с более современным типом репродуктивного поведения чаще заявляют, что мужчины и женщины могут это делать в равной степени (28 %), но и они в большинстве своем все же уверены, что женщины в этом традиционном деле превосходят мужчин (54 %), это и во всех группах – очень распространенное убеждение (табл. 12).

Небольшое влияние на репродуктивное поведение оказывают и установки по отношению к своим детям в дихотомии: ориентация на помощь и попечение – ориентация на самостоятельность. Хотя какой-то уровень связи фиксируется в отношении установки на финансовую помощь взрослым детям (рис. 30): чем больше уверенность в том, что родители должны помогать взрослым детям финансово, тем вероятнее традиционный тип репродуктивного поведения (1/3 совершенно согласны, что родители должны помогать взрослым детям, тогда как среди тех, кто демонстрирует современный тип репродукции, таких только 1/4). Но здесь ситуация повторяется, поскольку большинство во всех группах склонны считать, что родители должны помогать взрослым детям финансово, то есть это преобладающее мнение, и различия между группами очень невелики.

Таблица 11. Тип репродукции к возрасту 25 лет у женщин и 27 лет у мужчин в возрастных кластерах, %

	К возрасту 25 лет у женщин и 27 лет у мужчин	Возраст (10-летние интервалы)						ИТОГО
		20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70 лет и старше	
Мужчины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3) ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2) ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	62,4	55,4	44,2	34,0	32,9	42,5	44,8
	Итого	100	100	100	100	100	100	100
Женщины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3) ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2) ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	43,7	42,2	31,9	27,4	33,1	39,9	35,4
	Итого	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 12. Установка «кто лучше заботится о маленьких детях» в группах с разным типом репродукции, %

	Тип репродукции к возрасту 25 лет у женщин и 27 лет у мужчин	Кто лучше заботится о маленьких детях					
		Мужчины		Оба пола в равной степени		Женщины	
		определенно	незначительно	определенно	в равной степени	определенно	незначительно
Мужчины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3) ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2) ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	0,5	1,6	21,3	15,2	61,4	100
	Итого	0,5	0,9	21,4	14,8	62,4	100
Женщины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3) ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2) ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	0,5	1,2	20,5	15,0	62,8	100
	Итого	0,9	1,6	27,7	15,7	54,1	100
	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3) ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2) ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	0,2	0,9	23,0	16,5	59,4	100
	Итого	0,2	0,7	18,8	14,6	65,7	100
	Итого	0,5	1,1	23,3	15,6	59,5	100

Таблица 13. Тип репродукции в разных типах поселений (женщины до 25, мужчины до 27 лет), %

Тип репродукции к возрасту 25 лет у женщин и 27 лет у мужчин		Минск (> 1 млн чел.)	Большой (> 250 тыс. чел.)	Средний (50–250 тыс. чел.)	Малый город	Сельский населенный пункт	ИТОГО
Мужчины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3)	54,4	46,2	45,5	40,6	32,5	43,6
	ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2)	28,3	31,5	32,3	30,6	27,5	29,9
	ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	17,3	22,3	22,2	28,8	40,0	26,5
	Итого	100	100	100	100	100	100
Женщины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3)	51,3	38,1	32,7	29,7	21,7	34,7
	ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2)	32,9	38,4	39,2	34,7	29,6	34,7
	ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	15,8	23,5	28,1	35,6	48,7	30,6
	Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 14. Тип репродукции к возрасту 25 лет у женщин и 27 лет у мужчин с разным уровнем образования, %

Тип репродукции к возрасту 25 лет у женщин и 27 лет у мужчин		Среднее общее и ниже	Профессионально-техническое	Среднее специальное	Высшее	ИТОГО
Мужчины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3)	52,2	39,1	39,0	52,2	43,8
	ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2)	23,6	28,4	31,5	29,2	29,8
	ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	24,2	32,5	29,5	18,6	26,4
	Итого	100	100	100	100	100
Женщины	НЕТ детей – отложенное рождение одного (модель 5) или 2-х детей (модель 3)	31,3	26,3	27,3	48,3	34,7
	ОДИН ребенок (ранний) останется единственным (модель 4) или родится еще 1 отложенный (модель 2)	24,8	30,0	37,6	34,5	34,7
	ДВОЕ или БОЛЕЕ детей (модель 1) – ранних двое, могут быть еще	43,9	43,7	35,1	17,2	30,6
	Итого	100	100	100	100	100

Влияние остальных родительских и гендерных установок еще менее значимо или вовсе не значимо. Дело в том, что белорусское общество в целом демонстрирует склонность к традиционным установкам – гендерному неравенству в распределении семейных функций и патернализму в семейных отношениях. Конечно, установки меняются в зависимости от возраста, уровня образования и места жительства, но очень незначительно. Поэтому и репродуктивное поведение меняется от поколения к поколению постепенно, и, видимо, в большей степени в ответ на изменения объективных условий жизни, чем на нормативно-ценностную переориентацию.

Корреляционный анализ демонстрирует, какие же факторы в большей степени определяют репродуктивное поведение (см. рис. 30). Интересно, что различия между мужчинами и женщинами очень существенны. У мужчин репродуктивное поведение находится в прямой зависимости от возраста: чем старше возрастная группа, тем в большей степени традиционный тип репродуктивного поведения она демонстрирует. Второй по значимости фактор – тип населенного пункта: чем больше город, тем больше в нем доля современного типа репродукции (табл. 13). В Минске с миллионным населением более половины мужчин к 27 годам не имеют детей. Важно, что независимые переменные связаны и между собой, то есть чем больше город, тем выше в нем доля молодых и средневозрастных кластеров. И эти 2 фактора – возраст и тип населенного пункта – совместно оказывают максимальное влияние на тип репродуктивного поведения у мужчин.

У женщин определяющими факторами также оказываются связанные между собой тип населенного пункта и уровень образования. Причем это влияние выражено ярче, чем у мужчин: чем больше населенный пункт и чем выше уровень образования, тем менее вероятен традиционный тип репродуктивного поведения (табл. 14). Если сравнить полярные группы, то картина очень яркая: только у 15,8 % жительниц Минска к 25 годам 2 и более ребенка, а у 51,3 % нет детей, тогда как в сельской местности соотношение фактически обратное: 48,7 % с 2-мя и более детьми, а 21,7 % не имеют детей.

Что касается образования, то на общем фоне выделяется группа женщин с высшим образованием, не имеющая детей к 25 годам, – 48,3 %, тогда как традиционный тип репродуктивного поведения демонстрируют 17,2 %. Еще раз подчеркнем, что тип населенного пункта и уровень образования – сильно связанные между собой переменные, доля женщин с высшим образованием, конечно, выше в крупных городах, отсюда и очевидная зависимость репродуктивного поведения от этих 2-х взаимосвязанных факторов.

Таким образом, изменение установок играет подчиненную роль. Конечно, связь существует, но в Беларуси все возрастные когорты остаются очень традиционными в плане нормативно-ценностных представлений о семье, отношений полов, детей и родителей, поэтому установки меняются очень медленно. Определяющими становятся главным образом изменения условий жизни. Можно, уже опираясь на эту информацию, опять вернуться к рис. 29 и обратить внимание на то, в какие периоды концентрируется репродуктивная активность каждой из возрастных когорт и какие макрофакторы в это время влияют на репродуктивное поведение.

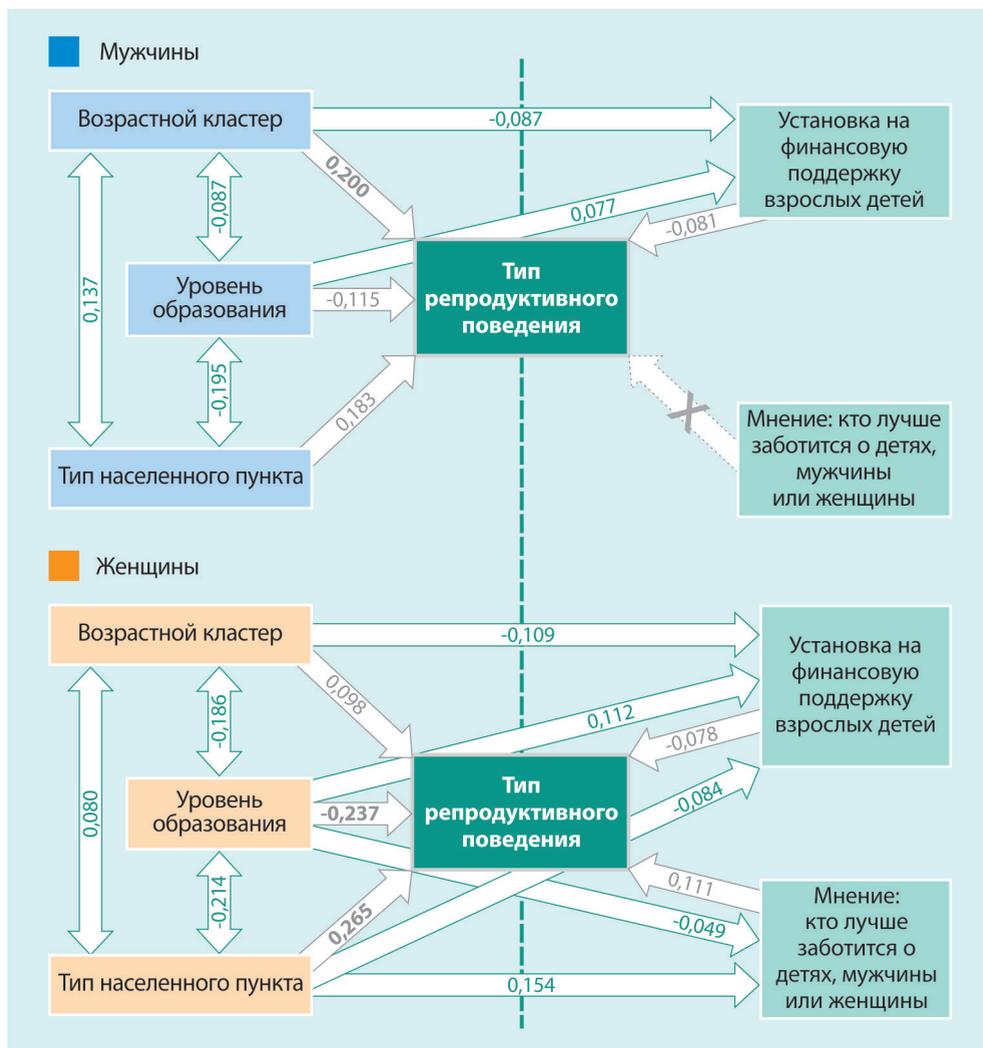

Рис. 30. Факторы, влияющие на тип репродуктивного поведения

Осуществленный анализ показал, что все без исключения возрастные когорты представляют современный тип воспроизводства, который формируется уже после демографического перехода, поэтому резких различий репродуктивного поведения между ними ожидать не приходится, но можно выделить 3 важных периода:

- отложенное по времени, но многодетное репродуктивное поведение в конце 1960-х – начале 1970-х гг.;
- временный возврат к традиционной модели раннего рождения 2-х и более детей к середине 1980-х гг.;
- резкий переход к модели современного отложенного и суженного деторождения во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.

Исторически конец 1960-х – начало 1970-х гг. представляет собой время резкого роста доли высшего образования, и в т. ч. женского образования, а также очередного витка урбанизации, миграции в большие города. Эти процессы, новые возможности для социальной мобильности, переопределяют модель успеха, «правильного» жизненного пути. Для многих обязательным этапом становится переезд в город и получение образования, а рождение детей откладывается на более поздний период.

1980-е гг. – период т. н. застоя, в это время процессы мобильности затухают, высшее образование становится более распространенным, даже обыденным [68] и, по-видимому, не предполагает уже такого выбора между образованием и рождением ребенка. Кстати, именно в это время очень распространенный феномен – студенческая семья. И репродуктивное поведение, очевидно, временно опять меняется в сторону более традиционного.

В 1990-е – 2000-е гг. вновь фиксируется рост мобильности, усиление миграции в крупные города, теперь в большей степени экономической, а также рост доли высшего образования [61]. По-видимому, в это время жизненные стратегии вновь переопределяются и деторождение уходит из приоритетов, откладывается на более поздний период. Однако это пока только гипотеза, требующая более подробного изучения.

ГЛАВА 7. Социально-экономические и демографические детерминанты формирования репродуктивных намерений и демографического поведения

Н. Елсукова, Т. Купчинова

Согласно теории планируемого поведения И. Айзена и М. Фишбеина, наиболее важной детерминантой поведения человека является его намерение [77]. При определении понятия «репродуктивные намерения» О.Г. Исупова ссылается на П. Моргана (2001) и отмечает, что это серия последовательных и изменяющихся во времени индивидуальных решений в отношении рождения ребенка; они зависят от очередности рождения и временного интервала планирования [28, с. 72–73]. А.О. Тындик подчеркивает, что «намерения как индикатор репродуктивных установок во многом заменили собой показатель ожидаемого числа детей. При этом анализировать намерения необходимо применительно к конкретному горизонту планирования, а не на весь репродуктивный период» [65, с. 365].

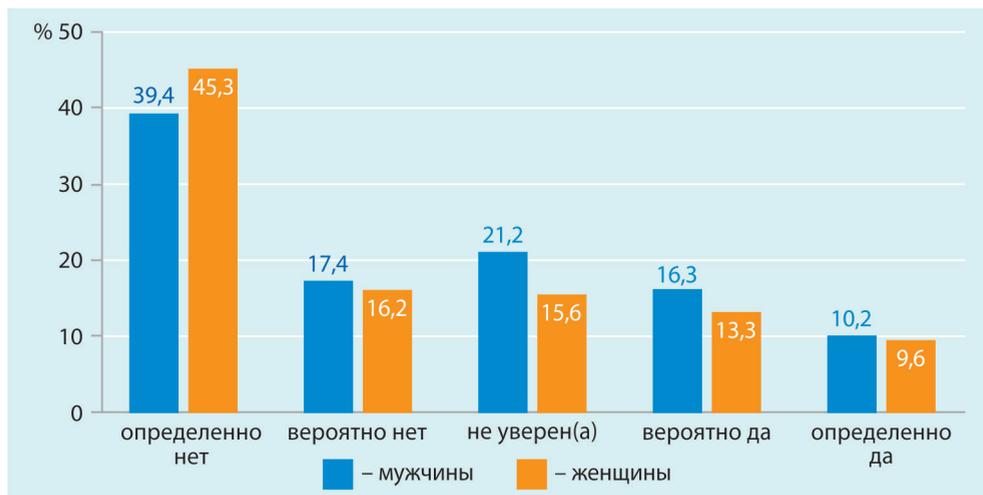
Выделим социально-экономические и демографические детерминанты репродуктивных намерений:

- экономические – уровень денежных доходов, занятость на рынке труда;
- социальные – образование, место жительства;
- демографические – пол, возраст, состояние в браке (партнерстве), число уже имеющихся биологических детей.

Вопрос о репродуктивных намерениях задавался женщинам в возрасте от 18 до 49 лет и мужчинам, у которых возраст партнерш составлял 18–49 лет. Заметим, что сведения о родившихся в демографическом ежегоднике Беларуси за 2017 год представлены по возрасту матери, который ограничивается 49 годами [19]. Кроме того, в ст. 6 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» отмечается, что «экстракорпоральное оплодотворение и искусственная инсеминация не применяются в отношении пациентки, достигшей 50 лет» [22]. В связи с вышесказанным репродуктивным возрастом женщины в данном исследовании будем считать возраст 18–49 лет.

Для анализа репродуктивных намерений формируем две группы (рис. 31):

- женщины репродуктивного возраста 18–49 лет, за исключением беременных, женщин, указавших, что они физически не способны иметь ребенка, а также женщин, имеющих партнера, физически не способного иметь ребенка, давшие значимый ответ на вопрос о своих репродуктивных намерениях (размер группы $N = 2\,354$);
- мужчины, чьи партнерши на момент проведения исследования находились в репродуктивном возрасте 18–49 лет и не были беременны, исключая мужчин, физически не способных иметь ребенка, мужчин, имеющих партнерш, физически не способных иметь ребенка, давшие значимый ответ на вопрос о своих репродуктивных намерениях. Возраст мужчин, вошедших в группу, также ограничиваем 49 годами, так как для мужчин старше 49 лет, имеющих партнерш в репродуктивном возрасте, намерение завести детей в течение ближайших 3-х лет выражено крайне слабо от 0 до 1 % (размер группы $N = 2\,293$).

Рис. 31. Намерение родить в течение ближайших 3-х лет в выделенных группах женщин (N = 2 354) и мужчин (N = 2 293)

Намерение завести в ближайшие 3 года ребенка/еще одного ребенка имеет статистическую связь с полом респондента ($p = 0,000$; $c = 0,113$)¹⁴.

У мужчин данное намерение выражено в большей степени, чем у женщин, хотя ответ «определенно да» высказали примерно одинаковое число респондентов – 10,2 % мужчин и 9,6 % женщин.

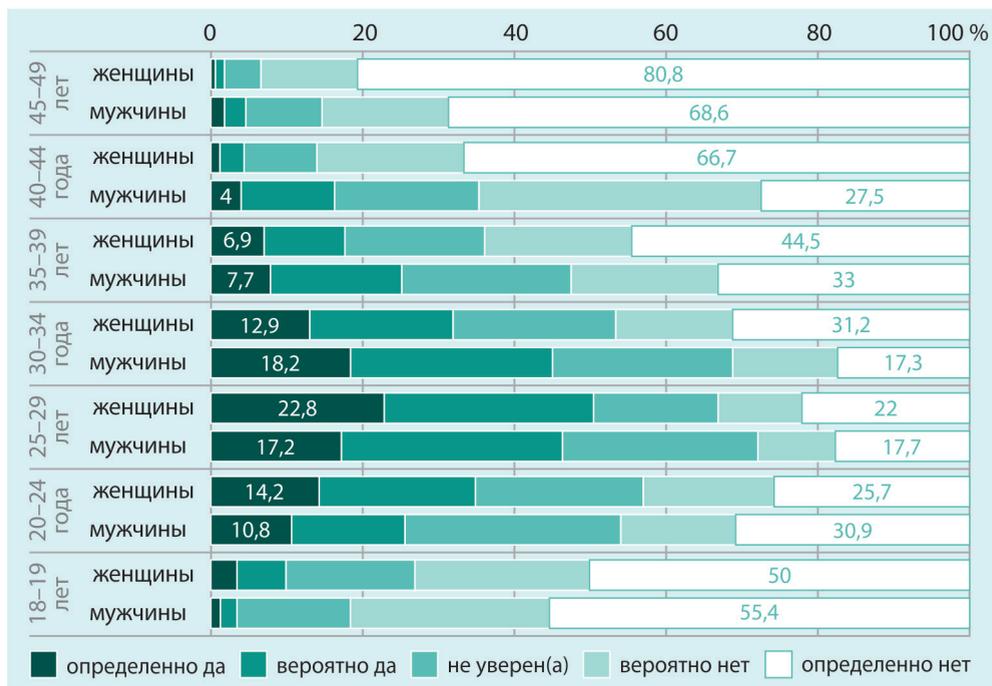
Рассмотрим намерения завести ребенка/следующего ребенка в течение ближайших 3-х лет в выделенных группах по основным демографическим и социально-экономическим факторам.

Пол и возраст. При анализе ответов будем учитывать степень уверенности респондента в принятии решения о намерениях завести ребенка. Поскольку более определенные намерения, в том числе положительные, реализуются лучше, то для нас представляют интерес варианты ответа «определенно да» и «определенно нет» [60]. Доля женщин и мужчин, не имеющих намерений в отношении рождения ребенка в ближайшие 3 года велика во всех возрастных группах. Особенно это справедливо для самой молодой группы 18–19 лет и более зрелых групп после 40 лет (рис. 32).

Доля женщин, определенно планирующих рождение ребенка наибольшая в следующих возрастных интервалах 20–24 года – 14,2 %; 25–29 лет – 22,8 %, 30–34 года – 12,9 %. Далее в возрасте 35–39 лет этот показатель равен 6,9 %; доля женщин после 40 лет, высказавших намерение родить ребенка, не превышает 1 %.

Доля мужчин, определенно планирующих рождение ребенка в ближайшие 3 года, наибольшая в 3-х возрастных группах: 20–24 года – 10,8 %, 25–29 лет – 17,2 %, 30–34 года – 18,2 %. После 35 лет положительные репродуктивные намерения мужчин таковы: 35–39 лет – 7,7 %, 40–44 года – 4 %, 45–49 лет 1,8 %.

¹⁴ Здесь и далее по тексту p – уровень значимости статистического критерия χ -квадрат для проверки гипотезы о связи в таблице сопряженности, c – значение коэффициента сопряженности.

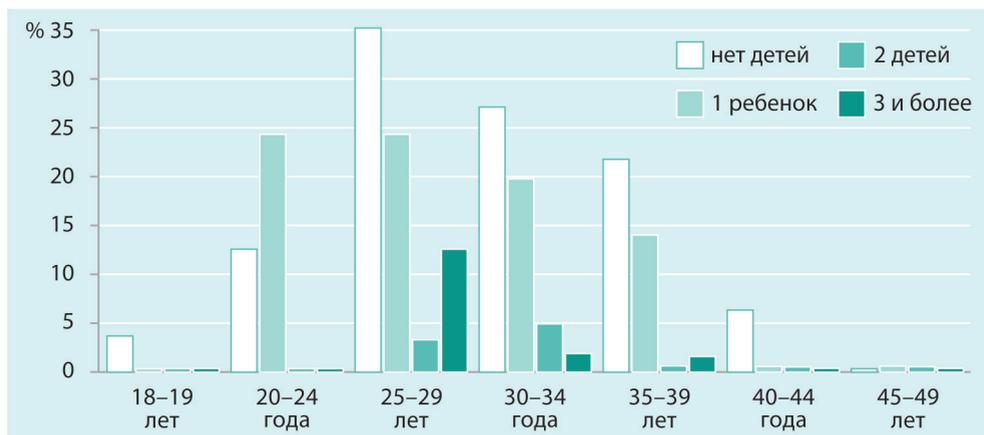

Рис. 32. Намерение родить ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от возраста и пола в выделенных группах женщин (N = 2 355) и мужчин (N = 2 297)

Таким образом, намерение родить ребенка у женщин максимально в возрасте от 25 до 29 лет, у мужчин – в 30–34 года. После 30 лет репродуктивные намерения мужчин выше, по сравнению с женщинами такого же возраста.

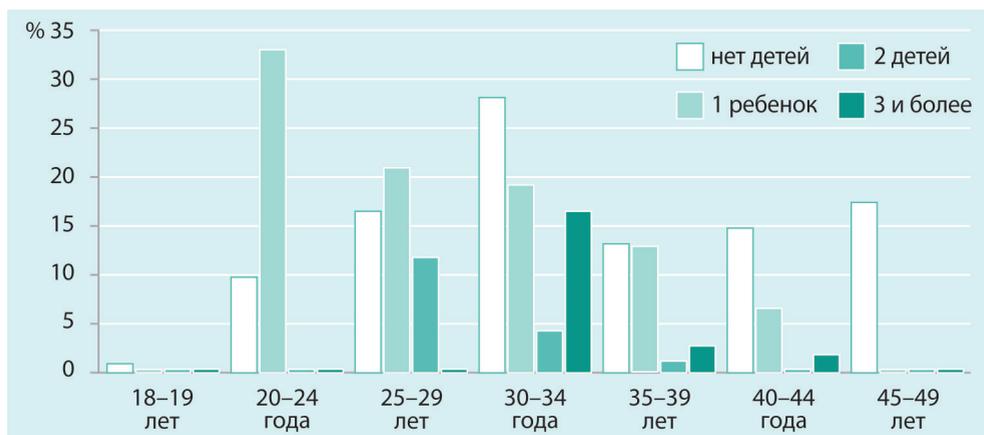
Рассмотрим, каковы репродуктивные намерения женщин в зависимости от возраста и наличия у них биологических детей (рис. 33). При условии отсутствия биологических детей наибольшие намерения родить ребенка в ближайшие 3 года имеют женщины 3-х возрастных групп: 25–29 лет – 35,3 %, 30–34 года – 27 %, 35–39 лет – 21,6 %. При наличии у женщин данных возрастных групп одного ребенка их репродуктивные намерения снижаются, но они выше по сравнению с другими возрастными категориями. Исключение составляют женщины в возрасте 20–24 лет, при условии наличия у них уже одного ребенка их репродуктивные намерения вдвое выше (24,1 %), чем у женщин этой же возрастной группы, не имеющих детей на момент проведения исследования (12,6 %). Также отмечаем, что при условии наличия 2-х детей у женщин в возрасте 30–34 лет репродуктивные намерения выше, чем у всех остальных возрастных групп (4,9 %).

Женщины, находящиеся на момент проведения исследования в зрелом репродуктивном возрасте (40–44, 45–49 лет), практически не формируют у себя установку на рождение ребенка, особенно те, кто к этому возрасту имеет биологических детей. Необходимо отметить, что возраст женщины имеет выраженную статистическую связь с намерением родить ребенка в ближайшие 3 года. Это справедливо для женщин без детей, имеющих 1 ребенка или 2-х детей ($p = 0,000$; $c = 0,457$).

Рис. 33. Намерение родить ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от возраста и наличия детей в выделенной группе женщин (N = 2 348)¹⁵

Репродуктивные намерения мужчин при условии отсутствия детей наиболее выражены в возрастной группе 30–34 года – 28,4 %. Во всех остальных группах, за исключением самой молодой (18–19 лет), доля мужчин, высказавших определенность в своих репродуктивных намерениях, варьируется в пределах от 10 до 18 %. Если у мужчины уже есть один ребенок, ситуация с намерениями несколько иная. Доля мужчин, которые имеют выраженные намерения в отношении рождения ребенка, составила в возрасте 20–24 лет 33,3 %, в возрасте 25–29 лет – 21,2 %, 30–34 лет – 19,3 %, 35–39 лет – 13,2 %, 40–44 лет – 6,7 % (рис. 34).

Рис. 34. Намерение родить ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от возраста и наличия детей в выделенной группе мужчин (N = 2291)

Мужчины, которые на момент проведения исследования имели 2-х детей, практически не выражают намерений в отношении рождения еще одного ребенка. Особенно это касается более взрослых мужчин (40–44, 45–49 лет).

¹⁵ Здесь и далее на рисунках представлены намерения завести ребенка в течение ближайших 3-х лет на основании ответа респондента «определенно да».

Однако необходимо отметить, что 16,7 % мужчин, имеющих 3-х и более детей, в возрасте 30–34 лет высказывают намерение завести в ближайшие 3 года еще одного ребенка. Возраст мужчины также имеет выраженную статистическую связь с намерением родить ребенка в ближайшие 3 года. Это справедливо для мужчин без детей, имеющих 1 ребенка или 2-х детей ($p = 0,000$; $c = 0,434$).

Партнерский и брачный статус. 78,1 % женщин в выделенной группе имеют постоянного партнера ($N = 2354$), и 82,1 % женщин, имеющих партнера, состоят с ним в зарегистрированном браке ($N = 1839$).

Наличие у женщин партнера ($p = 0,000$; $c = 0,127$), а также зарегистрированный брак ($p = 0,000$; $c = 0,116$) имеют выраженную статистически значимую связь с репродуктивными намерениями.

Доля женщин, состоящих в браке и не имеющих детей, ответивших «определенно да» на вопрос о намерениях родить в ближайшие 3 года составила 41,7 %. Если женщина, не имеющая на момент проведения исследования детей, имеет партнера, но не состоит с ним в браке, то намерение родить в ближайшие 3 года у нее снижается до 20,3 % ($p = 0,000$; $c = 0,288$).

Наличие детей снижает репродуктивные намерения. Вместе с тем отмечаем, что статистически значимая связь между намерением родить и наличием у женщины зарегистрированного брака пропадает в ситуации наличия у нее 1 ребенка и более. Доля состоящих в браке женщин с 1 ребенком, имеющих намерение родить в ближайшие 3 года, составляет 16,3 %, доля не состоящих в браке женщин с 1 ребенком, имеющих намерение родить, составляет 10,5 %.

Женщины без постоянного партнера намерение родить ребенка формулируют намного реже: без детей таких женщин 5 %, с одним ребенком – 4,5 %, с 2-мя – 1,2 %, с 3-мя и более – 0 %.

Таким образом, женщины в зарегистрированном браке в целом имеют более выраженное намерение рожать 1-го и 2-го ребенка. Наличие детей снижает уровень репродуктивных намерений женщины и в браке, и с партнером без брака.

72,4 % мужчин в выделенной группе имеют постоянную партнершу ($N = 2294$) и 83,6 % мужчин, имеющих партнершу, состоят с ней в зарегистрированном браке ($N = 1663$).

Репродуктивные намерения мужчин следующие. Доля мужчин, не имеющих общих детей со своей партнершей и на вопрос о намерениях иметь ребенка в ближайшие 3 года ответивших «определенно да», составила 28,1 %. Наличие одного ребенка снижает уровень репродуктивных намерений мужчины-респондента. Отмечаем присутствие статистически значимой связи между репродуктивными намерениями мужчины-респондента (с учетом наличия/отсутствия детей) и наличием у него партнерши ($p = 0,000$; $c = 0,130$).

Если мужчина состоит со своей партнершей в зарегистрированном браке, то его репродуктивные намерения высоки при условии отсутствия общих детей – 40,4 %. Связь имеет статистическую значимость ($p = 0,000$; $c = 0,302$). При условии наличия хотя бы одного ребенка, связь между намерениями мужчины и его брачным статусом пропадает.

Рассмотрим, как влияет *занятость* на репродуктивные намерения респондентов. Для анализа сгруппируем род занятий респондента в 4 категории:

1. студент, учащийся школы, профессионально-технического учебного заведения;
2. занятый (работающий по найму, работающий не по найму, самозанятый, помогает члену семьи на семейном предприятии или фермерском/крестьянском хозяйстве, находится на военной или альтернативной службе, другое);
3. безработный;
4. неактивный на рынке труда (пенсионер, занимается ведением домашнего хозяйства, мать в отпуске по беременности, родам, один из родителей или членов семьи в отпуске по уходу за ребенком, болен или нетрудоспособен длительное время или постоянно).

Структура занятости женщин, ответивших на вопрос о намерениях родить в ближайшие 3 года, такова: 7,2 % – студенты/учащиеся; 69,1 % – занятые на рынке труда; 3,2 % – безработные; 20,5 % – неактивные на рынке труда (N = 2 356).

Самая молодая возрастная группа женщин 18–19 лет практически не имеет определенности в отношении рождения ребенка в ближайшие 3 года. Лишь незначительная доля женщин, относящаяся к категории студент/учащийся, на вопрос о репродуктивных намерениях ответила «определенно да» – 4,3 %. При этом статистически значимая связь между намерениями женщины и данной категорией ее занятости отсутствует.

Отмечаем наличие статистически значимой связи репродуктивных намерений женщины и ее занятости на рынке труда ($p = 0,013$; $c = 0,103$). Более выраженные намерения родить в ближайшие 3 года имеют занятые женщины в возрасте 25–29 лет (доля женщин, ответивших «определенно да», составила – 28,3 %). В возрастной группе 20–24 лет доля занятых женщин с определенностью в репродуктивных намерениях составила 20,7 %, в возрастной группе занятых женщин 30–34 лет – 15,7 %.

Доля женщин неактивных на рынке труда и безработных независимо от возраста, которые высказали определенность в своих намерениях родить в ближайшие 3 года незначительна (9,5–9,6 %).

Структура занятости мужчин, ответивших на вопрос о репродуктивных намерениях, такова: 7,9 % – студенты/учащиеся; 83,9 % – занятые на рынке труда; 6,6 % – безработные; 1,5 % – неактивные на рынке труда (N = 2291).

Молодые мужчины 2-х возрастных групп 18–19 и 20–24 лет практически не формируют для себя установки на рождение детей в ближайшие 3 года.

Несмотря на то, что доля отрицательных ответов в отношении репродуктивных намерений мужчины выше, чем положительных во всех категориях занятости, мы можем все-таки говорить о том, что мужчины, занятые на рынке труда, имеют большую определенность в своих репродуктивных намерениях – 11,1 % ($p = 0,000$; $c = 0,167$). При этом наиболее выражены репродуктивные намерения у занятых мужчин в возрасте 30–34 лет – 18,6 %.

Образование. Намерения в отношении рождения ребенка более выражены у женщин с высшим образованием (доля ответов «определенно да» составила 13,4 %). Во всех остальных категориях образования доля таких ответов варьируется в пределах 3,8–7,8 %. Отмечаем наличие статистически значимой связи между репродуктивными намерениями женщины и уровнем ее образования ($p = 0,000$; $c = 0,181$).

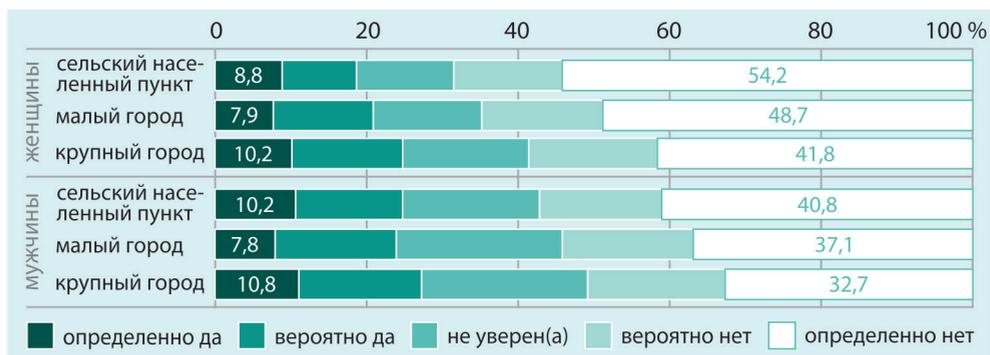
Если мы применим условие «наличие на момент проведения обследования биологического ребенка», то связь сохраняется только для женщин, которые не имели детей ($p = 0,000$; $c = 0,358$). Доля женщин без детей, ответившая на вопрос о репродуктивных намерениях «определенно да», выше в 2-х образовательных группах: профессионально-техническое среднее образование – 27,8 %, высшее образование – 26,4 %.

При условии наличия у женщины одного ребенка, доля женщин с высшим образованием, имеющих намерения в отношении рождения ребенка в течение 3-х лет, выше по сравнению со всеми остальными образовательными группами и составляет 15,7 %.

Намерения в отношении рождения ребенка более выражены у мужчин с высшим образованием (доля ответов «определенно да» составила 13,1 %). Отмечаем наличие статистически значимой связи без учета факта наличия детей между репродуктивными намерениями мужчины и уровнем его образования ($p = 0,000$; $c = 0,153$).

Стоит отметить некоторые различия в намерениях в ситуации отсутствия/наличия у мужчины биологического ребенка. Доля мужчин без детей с высшим образованием, ответивших на вопрос о намерениях рождения ребенка «определенно да», выше по сравнению со всеми остальными образовательными группами и составляет 19,9 %. Отмечаем, что при наличии у мужчины одного ребенка связь между его репродуктивными намерениями и уровнем образования пропадает.

Рассмотрим репродуктивные намерения мужчин и женщин в разрезе 3-х *типов населенных пунктов*: крупный город (более 50 тыс.), малый город, сельский населенный пункт (рис. 35).

Рис. 35. Намерения завести ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от места жительства респондента в выделенных группах женщин ($N = 2\,354$) и мужчин ($N = 2\,293$)

Доля женщин, которые имеют намерения в отношении рождения ребенка в течение 3-х лет, выше в крупных городах, чем в малых и сельской местности, и составляет 10,2 %.

Отмечаем наличие статистически значимой связи репродуктивных намерений женщины с ее местом жительства ($p = 0,001$; $c = 105$).

Особых различий в намерениях завести ребенка в течение ближайших 3-х лет у мужчин с учетом места жительства обнаружить не удалось, статистически значимая связь отсутствует.

Уровень доходов. Под доходом будем понимать общую сумму денег, поступающую респонденту в виде заработной платы, процентов, дивидендов и т. д. При анализе связи репродуктивных намерений и дохода будем учитывать факт наличия/отсутствия у респондента партнера.

При наличии партнера и высоком уровне личного дохода 1 500–2 499 бел. руб. и 2 500 бел. руб. от 17,4 до 20 % женщин и от 18,2 до 26,8 % мужчин высказываются о намерениях завести ребенка в ближайшие 3 года (рис. 36). Также отмечаем, что в группе с самым низким доходом до 250 бел. руб. 25 % мужчин с партнершами и 17,4 % мужчин без партнерш также выражают данное намерение. В группах со средними доходами у мужчин и женщин, независимо от наличия партнера, фиксируется намерение в интервале от 2,5 до 13 %.

Рис. 36. Намерения завести ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от доходов в выделенных группах женщин (N = 1 683) и мужчин (N = 1 610)

Отмечаем наличие статистически значимой связи репродуктивных намерений женщин ($p = 0,000$; $c = 0,198$) и мужчин ($p = 0,007$; $c = 0,173$) и их дохода с учетом партнерского статуса.

Таким образом, по результатам проведенного исследования при общей картине преобладания отрицательных ответов на вопрос «Вы намереваетесь завести ребенка/еще одного ребенка в течение ближайших 3-х лет?», четко выделяется наиболее активная группа женщин по своим положительным репродуктивным намерениям. Это женщины в возрастных интервалах: 20–24, 25–29 и 30–34 года, особенно при отсутствии у женщины биологического ребенка или наличии только одного ребенка. Намерение родить при условии наличия 2-х и более детей наиболее выражено у женщин 25–29 лет. Женщины от 35 лет практически не формируют у себя установку на рождение ребенка, особенно те, кто к этому возрасту имеет хотя бы одного ребенка.

Репродуктивные намерения мужчин при условии отсутствия детей наиболее выражены в возрастной группе 30–34 года. Мужчины, которые на момент проведения исследования имели 2-х детей, практически не выражают намерений в отношении рождения еще одного ребенка. Особенно это касается более старших мужчин (40–44, 45–49 лет).

Женщины в зарегистрированном браке в целом имеют более выраженное намерение рожать 1-го и 2-го ребенка. Если мужчина состоит со своей партнершей в зарегистрированном браке, то его репродуктивные намерения высоки при условии отсутствия общих детей.

Занятость выступает значимой детерминантой репродуктивных намерений как выделенной нами группы женщин, так и мужчин. Более выраженные намерения завести ребенка в ближайшие 3 года имеют занятые женщины в возрасте 25–29 лет. Наиболее выражены репродуктивные намерения у занятых мужчин в возрасте 30–34 лет.

Место жительства оказывает влияние на репродуктивные намерения женщин: жительницы крупных городов имеют более выраженные намерения в отношении рождения ребенка в течение 3-х лет. Место жительства не оказывает влияние на репродуктивные намерения мужчины (статистически значимая связь отсутствует).

Уровень дохода оказывает влияние на формирование репродуктивных намерений как женщин, так и мужчин: доля ответов в отношении намерений завести ребенка в течение ближайших 3-х лет «определенно да» выше в группах с высоким доходом (от 1 500 до 2 499 бел. руб., 2 500 бел. руб. и выше).

ГЛАВА 8. Самооценка здоровья как фактор формирования позитивных репродуктивных установок женского населения

Д. Мадрас, М. Щавелева

Укрепление репродуктивного здоровья населения, повышение рождаемости, поддержка института семьи, сохранение духовно-нравственных традиций и ценностей являются приоритетными стратегиями развития Беларуси.

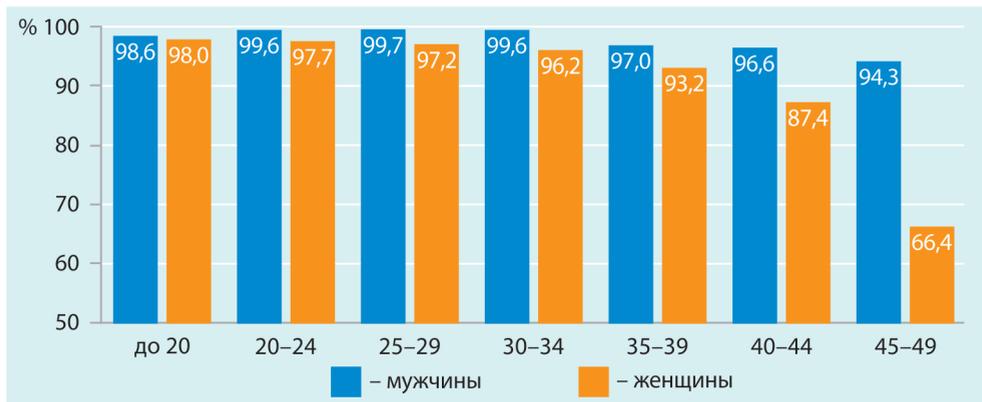
Значимая часть социальной политики нашего государства направлена на поддержку матерей и детей, осознанного родительства, создание духовного, психологического, социально-экономического комфорта в семьях. Сегодня на фоне реализации основных демографических угроз (старение населения, депопуляция, деградация института семьи, нерегулируемые миграционные процессы) беременность рассматривается не просто как физиологический процесс, а как состояние, формирующее потенциал общества, уровень его возможностей и определяющее перспективы развития государства. С учетом современной демографической ситуации задача обеспечения оптимальных условий течения беременности и родов, устранения факторов риска становится все более актуальной.

Депопуляция имеет далеко идущие последствия для функционирования всего общества, его социальных институтов, экономической и политической систем. Главной проблемой нынешней демографической ситуации является постепенное снижение рождаемости, которое предопределяет сокращение численности населения и ведет к старению возрастного состава как всего населения, так и его трудоспособной части [37].

Учитывая современные репродуктивные тенденции в виде снижения рождаемости, увеличения частоты экстрагенитальной патологии, для поддержания даже простого воспроизводства населения требуются совместные усилия общества, здравоохранения и государства.

При анализе репродуктивных установок выявлена тенденция быстрого уменьшения распространенности намерений родить ребенка (еще одного ребенка) с увеличением возраста респондентов в период жизни от 27 до 44 лет. Частично эта тенденция связана с возрастными особенностями самооценки здоровья. С возрастом последняя снижается, что, в свою очередь, способствует отказу от реализации имевшихся репродуктивных установок. При этом важное значение имеет не только оценка репродуктивной функции организма, но и оценка своего здоровья в целом.

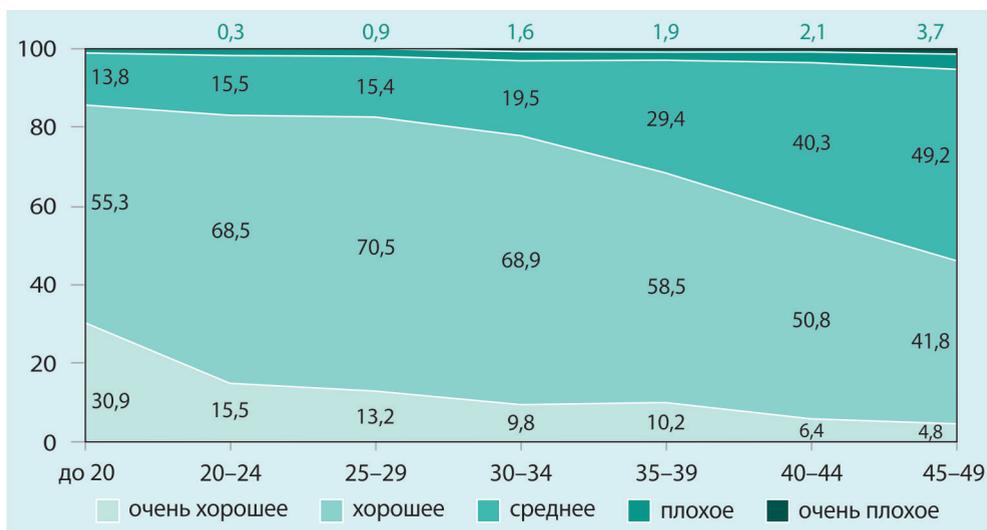
При этом большинство мужчин и женщин в возрасте от 18 до 49 лет позитивно оценивают физическую способность родить ребенка. Среди мужчин доля таких респондентов превышает 90 % на протяжении всего анализируемого возрастного интервала (18–49 лет). Среди женщин сопоставимый уровень позитивной самооценки репродуктивного потенциала сохраняется до 44 лет. Так, в возрасте от 40 до 44 лет доля женщин, считающих себя физически способными к рождению, составляет 87 %. В следующей 5-летней когорте показатель резко снижается до уровня 66 % (рис. 37). Однако даже такой уровень является очень высоким, если учесть, что к 45 годам реальное намерение родить ребенка имеют менее 1 % женщин.

Рис. 37. Доля респондентов, считающих себя физически способными родить ребенка (еще одного ребенка), в зависимости от пола и возраста, %

База расчета: респонденты в возрасте от 18 до 49 лет.

Анализ самооценки здоровья женщин в возрасте 18–49 лет (рис. 38) позволил выявить следующее. Уровень своего здоровья как «очень хорошее» отмечает все же относительно небольшой процент женского населения. Обращает на себя внимание «обвал» самооценки в период до 24 лет: в возрастной группе 20–24 года всего 15,5 % опрошенных считают свое здоровье «очень хорошим». При этом абсолютно такое же количество опрошенных (15,5 %) оценили свое здоровье как «среднее». Далее, с увеличением возраста, процент ответов «очень хорошее» продолжает снижаться в отличие от ответа «среднее», частота которого в каждой последующей возрастной группе увеличивается. Данная тенденция может негативно сказываться на репродуктивных установках женщины. Можем предположить, что женщина, оценивая свое здоровье как «среднее», будет настороженно относиться к планированию рождения 2-х и более детей.

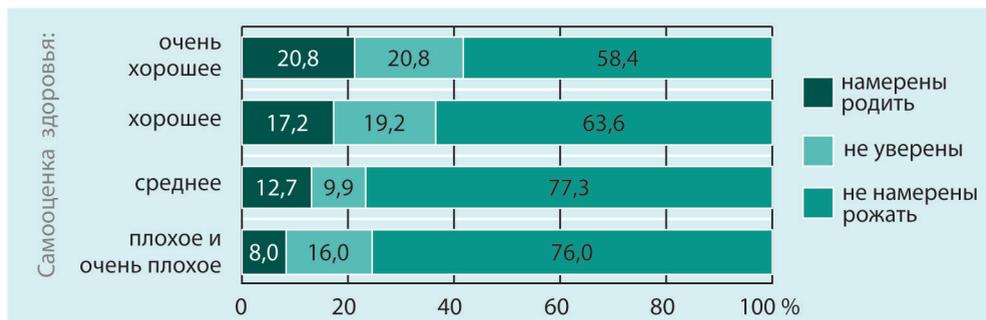

Рис. 38. Распределение женщин в возрасте 18–49 лет в соответствии с самооценкой здоровья, %

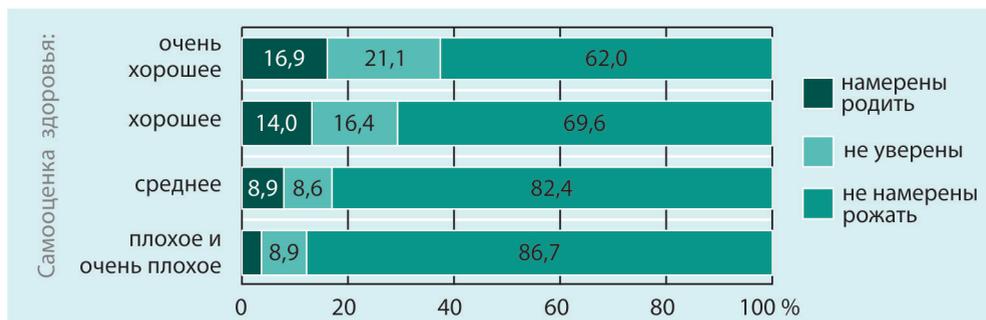
База расчета: женщины в возрасте от 18 до 49 лет.

Наиболее высокий суммарный коэффициент рождаемости в республике регистрируется в 25–29 лет (поздний тип максимальной плодовитости). В этот период уровень самооценки женщинами своего здоровья начинает планомерно снижаться. С учетом среднего возраста при рождении первого ребенка (26 лет) и рекомендуемого интервала между рождениями в 2,5–3 года, женщина реально может задуматься о рождении 3-го ребенка в 34–35 лет, когда 1/3 опрошенных (31,3 %) оценивает свое здоровье в качественном интервале «среднее – очень плохое». Возникает «демографический диссонанс», когда рождение ребенка очень желательно с точки зрения воспроизводства населения и интересов конкретной женщины, но не очень показано с точки зрения уровня здоровья.

Влияние самооценки здоровья на намерение родить ребенка в 3 ближайших года представлено на рис. 39 и 40. Ухудшение самооценок общего состояния здоровья снижает распространенность установок родить ребенка в ближайшие 3 года. Среди женщин в возрасте от 30 до 44 лет, оценивших состояние своего здоровья как очень хорошее, доля имеющих намерение родить ребенка (еще одного ребенка) составляет 21 %, что является наиболее высоким значением для этого возраста. С другой стороны, среди женщин, оценивших свое здоровье как плохое и очень плохое, доля имеющих намерение родить сокращается до минимального уровня и составляет всего 8 % (рис. 39). При расширении возрастного интервала до 49 лет распространенность установок родить ребенка в ближайшие 3 года у женщин с хорошей самооценкой здоровья естественно снижается (рис. 40).

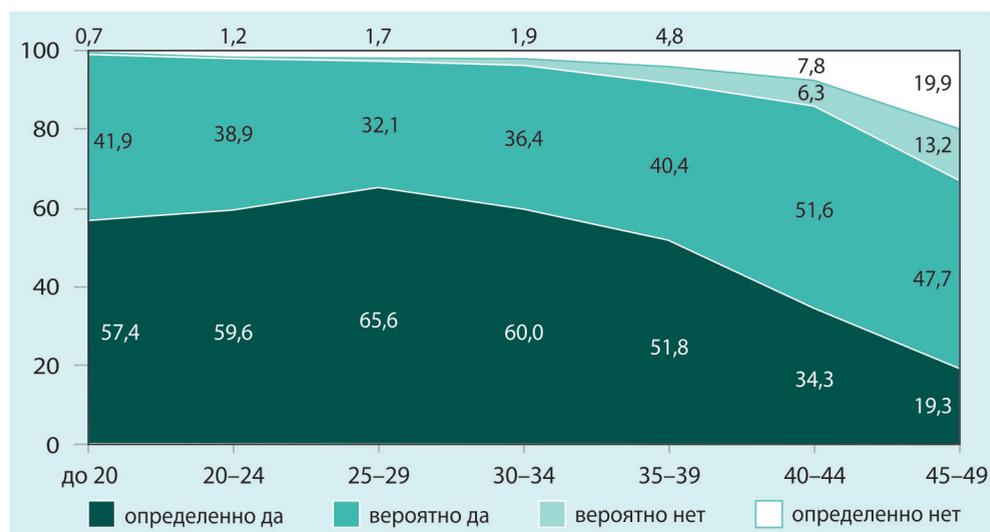

Рис. 39. Распределение женщин в возрасте от 30 до 44 лет по намерению родить ребенка в ближайшие 3 года в зависимости от самооценки здоровья, %

Рис. 40. Распределение женщин в возрасте от 30 до 49 лет по намерению родить ребенка в ближайшие 3 года в зависимости от самооценки здоровья, %

При сравнительном анализе данных самооценки здоровья и физической возможности иметь детей в возрастной группе женского населения 18–49 лет (рис. 41) установлено, что снижение уровня самооценки здоровья в возрастной группе старше 30 лет не сопровождается таким же планомерным снижением самооценки физической возможности иметь детей. Так, в возрастной группе 35–39 лет всего 3 % женщин считают, что, вероятно, не смогут иметь детей. В полной невозможности зачатия уверены 4,8 % женщин. Однако при физической возможности зачатия женщины не реализуют ее фактически. Можно предположить, что самооценка здоровья влияет не на физическую возможность иметь ребенка, а на саму репродуктивную установку. В современных реалиях недостаточно только физической возможности зачатия. Только в сочетании с устойчивой репродуктивной установкой физическая возможность воплощается в фактическую, т. е. в реальное рождение ребенка.

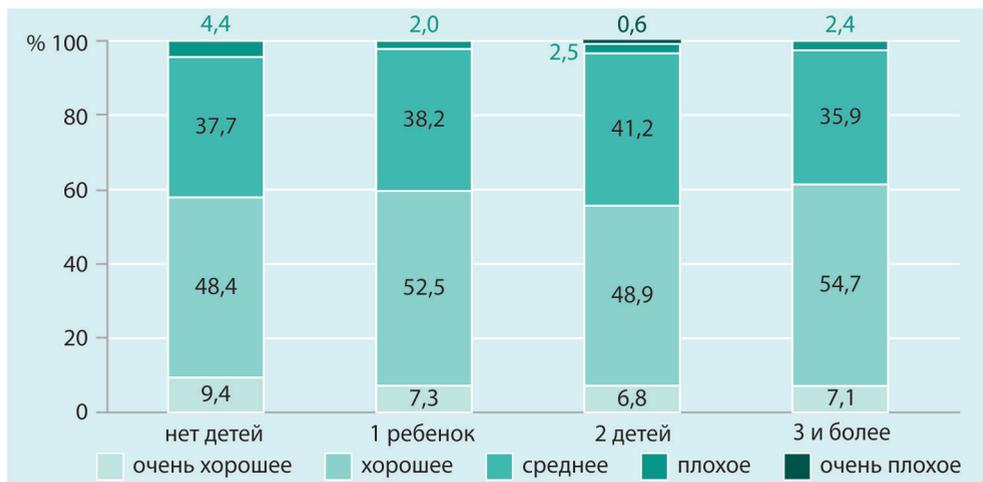

Рис. 41. Распределение женщин в возрасте 18–49 лет в соответствии с самооценкой физической возможности иметь детей, %

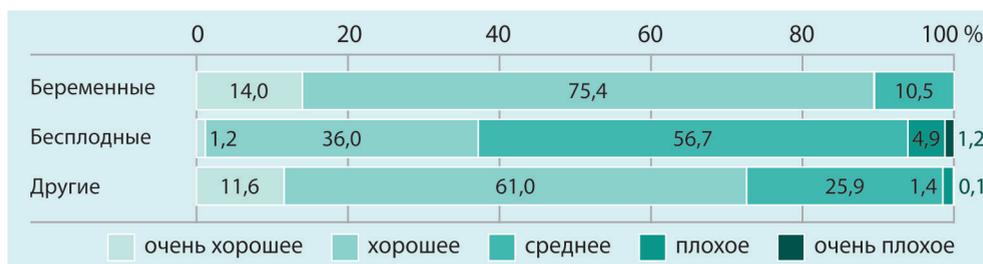
Косвенным подтверждением полученного нами тезиса явились данные о самооценке здоровья женщинами в возрасте от 35 до 49 лет в зависимости от количества рожденных детей, а также данные о состоянии здоровья беременных.

Самый высокий удельный вес самооценки здоровья «хорошее» наблюдается в группе женщин, имеющих 3-х и более детей (рис. 42). Возможно, данные женщины реализовали свои репродуктивные установки при достаточно высоком уровне самооценки здоровья. В то же время рождение ребенка, в конкретном случае – троих детей, не ухудшает, более того, удерживает на должном уровне общую самооценку здоровья.

Среди опрошенных беременных отсутствуют оценки своего здоровья как «плохое» и «очень плохое». Более того, 89,4 % из них оценили свое здоровье как «хорошее» и «очень хорошее» (рис. 43), доля таких оценок у бесплодных и другого населения значительно меньше.

Рис. 42. Самооценки здоровья женщинами в возрасте от 35 до 49 лет в зависимости от количества рожденных детей, %

Рис. 43. Самооценки здоровья беременными, бесплодными и другими женщинами репродуктивного возраста, %

База расчета: женщины в возрасте от 18 до 49 лет.

Таким образом, можно сделать предварительное заключение о том, что уровень самооценки здоровья напрямую влияет на намерения женщины родить ребенка, в том числе в ближайшие 3 года.

Подводя итоги результатов исследования, полагаем возможным сделать некоторые выводы:

1. Учитывая стремление современных поколений отодвигать рождение детей на более позднее время, а значит накапливать уровень как экстрагениальной патологии, так и заболеваний репродуктивной сферы, социальное значение развития служб поддержки материнства и детства будет расти. Кроме того, постоянное и должное внимание необходимо уделять профилактике заболеваний, пропаганде здоровьесохраняющего (здоровьесберегающего) поведения населения.
2. Важным фактором, влияющим на репродуктивное здоровье и репродуктивные установки, является репродуктивная грамотность женского населения, над повышением уровня которой необходимо непрерывно работать.
3. Также важным фактором, влияющим на формирование репродуктивных установок, является уровень самооценки здоровья женского населения.

Раздел IV. РОДИТЕЛИ И ДЕТИ

ГЛАВА 9. Особенности использования услуг по уходу за детьми

В. Юодешко

Развитие сферы услуг по уходу за детьми и предоставление семьям лучших возможностей сочетания родительства и работы является важнейшим звеном социальной политики государства. Функционирование доступной сети учреждений и наличие других форм ухода за детьми расширяет возможности занятости родителей, повышения доходов семьи и снижения риска бедности. Делегирование части женского домашнего труда по уходу за детьми в сферу профессиональных услуг ослабляет остроту конфликта занятости и рождения детей, позволяя не только повышать уровень институционального гендерного равенства, но и содействовать гармоничному распределению внутрисемейных обязанностей между партнерами.

Сфера услуг по уходу за детьми в Беларуси сосредоточена в государственном секторе и представлена дошкольными учреждениями образования и группами продленного дня в учреждениях общего среднего образования. Охват детей 0–2 года дошкольным образованием составляет 20 %¹⁶, в возрасте 3–5 лет – 95 %. Порядка 21 % школьников охвачены услугами групп продленного дня. При этом имеющаяся административная информация не позволяет в полной мере осветить вопросы особенностей и факторов потребления семьями этих услуг, а также масштабов непрофессионального ухода, получаемого семьями с детьми. В этом состоит задача последующего анализа.

В рамках исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» изучались два типа услуг по уходу за детьми:

- профессиональные услуги, предоставляемые в рамках институционального механизма, например, услуги няни, дошкольных учреждений, групп продленного дня, самостоятельно организованных групп (институциональные, профессиональные услуги);
- непрофессиональные услуги, предоставляемые как помощь со стороны родных, знакомых или других людей, для которых оказание такой помощи не является профессиональной деятельностью (далее – неформальные, непрофессиональные услуги).

Объектом анализа являются семьи¹⁷, воспитывающие детей в возрасте до 14 лет, включая биологических детей респондента или его партнера, усыновленных детей, а также пасынков и падчериц, проживающих совместно с респондентом. Исследуемая подвыборка составила 2 724 семьи с детьми указанных характеристик, или 27,3 %.

¹⁶ По оценочным расчетам за 2016 г.

¹⁷ Здесь и далее в анализе семья используется как понятие, синонимичное домохозяйству.

Уход за детьми: вклад профессиональных и непрофессиональных услуг. Более половины семей (54,4 %) не получают никакой регулярной внесемейной помощи в уходе за детьми, будь то профессиональные услуги или непрофессиональный уход от людей, не проживающих в домохозяйстве (рис. 44). Использование профессионального ухода более распространено среди семей по сравнению с неформальным уходом за детьми. При этом 12 % семей с детьми получают каждый из этих видов помощи.

Рис. 44. Распределение семей с детьми до 14 лет по источникам внесемейной помощи по уходу за детьми¹⁸ (N = 2 648)

Потребление услуг по уходу за детьми в Беларуси тесно связано как с возрастом детей, воспитываемых в семье¹⁹, так и с числом детей²⁰.

В отношении детей дошкольного возраста (0–5 лет) потребление внесемейных услуг по уходу за детьми повышается с повышением возраста ребенка, при этом прирост происходит за счет использования профессионального ухода (см. рис. 44). В отношении детей школьного возраста, ситуация противоположная – по мере взросления ребенка потребление услуг по уходу снижается, при этом происходит одновременное сокращение использования как профессиональных услуг, так и неформального ухода за детьми.

По мере увеличения числа детей, воспитываемых в семье, повышается потребление услуг по уходу за детьми (см. рис. 44). Среди семей с одним ребенком только 39,7 % прибегают к какой-либо внесемейной помощи, среди семей с 2-мя детьми – 52,1 %, среди семей с тремя и более детьми – 67,0 %. Структура потребления при этом меняется за счет вовлечения детей в сферу профессионального ухода, при этом использование непрофессиональной помощи родственников и знакомых остается практически неизменным (см. рис. 44).

¹⁸ В анализ включены только те респонденты, которые ответили на оба вопроса о получении регулярной помощи по уходу за детьми – профессиональной и непрофессиональной.

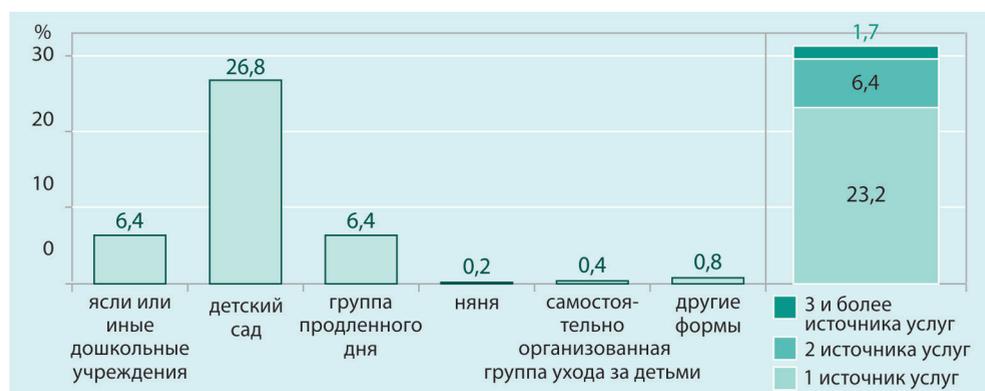
¹⁹ Коэффициент сопряженности 0,320***. Здесь и далее: * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001.

²⁰ Коэффициент сопряженности 0,162***.

Сфера институциональных услуг предполагает оказание услуг на платной основе. Неформальный же уход может оказываться как платно, так и бесплатно. По данным исследования, его оплачивают только 1,3 % семей – получателей таких услуг²¹.

В среднем ежемесячные расходы на оплату услуг по уходу за детьми составили 46 бел. руб²². Ожидается, что расходы семей, использующих профессиональные услуги, выше этого уровня, они составили 52 бел. руб²³. Расходы семей, использующих неформальные услуги, напротив, ниже – 37 бел. руб²⁴.

Структура потребления институциональных услуг по уходу и присмотру за детьми указывает на низкую диверсификацию белорусского рынка услуг. Их предложение фактически ограничено государственными учреждениями образования. Именно эти услуги чаще других используются семьями. В частности, услуги садов используют 26,8 % семей, услуги яслей и других дошкольных учреждений образования – 6,4 %, групп продленного дня – 6,4 % (рис. 45).

Рис. 45. Охват семей с детьми до 14 лет профессиональными услугами по уходу в разрезе видов и количества источников услуг (N = 2 706)

Более гибкие формы ухода за детьми, такие как услуги няни или самостоятельно организованных групп, пока не получили широкой распространенности, охват ими не достигает 1 % семей.

Охват услугами детских садов и яслей особенно высок в семьях с детьми дошкольного возраста: 22,6 и 5,3 % в семьях, где возраст младшего ребенка составляет 0–2 года; 56,2 и 13,0 % соответственно в семьях, где возраст младшего ребенка составляет 3–5 лет.

²¹ N = 691.

²² В среднем на семью с детьми до 14 лет, указавшую величину расходов (N = 1404). На данный вопрос отвечали как семьи, использующие услуги по уходу за детьми на регулярной основе, так и не использующие их.

²³ В среднем на семью с детьми до 14 лет, использующую профессиональные услуги по уходу за детьми и указавшую величину расходов (N = 621).

²⁴ В среднем на семью с детьми до 14 лет, использующую непрофессиональные услуги по уходу за детьми и указавшую величину расходов (N = 401).

Услуги групп продленного дня в большей степени распространены среди семей с детьми более старшего возраста 6–9 лет – 11,9 %.

Некоторые семьи используют одновременно несколько источников профессиональных услуг (8,1 %) (рис. 45). Это особенно актуально для семей с несколькими детьми разного возраста. Максимальное количество используемых источников профессиональных услуг по уходу, зафиксированное в ходе опроса, – 4 источника.

Факторы потребления профессиональных услуг по уходу за детьми. Гипотетически, на потребление семьями услуг может влиять целый ряд факторов. В условиях распространенности нуклеарных семей и высокого уровня занятости населения закономерно делегирование ухода за детьми в сферу профессиональных услуг. При развитом рынке услуг спрос на них могут формировать семьи с более высоким уровнем доходов, семьи, где оба родителя или единственный родитель работают полное рабочее время, семьи с ограниченными внутренними ресурсами семьи на уход, например, семьи с одним родителем или без других родственников в составе семьи.

Результаты исследования показали, что основными факторами потребления услуг являются возраст ребенка, число детей в семье, получение семьей непрофессиональных услуг и лишь в слабой степени занятость матери.

Влияние всех остальных факторов, потенциально формирующих потребление институциональных услуг, таких как местность проживания, наличие или отсутствие в домохозяйстве супруга или партнера, проживание в семье других родственников, уровень образования, уровень доходов²⁵, взгляды респондента на роль семьи и общества в обеспечении заботы о детях оказалось статистически незначимо. Рассматривая это через призму сложившейся в Беларуси системы по уходу за детьми, можно предположить, что потребление услуг обусловлено и ограничено главным образом предложением этих услуг, что может означать существование неудовлетворенного спроса семей на такие услуги.

Возраст ребенка определяет потребность в уходе и присмотре за детьми, тип используемых услуг и поэтому во многом обуславливает масштабы использования семьями институционального ухода²⁶.

Потребление семьями с детьми в возрасте 0–2 года институциональных услуг не носит массового характера. Сферой профессионального ухода охвачена только четверть из них (рис. 46). Во многом это объясняется действующей практикой предоставления отпуска по уходу за ребенком до 3-х лет с выплатой государственного пособия. В этот период уход за ребенком осуществляет один из родителей. Условия предоставления такого отпуска, а также стабильность выплаты в этот период пособия делают их привлекательными для многих семей, побуждая тем самым семьи к выбору самостоятельного ухода за ребенком при ограни-

²⁵ Уровень доходов, возможно, оказывает влияние на потребление профессиональных услуг, однако данный показатель не был включен в анализ в связи с низким уровнем ответов. В качестве альтернативной переменной использована субъективная оценка респондентом уровня материальной обеспеченности семьи.

²⁶ Коэффициент сопряженности 0,365***, N = 2 706.

чении занятости на протяжении всего 3-летнего периода. В результате практика продолжения работы в период отпуска по уходу за ребенком практически не распространена (всего в 6,9%²⁷ семей мать либо одинокий отец работает), а использование услуг по уходу за детьми находится на относительно низком уровне. Предоставление родителям продолжительного отпуска по уходу за ребенком влечет таким образом невысокие уровни занятости женщин с детьми до 3-х лет и потребления семьями институциональных услуг. Семьи с детьми в возрасте 3–5 лет, в т. н. старшем дошкольном возрасте, в большей степени включены в сферу институциональных услуг – 59,3 %.

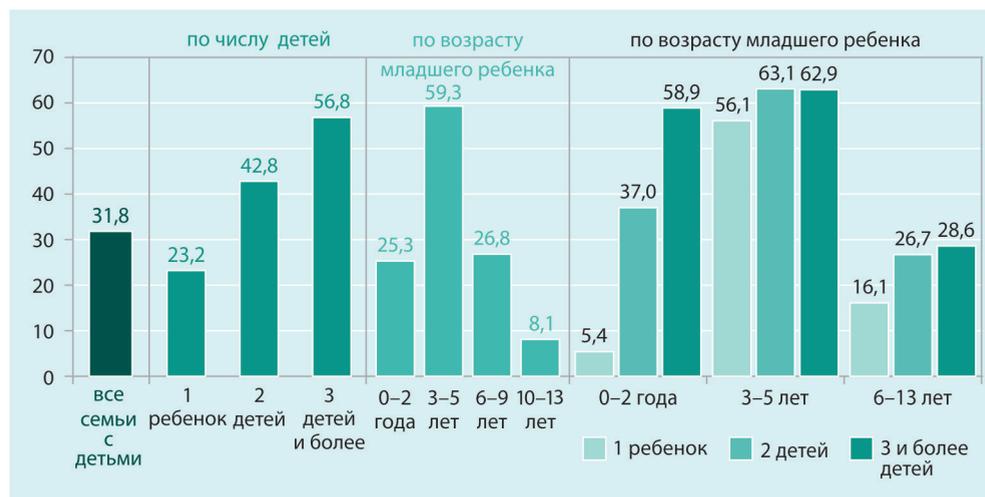

Рис. 46. Потребление семьями с детьми до 14 лет профессиональных услуг по уходу за детьми в разрезе числа детей и возраста младшего ребенка (N = 2 706)

Повышение возраста ребенка-школьника снижает потребление институциональных услуг по уходу. Среди семей с младшим ребенком 6–9 лет 26,8% используют их, среди семей с младшим ребенком 10–13 лет – 8,1%. Использование услуг дошкольных учреждений такими семьями, соответственно, снижается. Большую распространенность получают услуги групп продленного дня.

Потребление институциональных услуг дифференцировано в зависимости от числа детей, воспитываемых в семье. Так, чем больше в семье детей, тем больше они используют услуги по уходу²⁸: среди семей с 1 ребенком – 23,2%; среди семей с 2-мя детьми – 42,8%; среди семей с 3-мя и более детьми – 56,8% (рис. 46).

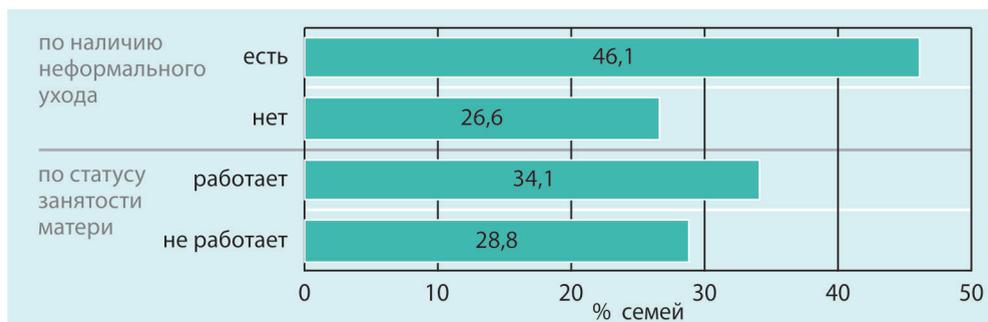
Интересно, что семьи с разным числом детей выбирают разные стратегии ухода за детьми. Это особенно заметно в отношении семей с детьми в возрасте 0–2 года (рис. 46). Среди семей, воспитывающих единственного ребенка в возрасте 0–2 года, профессиональные услуги используют 5,4% семей. И только в возрастной группе 3–5 лет, типичной для получения дошкольного образования, использование профессиональных услуг по уходу за ребенком возрастает до 56,1%.

²⁷ N = 808.

²⁸ Коэффициент сопряженности 0,235***, N = 2 706.

В 2-х- и 3-детных семьях с детьми 0–2 года использование профессиональных услуг по уходу значительно выше – 37,0 и 58,9 % соответственно. Это, как показывают данные, не связано с более высоким удельным весом работающих матерей в этих группах семей и, вероятно, отражает услуги в адрес более старших детей в семье. В возрасте 3–5 лет разница между семьями с разным числом детей уже не так заметна, хотя все еще сохраняется более низкий охват профессиональными услугами однодетных семей (см. рис. 46).

Фактором, влияющим на использование институциональных услуг, является наличие у семьи неформальной помощи от родственников, друзей или знакомых, не проживающих в домохозяйстве. Гипотетически, такие услуги могут выступать в некотором плане заменой институциональным услугам или в качестве «подушки безопасности» для семей, не имеющих возможности получить услуги профессионалов. Однако данные показывают, что потребление профессиональных и непрофессиональных услуг по уходу за ребенком в Беларуси осуществляется многими семьями совместно (рис. 47). Среди семей, получающих непрофессиональную помощь в уходе за детьми, 46,1 % охвачено институциональными услугами, в то время как среди не получающих такую поддержку семей – только 26,6 %²⁹.

Рис. 47. Потребление семьями с детьми до 14 лет профессиональных услуг по уходу за детьми в разрезе использования неформального ухода (N = 2 649) и занятости матери (N = 2 706)

Это может быть связано с тем, что использование профессиональных услуг осуществляется преимущественно в организациях и учреждениях, а более мобильные услуги няни практически не используются семьями. Регулярное посещение ребенком таких организаций сопряжено с определенными временными издержками или трудностями для родителей, связанными, например, с тем, чтобы отвести ребенка в учреждение и забрать его в установленное графиком время, согласовать это с режимом своей занятости и т. д. Таким образом, использование институциональных услуг требует от семей дополнительных ресурсов, в частности, привлечения к этому родственников или знакомых. Сферы профессиональных услуг и неформального ухода являются в данном случае комплиментарными. А это значит, что ограничения в использовании одних услуг, например, неформальной помощи, могут вести к снижению потребления других, в данном случае, профессиональных услуг по уходу за детьми.

²⁹ Коэффициент сопряженности 0,182***, N = 2 649.

Связь потребления услуг с *занятостью* матери³⁰ является весьма слабой по сравнению с другими факторами. Разница в потреблении услуг в случаях, когда мать (или одинокий отец) работает (34,1 %) и не работает (28,8 %) невысока³¹. Более тесная связь характерна для семей с 1 ребенком³². Среди них институциональными услугами пользуются 28 % семей с работающей матерью и 15 % семей, в которых мать не работает.

Проведенное исследование позволило определить уровень и особенности потребления услуг по уходу за детьми с акцентом на сферу институциональных услуг. Более половины семей с детьми не привлекают к уходу за детьми никаких внесемейных ресурсов, будь то профессиональные услуги или неформальная помощь.

Наиболее распространенные среди семей формы профессиональных услуг по уходу за детьми – это дошкольные учреждения и группы продленного дня. Распространенность среди семей услуг няни, самостоятельно организованных групп не достигает 1 %. Несколько источников профессиональных услуг используют всего 8 % семей с детьми. В условиях низкой диверсификации сферы услуг основная нагрузка по воспитанию и уходу за детьми ложится на родителей и ближайшее семейное окружение. Учитывая высокий потенциал влияния сферы услуг на уровень и качество жизни семей, на те условия, в которых семьи решаются на рождение детей, предложение услуг исключительно в рамках системы образования, как это происходит в Беларуси, представляется недостаточным для поддержки семей с позиции баланса «семья – работа».

Основными факторами потребления профессиональных услуг семьями с детьми являются: возраст ребенка, число детей в семье, наличие неформальной помощи и в слабой степени занятость матери.

Воспитание и уход за детьми до 3-х лет практически полностью смещен в семью и связан с порядком предоставления отпуска по уходу за ребенком. Наиболее высокий охват институциональными услугами характерен для семей с детьми 3–5 лет. С повышением возраста ребенка старше 6 лет охват профессиональными услугами по уходу сокращается. Увеличение числа детей в семье повышает потребление профессиональных услуг. Неформальный уход, как показывает анализ, не является альтернативой институциональным услугам, а напротив, сопровождает их получение. Связь потребления услуг с занятостью матери является весьма слабой, а разница в потреблении услуг в случаях, когда мать работает и не работает, невысока.

³⁰ В анализ занятости матери включены данные о частичной и полной занятости респондентов-женщин; супруг или партнеров респондентов-мужчин, проживающих совместно в домохозяйстве; а также респондентов-мужчин, не имеющих супруги или партнера, проживающей совместно в домохозяйстве.

³¹ Коэффициент сопряженности 0,056**, N = 2 706.

³² Коэффициент сопряженности 0,150***, N = 1 652.

Исследование показало, что в белорусских условиях поселенческий фактор, образование матери, проживание в домохозяйстве других родственников, субъективная оценка доходов семьи и даже взгляды респондентов на роль семьи и общества в обеспечении заботы о детях не определяют потребление семьями институциональных услуг по воспитанию и уходу за детьми. Фактически это может означать, что потребление семьями услуг в современных условиях не чувствительно к потребностям семей, а ограничено предложением этих услуг.

Опыт исследований в рамках программы «Поколения и гендер» показывает, что во многих странах изменения института семьи сказываются на положении детей. Так, венгерские исследователи Ливия Муринко и Жолт Спедер на основании результатов 1-й (2001 г.) и 4-й (2012 г.) волны исследования в Венгрии делают вывод, что изменения, произошедшие в стратегиях партнерства, имеют очень серьезное влияние на судьбы детей. Если доля детей, рожденных не в оформленном браке в когорте 1981–1988 гг. р., составила 3 %, то в когорте 2005–2012 гг. р. – 35 %. При этом вдвое увеличилась доля детей, испытавших на себе расставание родителей. В неоформленных союзах дети переживают расставание родителей чаще, чем в зарегистрированных браках [108]. Мартин Крейдл, Мартина Штипкова и Барбора Хубаткова в работе по результатам первой волны исследования в ряде европейских стран анализируют влияние расставания родителей на образование детей [105]. Общий вывод, к которому приходят исследователи, сводится к тому, что расставание родителей в неконфликтных семьях негативно влияет на образование детей, тогда как расставание в семьях, совместная жизнь в которых сопровождается большим количеством конфликтов, приносит облегчение их членам. Тем не менее с течением времени повышается количество разводов в неконфликтных семьях, что увеличивает риск негативных последствий для детей. С другой стороны, рост вероятности распада семьи увеличивает вероятность повторного брака или партнерства. Эва Божуан по результатам исследования во Франции в 2005 г. приходит к выводу, что повторные союзы более стабильные, чем первые [81]. Повышение доли повторных браков также не может не сказываться на положении детей в таких семьях, что заставляет учитывать в качестве фактора положения детей наличие или отсутствие у родителей новых партнеров.

Судя по опыту развитых стран, в ближайшие годы в Беларуси могут продолжиться тенденции трансформации института семьи, описываемые общей концепцией второго демографического перехода. Это позволяет предположить, что доля детей, рожденных вне брака и живущих в семьях после развода родителей, может увеличиваться. В связи с этим встает острая необходимость описания положения детей в таких семьях, выявления основных уязвимостей по сравнению с детьми в семьях с двоими родителями и оценки возможных долгосрочных последствий воспитания в таких семьях для будущего детей.

Целью настоящего анализа будет ответ на вопрос, как развод/расставание родителей влияет на положение и перспективы детей и что может улучшить положение детей в разведенных семьях. Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи – сравнить положение:

- 1) детей в семьях с одним и двоими родителями;
- 2) взрослых людей, которые выросли в семьях с двоими родителями и в семьях с одним родителем.

Положение детей в семье с одним родителем. Для оценки положения детей в семьях с одним родителем в качестве объектов исследования будут выбраны дети респондентов, живущие вместе с ними, в возрасте до 18 лет. Среди детей будут выделены для сравнения две группы: дети нынешних партнеров и дети от предыдущих партнерских отношений. Во-первых, данные группы будут сравниваться по характеристикам, касающимся самих детей: пол, возраст, образование и основное занятие, наличие ограничений здоровья, удовлетворенность родителей взаимоотношениями с ребенком, для того, чтобы выявить, может ли расставание родителей быть причиной или следствием уязвимости детей по разным параметрам. Во-вторых, для оценки положения детей важно сравнить характеристики семей: с кем из родителей (матерью или отцом) живут дети от предыдущих партнерских отношений, есть ли у родителя новый партнер, кто еще проживает вместе с ними и каков уровень материального благосостояния домохозяйства. В-третьих, группы детей будут оцениваться с точки зрения характеристик родителя-респондента: образование, занятость, личный доход, уровень удовлетворенности жизнью и субъективная оценка счастья, так как положение родителя является важным фактором эмоционального климата в семье.

В рамках опроса были собраны данные о 4 894 несовершеннолетних детях, проживающих совместно с респондентами, при этом 13,2 % из них – дети от предыдущих партнерских отношений. Сравнение характеристик детей от прошлых и нынешних партнерских отношений показывает, что значимых различий между детьми из 2-х групп нет ни по одному из параметров, кроме возраста. Среди детей 52,7 % – мальчики (52,7 % – от нынешних, 52,8 % от предыдущих партнерских отношений), 96,9 % – вовлечены в образование (97,0 % – от нынешних, 96,6 % от предыдущих партнерских отношений), у 1,5 % есть какие-либо ограничения здоровья (1,4 % – от нынешних, 2,3 % от предыдущих партнерских отношений). Если говорить о возрасте, то средний возраст детей от предыдущих партнерских отношений – 11 лет, от нынешних – 8 лет, однако это естественно с точки зрения того, что у родителей старших детей было больше времени для того, чтобы разорвать отношения. Удовлетворенность родителей отношениями с детьми так же не различается в 2-х группах. В целом родители детей удовлетворены отношениями с ними в высокой степени (среднее значение по шкале от 0 до 10 – 9,31 для детей от текущих и 9,30 – для детей от предыдущих отношений), при этом большинство (55,5 %) оценивает взаимоотношения на максимальный балл).

Если характеристики детей от предыдущих и от нынешних отношений практически не различаются, то структура семей, в которых проживают дети, различается очень значительно. В первую очередь эти различия касаются пола родителя, с которым остается ребенок. Среди респондентов, которые живут со своими детьми от текущих отношений, 49,9 % мужчин и 50,1 % женщин, тогда как среди респондентов, которые живут с детьми от предыдущих отношений, женщины составляют 90,8 %. Ситуация усугубляется тем, что большинство женщин, которые воспитывают детей от предыдущих отношений, имеют партнера только в 42,6 % случаев, а партнера, который проживает вместе с ними, – только в 36,2 % случаев.

Если говорить о сравнительных характеристиках семей в целом, то средний размер домохозяйств у людей, воспитывающих детей от предыдущих отношений, закономерно меньше и составляет 3,9 членов против 4,4. Эта разница определяется невысокой долей людей, воспитывающих детей от предыдущих отношений, которые на данный момент проживают с новым партнером. При этом отсутствие партнера не всегда компенсируется проживанием с другими родственниками. Состав семей представлен на рис. 48. С другими родственниками, помимо партнера и детей, проживают только 13,3 % людей, воспитывающих детей от текущих отношений. Но среди тех, кто воспитывает детей от предыдущих отношений и не имеет партнера, совместно с другими родственниками живут только 26,8 %. Таким образом, большая часть одиноких родителей не просто не имеют партнера, но и не имеют никакой поддержки внутри домохозяйства.

Рис. 48. Состав семьи у людей, воспитывающих детей от предыдущих и от текущих отношений

Если говорить о материальном благополучии, т. е. доходах домохозяйств, то у людей, воспитывающих детей в текущих отношениях, доход на одного члена семьи выше: 261,4 против 236,5 бел. руб. (рис. 49). В семьях, где воспитываются дети от предыдущих отношений, в случае проживания только с детьми доход на одного члена семьи составляет 216,6 бел. руб., с партнером и с детьми – 261,0 бел. руб. (сопоставимо с доходами людей, воспитывающих детей от текущих отношений), а без партнера и с другими родственниками – 239,8 бел. руб.

Рис. 49. Доход семей, в которых проживают дети от предыдущих и от текущих отношений

Таким образом, совместное проживание с другими родственниками хоть и повышает материальное благосостояние семей с детьми от предыдущих отношений, но уровень не достигает благосостояния семей, в которых детей воспитывают оба родителя.

Далее обратимся к различиям среди родителей детей от предыдущих и от текущих партнерских отношений. В связи существенными различиями в структуре родителей по полу, их социально-экономические характеристики, такие как образование, занятость и доход, будут описаны и с учетом пола. Уровень образования родителей детей от текущих и от прошлых отношений различается. Среди родителей детей от предыдущих партнеров реже встречается высшее образование (27,5 против 37,39 %). Такие же результаты можно получить, сравнивая уровень образования только матерей: у тех женщин, которые воспитывают детей от предыдущих партнеров, высшее образование есть у 28,3 % (против 41,6 %). Если же сравнивать уровень образования с учетом наличия или отсутствия партнера, то у женщин, у которых есть партнер, уровень образования даже выше среди тех, кто воспитывает детей от предыдущих отношений, чем от текущих: 44,4 против 30,0 %. Таким образом, наличие ребенка при отсутствии партнера заметно снижает шансы на получение высшего образования, но появление партнера эти шансы восстанавливает.

Статус среди тех, кто воспитывает детей от прошлых и от текущих отношений, практически не различается: 15,6 % родителей (18,3 % – с детьми от прошлых, 15,3 % – с детьми от текущих отношений) находятся в отпуске по уходу за ребенком, 69,6 % (67,4 и 69,8 % соответственно) – работают по найму. Если говорить о женщинах в отдельности, то в отпуске по уходу за ребенком среди тех, кто воспитывает детей от предыдущих отношений, только 19,4 %, тогда как среди тех, кто воспитывает ребенка от текущих отношений, – 30,3 %, однако стоит иметь в виду, что дети от текущих отношений в среднем моложе.

Если оставить в стороне социально-демографические характеристики и обратиться к вопросу удовлетворенности жизнью, картина получается следующей. Средняя оценка удовлетворенности жизнью и счастья различается между двумя группами родителей. Родители детей от предыдущих отношений удовлетворены жизнью на 7,35 балла (по шкале от 0 до 10) и счастливы на 7,63 балла, тогда как у родителей детей от текущих отношений – значения 8,03 и 8,20 баллов соответственно. Это нельзя объяснить различной структурой родителей по полу: матери детей от предыдущих отношений так же, как и родители в целом, менее довольны жизнью и счастливы, чем матери детей от текущих отношений (7,36 и 7,63 против 8,10 и 8,21 баллов соответственно). Однако наблюдается четкая связь удовлетворенности жизнью и счастья среди родителей, у которых есть или нет партнера. У родителей детей от предыдущих отношений, у которых есть проживающий с ними партнер, уровень удовлетворенности жизнью составляет 7,87, а счастья – 8,13 балла, а у не имеющих партнера – только 7,05 и 7,33 соответственно. Таким образом, наличие партнера практически полностью компенсирует снижение удовлетворенности жизнью и счастья у людей, воспитывающих детей от предыдущих отношений. В связи с вопросом взаимодействия партнерства и наличия детей от предыдущих отношений, важно оценить

удовлетворенность партнерскими отношениями у тех, кто воспитывает детей от текущих и от предыдущих отношений. У родителей детей от предыдущих отношений удовлетворенность партнерством несколько ниже (8,69 балла по шкале от 0 до 10), тогда как в случае детей от текущих отношений – 8,87 балла. Однако это различие статистически не значимо, что заставляет сделать позитивный вывод о том, что наличие детей от предыдущих отношений не портит качество текущих партнерских отношений.

На удовлетворенность жизнью и счастье родителей, воспитывающих детей от предыдущих отношений, наличие других родственников не так сказывается, как наличие партнера. Если у тех, кто живет с партнером и детьми, удовлетворенность жизнью и счастье достигают 7,89 и 8,10 баллов, у тех, кто живет с партнером и другими родственниками, – 7,82 и 8,23. При отсутствии партнера наличие других родственников совсем незначительно повышает удовлетворенность жизнью (6,93 без других родственников и 7,17 с другими родственниками) и даже несколько снижает уровень счастья (7,34 без других родственников и 7,30 с другими родственниками). Это говорит о том, что совместное проживание с другими родственниками вместо партнера в семьях, в которых воспитываются дети от предыдущих отношений, не улучшает эмоциональное состояние родителей, а материальное положение семей повышает в незначительной степени.

Положение взрослых, выросших в семьях с одним родителем. Помимо сравнения положения семей и респондентов, воспитывающих детей от предыдущих и от текущих отношений, сравним положение взрослых людей, которые в детстве (до 15 лет) проживали и не проживали с обоими родителями. Доля респондентов, которые не жили до 15 лет с обоими биологическими родителями, составляет 13,3 % (значение практически равно доле детей респондентов от предыдущих отношений). Для оценки того, как взросление в семье с одним родителем сказывается на будущей жизни респондента, во-первых, сравним социально-экономические характеристики обеих групп (образование, статус, доход). Во-вторых, обратимся к семейному положению (наличие партнера, желание заводить детей и удовлетворенность партнерскими отношениями). И в-третьих, проанализируем уровень удовлетворенности жизнью и счастья.

Однако, прежде чем сравнивать социальное положение людей, чьи родители проживали вместе или не вместе с ними в детстве, важно оценить их демографические характеристики, которые, в свою очередь, могут объяснить имеющиеся различия в остальных параметрах. Группы не различаются по полу (доля мужчин среди тех, кто рос с обоими родителями, составляет 46,5 %, у тех, кто нет – 45,5 %). Различия среднего возраста статистически значимы (45,3 и 43,7 года соответственно), однако фактически 1,5 года разницы не смогут объяснить различия в уровне образования, социальном статусе и доходе. Если говорить о социально-экономических характеристиках, различия также незначительны, хотя и наблюдается статистически значимая разница в уровне образования. Среди тех, кто жил с обоими родителями, чаще встречаются люди с высшим образованием: 32,1 против 24,7 % (разница в вероятности – 7,4 %). Этот вывод соотносится с идеями о том, что проживание в полной семье сказывается на получении образования, что, в свою очередь, объясняется большим вкладом

родителей на этапе обучения в школе и отсутствием необходимости раньше выходить на рынок труда. Однако на социальном статусе и личном доходе проживание в полной семье отражается в незначительной степени. Среди тех, кто не жил с обоими родителями до 15 лет, доход на члена семьи составляет 322,9 бел. руб. в месяц, тогда как среди тех, кто жил в семье с обоими родителями – 357,3 бел. руб. Если говорить об основном виде деятельности, те, кто не жил в семье с обоими родителями, реже работают по найму (50,5 против 57,1 %), в основном за счет того, что они на данный момент учащиеся или студенты (6,8 против 4,2 %).

В большей степени опыт взросления в семье с одним родителем сказывается на семейных отношениях в будущем. У 73,6 % тех, кто воспитывался в полной семье, на данный момент есть партнер. Среди тех, кто не воспитывался в полной семье, партнер есть только в 64,8 % случаев. Однако это обстоятельство не сказывается ни на удовлетворенности партнерскими отношениями у тех, у кого они есть (8,69 баллов у тех, кто воспитывался в семьях с двоими родителями, и 8,64 – в семьях с одним родителем по шкале от 0 до 10), ни на желании иметь детей (31,5 % точно или вероятно хотят иметь детей в ближайшие 3 года среди тех, кто воспитывался в семьях с двоими родителями, и 29,6 % – с одним).

Если говорить об эмоциональной стороне и удовлетворенности жизнью, в этом случае мы также наблюдаем некоторые различия среди тех, кто воспитывался в семьях с одним и двоими родителями. Те, кто жил в семье с двоими родителями, оценивают удовлетворенность жизнью на 7,65, а счастье – на 7,70 баллов (по шкале от 0 до 10), а те, кто не воспитывался в семье с двоими родителями, – на 7,33 и 7,47 балла соответственно. Эти различия, хоть и не очень велики, являются статистически значимыми.

Отвечая на вопрос, как расставание родителей связано с положением и перспективами детей и что может улучшить положение детей в разведенных семьях, можно отметить следующее. Если говорить о характеристиках детей от предыдущих и от текущих отношений, у них различается средний возраст (11 и 8 лет соответственно). Но других закономерностей, связанных с полом ребенка или наличием ограничений здоровья, выявить не удалось.

Детей от предыдущих отношений в подавляющем большинстве случаев воспитывают матери. У них меньше возможностей получить высшее образование, однако если у них есть партнер, шансы на высшее образование восстанавливаются. Они реже находятся в отпуске по уходу за ребенком, в том числе из-за того, что их дети в среднем старше.

Люди, воспитывающие детей от предыдущих отношений, менее удовлетворены жизнью и менее счастливы, однако это различие практически нивелируется, если у них есть партнер (проживающий совместно партнер есть только у 36,2 % родителей детей от предыдущих отношений). Еще 26,8 % людей, воспитывающих детей от предыдущих отношений, проживают совместно с какими-либо родственниками. При этом проживание с другими родственниками, помимо партнера, незначительно повышает доход на одного члена семьи и не повышает уровень удовлетворенности жизнью и оценку счастья.

Говоря о связи проживания в семье с одним родителем и будущих последствий во взрослой жизни, можно сделать следующие выводы. У людей, воспитывающихся в семьях с одним родителем, на 7,4 % ниже шансы получить высшее образование. В преломлении личного дохода эти различия не так заметны, но также имеются: у тех, кто воспитывался в семье с одним родителем, доход на члена семьи составлял 322,9 бел. руб. в месяц, тогда как среди тех, кто жил в семье с двоими родителями – 357,3 бел. руб. Среди тех, кто воспитывался в семье с одним родителем, вероятность иметь партнера на 8,8 % меньше. Это сказывается на ряде таких важных аспектов, как удовлетворенность жизнью и оценка собственного счастья, однако не отражается на желании иметь детей.

Таким образом, воспитание в семье с одним родителем в краткосрочной перспективе сказывается на том, что у родителей этих детей меньше шансов получить высшее образование, ниже семейные доходы (за счет того, что детей от предыдущих отношений преимущественно воспитывают женщины), ниже уровень удовлетворенностью жизнью и оценка собственного счастья. И шансы получить высшее образование, и оценки качества жизни родителей восстанавливаются, если у человека есть партнер (и наличие детей от предыдущих отношений не снижают удовлетворенности от отношений с партнером). Но проживание совместно не с партнером, а с другими родственниками улучшает благосостояние семьи незначительно, а также не сказывается на повышении удовлетворенности жизнью и оценке собственного счастья. В долгосрочной перспективе воспитание в семье с одним родителем негативно влияет на карьерные перспективы ребенка (ниже шансы получить высшее образование и более высокий доход), а также на семейную жизнь (вероятность иметь партнера) и, в некоторой степени, на удовлетворенность жизнью и ощущение себя счастливым. Однако важный вывод, который можно сделать, – это то, что современные тенденции, связанные с неустойчивостью семей, в которых воспитываются дети, не сказываются прямо на их будущем желании иметь собственных детей.

Семья, имеющая в своем составе ребенка с инвалидностью, – это семья с особым статусом, образ жизни которой определяется не только личностными особенностями всех ее членов и характером взаимоотношений между ними, но и решением проблем, связанных с инвалидностью ребенка. С появлением в семье ребенка с инвалидностью часто меняется жизнь всей семьи: повышается коэффициент семейной нагрузки, дестабилизируются внутрисемейные отношения, возникает дефицит общения и закрытость семьи для внешнего мира. Во многих семьях с детьми-инвалидами велика вероятность отсутствия или сокращения занятости трудоспособных членов семьи и, как следствие, ухудшения материального положения и увеличения риска социальной уязвимости как семьи в целом, так и отдельных ее членов. В данной ситуации у большинства родителей возникают психологические проблемы, чувство собственной неполноценности из-за невозможности реализовать полностью свой потенциал.

В настоящее время в Республике Беларусь численность детей с инвалидностью составляет 31 005 человек, из которых 688 детей проживают в домах-интернатах для детей-инвалидов [53]. Это означает, что в основном обеспечение повседневного ухода за детьми с инвалидностью, а также их рост и развитие, обучение, воспитание и социализация проходят в семьях. Это требует от членов семьи значительных материальных, временных и психологических затрат на содержание, лечение, уход, обучение и воспитание ребенка.

В Беларуси сформирована и постоянно совершенствуется нормативная правовая база по комплексной заботе о детях с инвалидностью, а также по поддержке семей, в составе которых имеются такие дети. Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка» призван способствовать детям с инвалидностью, детям с особенностями психофизического развития и их родителям (опекунам, попечителям) вести полноценную жизнь в условиях, обеспечивающих их достоинство и активное включение в жизнь общества [42].

Для дальнейшего совершенствования мер поддержки семей, в составе которых имеются дети с инвалидностью, а также расширения возможностей максимально полного включения детей с инвалидностью в жизнь общества необходимо регулярно проводить исследования положения данных семей и проблем, которые у них возникают.

В исследовании «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» для выявления детей с инвалидностью и семей, в которых они проживают, был использован вопрос о наличии у ребенка инвалидности или психофизических нарушений, не позволяющих ему осуществлять обычные повседневные действия. Поскольку в формулировке вопроса было отмечено «психофизические нарушения, не позволяющие выполнять повседневные дела», выявленный по данному вопросу ребенок принимался за ребенка с инвалидностью.

Всего в результате опроса было выявлено 74 домохозяйства, в которых проживает 82 ребенка с инвалидностью или психофизическими нарушениями, не позволяющими ребенку выполнять обычные повседневные действия. При этом в шести семьях проживает по 2 ребенка-инвалида, и в одной семье воспитывают 3 ребенка с инвалидностью. Удельный вес мальчиков составил 59 %, девочек – 41 %.

Результаты исследования в отношении семей, воспитывающих детей с инвалидностью, показали, что в основном это семьи с 2-мя детьми – 40,6 %. Удельный вес семей с одним ребенком составил 37,8 % от общего числа семей с детьми-инвалидами, с 3-мя и более детьми – 21,6 %.

Среди обследованных семей велика доля семей с одним родителем, их удельный вес составил 22,5 %. Также присутствует одна опекунская семья, в которой проживает 2 усыновленных ребенка-инвалида.

Число членов опрошенных семей в большинстве случаев составляет 3–4 человека. В состав 17,6 % опрошенных семей входят бабушка (дедушка) ребенка с инвалидностью.

Результаты исследования в отношении семей, воспитывающих детей с инвалидностью показали, что на вопрос «Насколько легко их домохозяйство может сводить концы с концами, учитывая его общий ежемесячный доход?», 76,1 % респондентов указали на наличие трудностей и лишь 23,9 % ответили, что не испытывают затруднений. При этом 32,8 % респондентов ответили «с большим трудом» или «с трудом», что можно оценить как плохое материальное положение семьи. Более 40 % респондентов указали на то, что их домохозяйство с учетом общего ежемесячного дохода сводит концы с концами «с некоторыми затруднениями». Это означает, что практически половина семей имеет средний уровень материальной обеспеченности (рис. 50).

Рис. 50. Ответы респондентов семей с детьми-инвалидами на вопрос о том, насколько легко их домохозяйство может сводить концы с концами, учитывая его общий ежемесячный доход, %

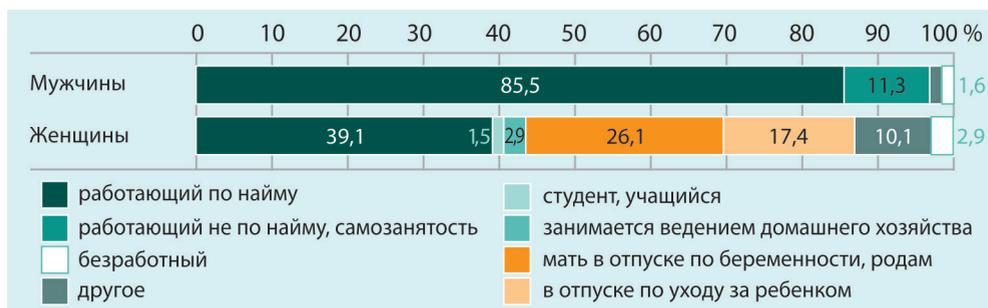
Следует отметить, что семьи с детьми-инвалидами стараются жить по средствам. Достаточно высок удельный вес семей, которые не могут позволить себе ежегодную недельную поездку на отдых, – 86,2 % опрошенных семей с детьми-инвалидами. Доля тех, кто не может в случае необходимости провести замену старой мебели, составила 56,7 % от всех опрошенных семей с детьми-инвалидами. Вызывает озабоченность, что 5,9 % респондентов ответили, что их семья не может себе позволить достаточный уровень отопления в доме, а 11,8 % не могут позволить себе есть мясо, курицу или рыбу через день.

Наибольшее количество семей (около 20 %) имеют приблизительный чистый ежемесячный доход от всех членов семьи в диапазоне от 800 до 999 бел. руб.

Вызывает озабоченность наличие семей, у которых имеются просрочки платежей, которые случались с ними из-за невозможности оплатить в срок. Так у 8,8 % семей возникают задолженности за аренду жилья; 7,2 % семей несвоевременно оплачивают счета за электричество, воду, газ; 5,8 % имеют задолженности по взносам за покупки или другие выплаты кредита; 1,5 % семей имеют задолженности по выплатам за жилищные кредиты.

Анализ положения семей, воспитывающих детей с инвалидностью, показал, что жилищные проблемы остаются для многих из них актуальными. Средняя оценка удовлетворенности родителями своим жильем составила 6,8; что является невысоким показателем по шкале от 0 до 10. При этом в основном семьи проживают в собственном жилье с 2–3 комнатами (не считая кухню, ванных, туалетов и т. д.).

Вероятность попадания семей, воспитывающих детей с инвалидностью, в категорию малообеспеченных связана с ограничением трудовой активности членов семьи ребенка. Как правило, один из родителей или единственный родитель в семье вынужден ограничивать свою трудовую деятельность. Основная причина этого в том, что ребенку с инвалидностью, как правило, необходим постоянный уход. Так, согласно данным исследования, почти 60 % матерей и 14,5 % отцов детей-инвалидов приходится полностью или частично ограничивать свой трудовой потенциал, т. е. работать не по найму на постоянной основе. Для отцов заболевание ребенка и необходимость ухода за ним практически не влияет на их занятость, 85,5 % опрошенных отцов работают по найму. В свою очередь, матерей работающих по найму – 39,1 % (рис. 51).

Рис. 51. Трудовая деятельность и занятость родителей в семьях, воспитывающих детей с инвалидностью³³, %

Результаты исследования показали, что в основном как уход за детьми, так и выполнение домашних обязанностей в семьях с детьми-инвалидами осуществляют женщины. Мужчины, как было показано выше, в основном отдают приоритет работе.

По мнению женщин, наиболее распространенные обязанности по уходу за детьми, которые в основном приходится выполнять им: обязанность оставаться с детьми, когда они болеют (76,7 %), одевание детей (63,3 %). Наиболее выполняемые обязанности по домохозяйству: ежедневное приготовление еды (77,8 %), стирка (85,7 %) и уборка пылесосом (58,4 %) (рис. 52).

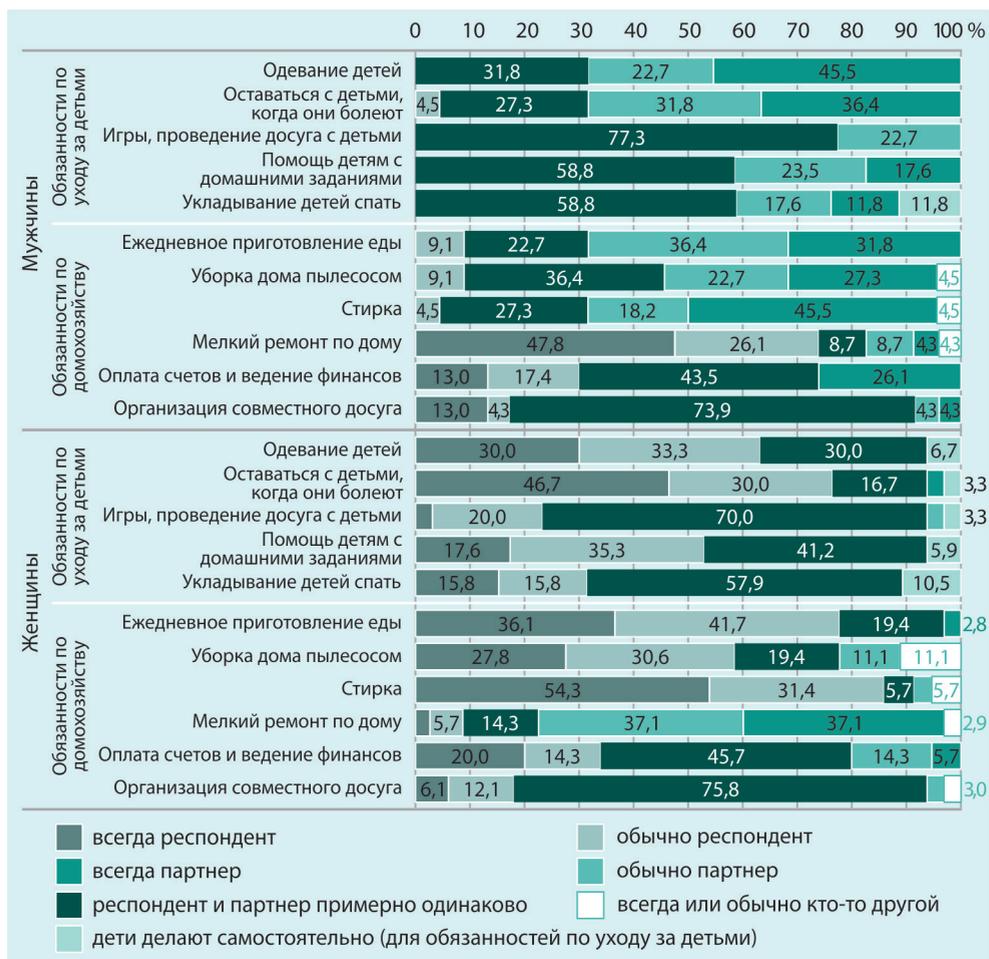

Рис. 52. Распределение обязанностей по уходу за детьми и домашними делами между партнерами (супругами), %

³³ Здесь и далее по разделу при анализе учитывались наблюдения, в которых респондент является родителем (биологическим/сводным) ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет как от нынешних, так и прошлых отношений, при этом ребенок постоянно (более 3 мес.) проживает в домохозяйстве. Объем данной подвыборки составил 69 домохозяйств с 76 детьми-инвалидами. Мнения респондентов, являющихся бабушкой/дедушкой, братом/сестрой ребенка-инвалида, не учитывались.

Для мужчин практически не характерно выполнение обязанностей по уходу за детьми. Видами обязанностей по домохозяйству, в которых, по мнению мужчин, они участвуют больше чем женщины, являются: мелкий ремонт по дому (73,9 %), оплата счетов и ведение финансов (30,4 %).

Следует отметить, что, несмотря на значительно большую вовлеченность женщин в обеспечение ухода за детьми и дела по дому, они не выражают неудовлетворенности в распределении обязанностей. В целом респонденты в большей мере удовлетворены тем, как распределены обязанности по уходу за детьми. Так, средний балл удовлетворенности распределений обязанностей по уходу за детьми между партнерами (супругами) составил 8,58, а средний балл удовлетворенности распределением работы по дому – 8,26. При этом обе оценки значительно превышают среднее значение (5 баллов).

Участие в уходе за ребенком, помимо партнеров (супругов) и других членов домохозяйства, также принимают другие родственники или люди: бабушки и/или дедушки ребенка, другие родственники респондента или его партнера, друзья, знакомые и другие. На регулярную поддержку по уходу за детьми со стороны родственников и/или других людей, не проживающих в домохозяйстве, указали 35,6 % семей. Никто из семей не указал на оплату данной помощи.

Также практически половина семей (49,2 %) получает регулярную помощь по уходу за ребенком в рамках институционального механизма или платных услуг. Определение видов помощи и доли, которая приходится на специализированные учреждения здравоохранения и учреждения социального обслуживания (центры коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, отделения дневного пребывания для инвалидов территориальных центров социального обслуживания и т. д.), не представляется возможным.

Как показывает исследование, в большинстве семей, воспитывающих ребенка с инвалидностью, бывают конфликты. При этом 8 % респондентов отметили, что за последние 12 месяцев они задумывались о разрыве отношений с партнером или супругом(ой). Среди причин, по которым возникают разногласия, первое место занимают вопросы, связанные с выполнением работ по дому. По поводу данных вопросов разногласия случаются у 68,7 % семей (рис. 53).

Для семей, воспитывающих детей с инвалидностью, выполнение работ по дому во многом подразумевает уход за ребенком. Поэтому широкая распространенность данной причины разногласий в первую очередь видится в том, что партнерам приходится разрешать ситуацию об ограничении кем-то из членов семьи своей трудовой деятельности или занятости в пользу выполнения обязанностей, связанных с инвалидностью ребенка. Это приводит к возникновению психологической напряженности в семье.

Также среди значимых причин конфликтов, отмеченных респондентами, можно выделить материальные трудности и вопросы, связанные с деньгами, – случаются у 60,9 % семей, а также вопросы воспитания детей – у 59,4 % семей (см. рис. 53). Вопросы о проведении досуга, отношениях с друзьями, рождении ребенка, как правило, не обсуждаются в семьях ежедневно или довольно часто. Поэтому разногласия по данным причинам возникают значительно реже.

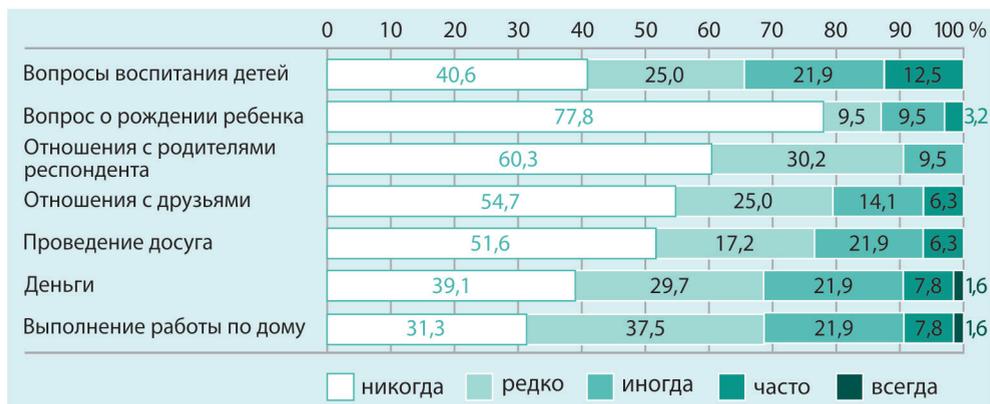

Рис. 53. Структура причин разногласий в семьях, воспитывающих детей с инвалидностью, %

В среднем, по субъективным оценкам респондентов, характер их взаимоотношений с ребенком-инвалидом находится на высоком уровне и составляет 9,07 балла по шкале от 0 до 10, где 0 означает «совершенно не удовлетворительные», а 10 – «полностью удовлетворительные» (табл. 15).

Таблица 15. Удовлетворенность отношениями с ребенком-инвалидом, партнером или супругом(ой), а также собственной жизнью в зависимости от пола респондента, средние значения в баллах

Показатель удовлетворенности	Средний балл удовлетворенности		
	общий	женщин	мужчин
– отношениями с ребенком-инвалидом	9,07	9,15	9,0
– отношениями с партнером/супругом(ой)	8,32	8,0	8,63
– своей жизнью в настоящее время	7,51	7,19	7,83

Наименьшая степень удовлетворенности у респондентов наблюдается в отношении их собственной жизни. Однако даже данный общий средний балл имеет довольно высокое значение (7,51) и значительно превышает медиану (т. е. 5 баллов).

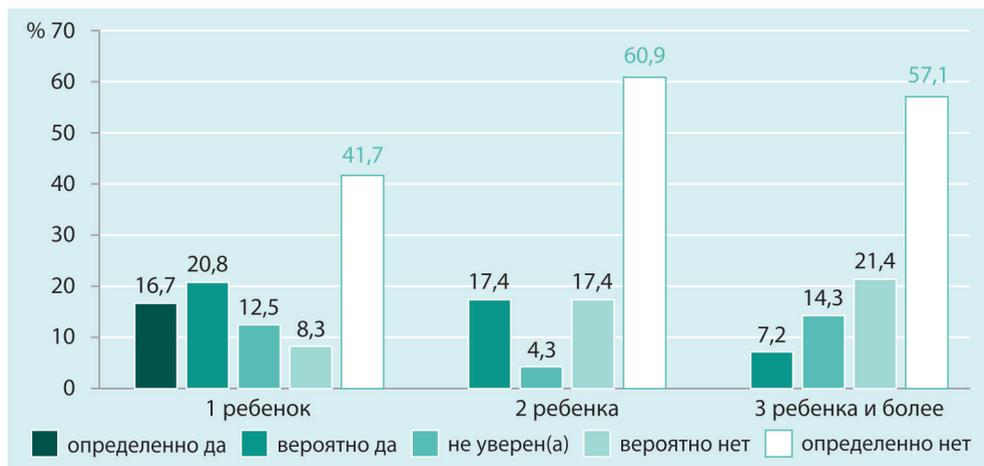
Субъективные оценки удовлетворенности респондентов указывают на то, что в целом родители ребенка-инвалида находятся с ним в хороших отношениях и не склонны проявлять негативное отношение к ребенку, даже несмотря на некоторую собственную неудовлетворенность жизненным положением.

Эмоционально-психологическое состояние женщин в семьях с детьми-инвалидами в большей мере, чем состояние мужчин, подвержено чувствам депрессии. Так, 38,6 % женщин за неделю до опроса иногда либо часто находились в подавленном настроении. В то время как у мужчин данные чувства возникали у 26 % респондентов.

Важным аспектом изучения положения семей, воспитывающих детей с инвалидностью, является рассмотрение их репродуктивных установок и намерений, а также их реализация.

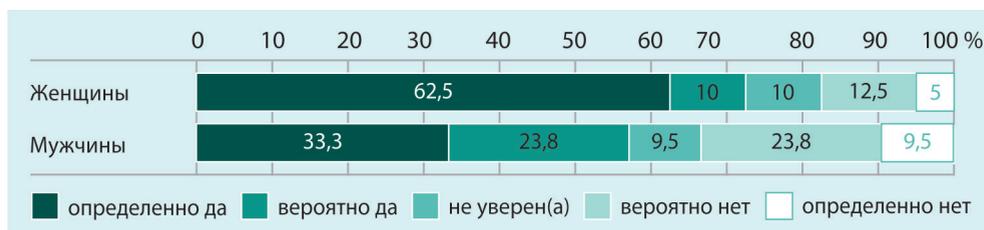
Как показало исследование, только семьи с одним ребенком выразили определенную уверенность в намерении родить еще одного ребенка в течение ближайших 3-х лет (16,7 %). При этом 50 % семей намерены не заводить еще одного ребенка в ближайшие 3 года. Соответственно 37,5 % семей с одним ребенком имеют обратные намерения.

Обращает на себя внимание тот факт, что вне зависимости от того, 2 или 3 и более детей в семье, одинаковое число родителей (78 %) не планирует заводить еще одного биологического ребенка в ближайшие 3 года. При этом доля семей с тремя и более детьми определенно не планирующих детей незначительно меньше, чем доля соответствующих семей с 2-мя детьми, – 57,1 и 60,9 % соответственно (рис. 54).

Рис. 54. Намерение завести еще одного биологического ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от количества детей, проживающих в семье, %

Репродуктивные намерения женщин о рождении еще одного ребенка в течение ближайших 3-х лет менее оптимистичны, чем у мужчин. Так, число женщин, считающих, что заводить еще одного ребенка определенно не стоит, практически в 2 раза больше числа мужчин, думающих также, – 62,5 и 33,3 % соответственно. Также распространенность у женщин установок о намерении завести ребенка в течение ближайших 3-х лет в 2 раза меньше, чем у мужчин, – 17,5 и 33,3 % соответственно (рис. 55).

Рис. 55. Намерение завести еще одного биологического ребенка в течение ближайших 3-х лет в зависимости от пола родителя ребенка с инвалидностью, %

Для более полного анализа репродуктивных установок и намерений необходима оценка фактической готовности к их реализации. В связи с этим следует отметить, что 3 % опрошенных семей с детьми-инвалидами в настоящее время ждут ребенка, а 7 % семей пытается зачать ребенка. Также следует отметить, что среди семей, которые планируют завести своего ребенка в течение ближайших 3-х лет, 30 % пар не используют контрацепцию.

В целом в семьях, воспитывающих ребенка с инвалидностью, наблюдаются довольно низкие репродуктивные установки, намерения по рождению ребенка в ближайшие 3 года. В первую очередь это объясняется тем фактом, что в семье уже есть ребенок с инвалидностью. С появлением ребенка-инвалида у большинства родителей возрастает обремененность домашними обязанностями, ограничивается трудовая деятельность, ухудшается материальное положение, повышается психологическая нагрузка, дестабилизируются внутрисемейные отношения. Все эти факторы негативно сказываются на формировании репродуктивных установок семьи и планировании рождаемости.

Результаты социологического исследования в отношении семей, воспитывающих детей с инвалидностью, позволяют представить социально-демографический портрет такой семьи. Как правило, семья с ребенком-инвалидом – это полная семья с 2-мя детьми, один из которых является ребенком-инвалидом. Отец является единственным работающим членом семьи, мать не работает, осуществляя уход за ребенком с инвалидностью, и выполняет большинство домашних обязанностей. Семья проживает в собственной квартире с 2–3 комнатами. Уровень материальной обеспеченности семьи, по собственной оценке, является средним и не позволяет ежегодную недельную поездку на отдых. В результате в такой семье денег хватает только на необходимые продукты питания, одежду и другие первоочередные нужды. В большинстве семей случаются конфликты. В основном семьи с детьми-инвалидами не собираются заводить еще одного ребенка в течение ближайших 3-х лет.

Анализ положения семей, воспитывающих детей с инвалидностью, позволил выделить ряд проблем, наиболее актуальных для них: низкий уровень материальной обеспеченности; вынужденное ограничение трудовой активности родителей детей с инвалидностью; обусловленность уровня, качества и стиля жизни семей потребностями больного ребенка; эмоционально-психологическая напряженность в семьях и потребность в психологической поддержке.

Раздел V. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

ГЛАВА 12. Система взаимоотношений и поддержки: обмен частными трансфертами

Н. Ефимова, А. Лапето

Социальная сеть поддержки и обмена частными трансфертами между родственниками, друзьями, соседями, коллегами и т. д. представляет собой совокупность неформальных каналов, по которым перемещаются и перераспределяются ресурсы, что в конечном счете позволяет людям адаптироваться в сложных ситуациях, выстраивать и реализовывать долгосрочные стратегии жизнедеятельности. Обмен частными трансфертами существует и функционирует наряду с государственной поддержкой различных категорий граждан и может рассматриваться как дополнение такой поддержки или ее альтернатива.

Для изучения отношений, возникающих на базе взаимной помощи и поддержки, обмена частными трансфертами, в исследовательской практике используется сетевой анализ. Его преимущество в том, что он позволяет системно представить акторов, участвующих в обмене, а также связи (взаимоотношения) между ними. Ученые выделяют 3 основных типа потоков в социальных сетях поддержки: информационный, символический и материальный [92, 124]. В данном исследовании внимание сконцентрировано только на одном из них, а именно на материальном обмене. Он представлен четырьмя видами трансфертов:

- помощь в обеспечении ухода за детьми;
- практическая помощь (в выполнении работы по дому, приготовлении пищи, уборке, стирке, мелком ремонте и т. п.);
- помощь по уходу за собой (например, в выполнении гигиенических процедур);
- финансовая помощь.

По отношению к каждому из 4-х видов материальной поддержки акторы социальных сетей выполняют различные роли. В зависимости от характера участия в обменных процессах можно выделить:

- доноров (тех, кто предоставляет трансферты);
- реципиентов или потребителей (тех, кто получает трансферты);
- обменивающихся (как получающих, так и предоставляющих трансферты);
- независимых (не получающих и не предоставляющих трансферты) [16].

Принципиальное требование состоит в том, что доноры и реципиенты, участвующие в передаче трансфертов и их обмене, не должны проживать в одном домохозяйстве и оказывать поддержку на непрофессиональной основе. Это требование строго соблюдалось при проведении опроса.

Данные исследования, показывающие степень участия взрослого населения Республики Беларусь в обмене трансфертами, представлены в табл. П2.1.

Обеспечение ухода за детьми. В данном случае объектом исследования являются семьи (домохозяйства), имеющие детей до 14 лет (по данным опроса они составили 2 844 домохозяйства или 28,5 % от выборочной совокупности), а также семьи (домохозяйства), оказывающие им помощь.

Опрос показал, что 22,4 % семей с детьми на постоянной основе получают помощь по уходу за детьми от тех, кто не проживает совместно с ними и для кого эта помощь не является профессиональной деятельностью; 2,7 % – как получают такого рода помощь, так и сами ее оказывают (т. е. по нашему определению, осуществляют обмен ресурсами); 74,9 % являются «независимыми» по данному ресурсу, то есть, имея детей, не получают помощь в неформальных социальных сетях по обеспечению ухода за ними.

Объем получаемой помощи зависит от возраста детей: он снижается по мере их взросления. Данные опроса таковы: 46 % семей, имеющих детей в возрасте от 0 до 2 лет, и 62 % семей, имеющих детей от 3 до 6 лет, получают регулярную помощь по уходу за ними со стороны своих близких; и только 24 % семей с детьми 7–13 лет также получают такую помощь. Таким образом, респонденты, имеющие детей дошкольного возраста, значительно чаще пользуются непрофессиональными услугами по уходу за ними, чем респонденты, имеющие детей от 7 до 13 лет.

Возраст реципиентов помощи по уходу за детьми – от 20 до 49 лет, причем около половины из них (50,4 %) в возрасте 30–39 лет, 36,8 % – в возрасте 20–29 лет и 11,9 % – в возрасте 40–49 лет. 42,2 % имеют высшее образование. Как правило, реципиенты помощи по уходу за детьми – это работающие женщины и мужчины или женщины, находящиеся в декретном отпуске. Аналогичными параметрами описывается и небольшая группа акторов сети, которая осуществляет «обмен ресурсами», т. е. как получает, так и оказывает другим помощь по уходу за детьми. Что же касается «независимых» по данному ресурсу, то среди них больше удельный вес респондентов старших возрастных групп.

49,2 % реципиентов непрофессиональной помощи по уходу за детьми и 51,5 % участвующих в обмене ресурсами проживают в Минске и областных центрах республики, в сельской местности таких 17,4 и 20,5 % от общего количества соответствующих групп.

Средний доход тех, кто предоставляет помощь по уходу за детьми (доноров), в целом ниже среднего дохода домохозяйств, которые ее получают, а также «независимых» по данному ресурсу, т. е. тех домохозяйств с детьми, которые не получают помощь извне за их уходом.

От кого же домохозяйства, имеющие детей до 14 лет, в социальной сети поддержки получают помощь по уходу за ними? Иными словами, кто является донором по данному ресурсу? (табл. П2.3).

Как правило, ухаживать за детьми семьям помогают биологические родители, а также супруги или партнеры, с которыми один из родителей живет в настоящее время (73,2 %). Больше в помощь по уходу за детьми вовлечены женщины: они составляют 67 % доноров, тогда как мужчины – 33 %. Эта ситуация одинаково справедлива как для больших, так и для малых городов, а также для сельских населенных пунктов. Возраст 70 % доноров – от 40 до 69 лет. При этом есть объяснимая взаимосвязь возраста детей с возрастом доноров (фактически помогающих ухаживать за ними их бабушек и дедушек): семьи с детьми от 0 до 2 лет в основном пользуются услугами 40-летних родителей, а среди доноров семей, имеющих детей от 6 до 13 лет, больше удельный вес 60-летних.

Кроме родителей, вклад в помощь по уходу за детьми вносят партнеры или супруги, которые проживают отдельно (в целом их отметили 7,2 % респондентов), братья и сестры (отметили 6 % респондентов), а также те, кто не являются родственниками членов семей, имеющих детей, т. е. их друзья, соседи, знакомые (отметили 3,2 % респондентов).

Белорусские семьи, имеющие малолетних детей, активно пользуются услугами детского сада, яслей, групп продленного дня и очень редко прибегают к услугам няни (таких семей не более 1 %). Особой популярностью пользуется детский сад: более чем в 80 % семей дети посещают детсад, причем независимо от того, имеют эти семьи регулярную помощь от своих близких или не имеют. Когда дети достигают школьного возраста, детский сад заменяет группа продленного дня: 61,1 % семей, имеющих детей в возрасте 7–13 лет, пользуются данной услугой.

Другие варианты, в частности самостоятельно организованные группы ухода за детьми, не имеют широкого распространения в Беларуси: ее отметили только 1 % респондентов, имеющих детей. Но именно такие группы являются одной из форм «обмена» ресурсами, когда люди и получают, и отдают. В данном случае, это такой ресурс как помощь по уходу за детьми.

Практическая помощь. Под практической помощью мы имеем в виду помощь в выполнении множества различных обязанностей по дому: от уборки квартиры до мелкого ремонта и оплаты счетов. По данным проведенного исследования, 5,8 % респондентов от участвовавших в опросе регулярно предоставляют такую помощь на непрофессиональной основе людям, не являющимся членами их домохозяйства (т. е. они доноры по данному ресурсу); 1,1 % предоставляют и получают практическую помощь (т. е. участвуют в обмене); 5,6 % только получают практическую помощь (т. е. являются реципиентами). На основании этих данных можно констатировать, что лишь незначительная часть населения Республики Беларусь вовлечена в социальную сеть по передаче данного ресурса и обмену им.

Более половины реципиентов практической помощи (55,2 %) – люди в возрасте 50 лет и старше, преимущественно женщины (64,5 %). Этого нельзя сказать о тех, кто участвует в обмене, получая практическую помощь и в свою очередь оказывая ее другим людям: среди них наиболее высок удельный вес молодых и зрелых людей в возрасте от 20 до 39 лет (44,2 %).

На селе, где традиционно слабо развита сфера услуг, реципиенты практической помощи имеют наиболее существенный удельный вес: они составляют около трети (27,7 %) всех получающих помощь по данному виду ресурсов (табл. П2.4).

В качестве доноров практической помощи по дому выступают как мужчины, так и женщины молодого и среднего возраста. С получателями помощи, реципиентами, их связывают, прежде всего, родственные отношения. Помогают биологические дети от настоящего или прошлого брака (указали 43,9 % респондентов-получателей практической помощи), родители (16,7 %), партнеры или супруги (11,1 %), внуки или правнуки (7,5 %), братья и сестры (7,9 %). 7,9 % реципиентов практической помощи отметили, что получают ее не от родственников (табл. П2.5).

Среди тех, кто получает помощь от людей, не проживающих с ними в одном домохозяйстве, 1,5 % получают также помощь от государства.

В среднем за практическую помощь ее получатели (реципиенты) платят около 10 бел. руб. в месяц (сумму указали 5 % получающих помощь).

Помощь по уходу за собой. По самооценкам участников опроса, в помощи по уходу за собой (помощи в осуществлении личной гигиены) нуждаются 79 респондентов, 46 респондентов реально получают ее от людей, которые не проживают с ними в одном домохозяйстве и для которых эта помощь не является профессиональной обязанностью, еще двое как получают, так и предоставляют такого рода помощь, т. е., по нашему определению, участвуют в обмене. Выявленное в результате опроса количество респондентов, нуждающихся в помощи по уходу за собой и получающих эту помощь, вряд ли может быть репрезентативным по отношению к соответствующей категории граждан Республики Беларусь, однако результаты опроса дают некоторое представление о характеристиках доноров и реципиентов по данному виду ресурсов (табл. П2.6).

Как следует из приведенных в табл. П2.6 данных, реципиенты помощи по уходу за собой – это, как правило, пожилые люди, 53,5 % которых в возрасте 70 лет и более. Среди них больше мужчин (54,2 %), чем женщин (45,8 %); 2/3 имеют образование не выше среднего и порядка 40 % реципиентов имеют ежемесячный доход в размере 250–399 бел. руб. Получающих помощь по уходу за собой больше в городах, чем в сельской местности.

Данные о том, какие отношения связывают доноров и реципиентов, кому именно оказывают регулярную помощь по уходу за собой те 412 респондентов, которые заявили об этом в ходе опроса, представлены в табл. П2.6.

Цифры свидетельствуют, что донорами помощи по уходу за собой, как правило, являются близкие родственники: супруг или партнер (указали 15,0 % респондентов), дети, биологические и приемные (указали 42,7 %), родители (указали 19,7 %).

Кроме того, 10 % респондентов, нуждающихся в регулярной помощи по уходу за собой, получают ее от государства, а 3 % – со стороны общественных организаций. При этом 44 % получателей помощи оплачивали ее. Оплачивается как помощь, получаемая не от родственников, так и (в ряде случаев) помощь, оказываемая по родственным каналам.

Финансовая помощь. По данным проведенного исследования, финансовую помощь в виде денег или товаров в течение последнего года (12 месяцев) оказывали 10,0 % респондентов; получали ее 6,3 % респондентов; 0,8 % респондентов как оказывали, так и получали помощь, т. е. участвовали в обмене.

Характерно, что в передачу финансовых трансфертов и обмен ими больше вовлечены мужчины, тогда как в 3-х других рассмотренных ранее видах поддержки и помощи, активнее участвуют женщины. В качестве реципиентов, получающих финансовую помощь, чаще всего выступают молодые люди и люди среднего возраста от 20 до 39 лет. Это преимущественно биологические и приемные дети доноров (указали 48,1 %). Значительно реже реципиентами финансовой помощи являются супруги или партнеры (указали 9,8 %), а также родители, биологические и сводные (указали 10,8 %), братья и сестры (указали 7,3 %). Финансовыми трансфертами активно обмениваются не только родственники – дети и родители, супруги, братья и сестры – но и люди, не связанные родственными узами. На это указали 9,0 % реципиентов и 7,3 % доноров финансовой помощи.

Такой вид помощи, как финансовые трансферты, распространен преимущественно в больших городах. Как свидетельствуют данные опроса, в крупном городе, где свыше 1 млн жителей, и доноров, и реципиентов финансовой помощи вдвое больше, чем в сельской местности или в малом городе.

Социальную сеть поддержки – передачи и обмена частными трансфертами – в Республике Беларусь формируют люди, связанные многообразными родственными связями. Прежде всего, это межпоколенные связи родителей и детей, включая дедушек, бабушек и их внуков. К ним присоединяются связи супругов, братьев и сестер, других родственников.

Наиболее развита неформальная сеть поддержки по уходу за детьми. Можно с уверенностью констатировать, что каждая пятая семья, имеющая детей до 14 лет, пользуется регулярной помощью родителей, а также других родственников. Но еще более широко используются услуги государственных институтов по уходу за детьми, прежде всего, услуги детских садов и групп продленного дня. Причем институциональными услугами семьи пользуются независимо от того, включены они в неформальную сеть поддержки или нет. В этом случае сеть поддержки не заменяет, а, скорее, дополняет государственные институты.

Менее развиты неформальные сети регулярной практической помощи по дому и регулярной помощи по уходу за собой (для тех граждан, которые лишены возможности ухаживать за собой самостоятельно). В этих 2-х случаях основную роль играют родственные связи. Но если в сетях по уходу за детьми основную нагрузку берут на себя родители, то в сетях практической помощи и помощи по уходу дети чаще оказывают поддержку родителям, а также представителям старшего поколения (дедушкам и бабушкам). Вклад государственных и негосударственных институтов в обоих случаях незначителен.

Социальная сеть, в которой получают и обмениваются финансовыми трансфертами, включает в основном детей и их родителей. Основной поток трансфертов – от родителей к детям, а также от взрослых детей к престарелым родителям.

В каждой из социальных сетей поддержки, кроме родственников, участвуют также акторы, не связанные родственными отношениями. Формируются группы взаимной поддержки, в которых люди как получают, так и предоставляют помощь другим. Хотя такие группы немногочисленны, их можно рассматривать как проявление самоорганизации, характерной для гражданского общества (например, самостоятельно организованные группы по уходу за детьми).

С развитием технологий и с открытием границ в нашей стране наблюдаются серьезные изменения в культурных традициях и взаимодействии поколений. Общество переходит от постфигуративной к кофигуративной культуре с элементами культуры префигуративной. Для нее характерна нуклеарная семья, состоящая только из родителей и детей, – в отличие от больших патриархальных семей, свойственных постфигуративной культуре. Префигуративная культура наступает со стремительным развитием технологий, когда старшие поколения не успевают их осваивать. В этих обстоятельствах не только дети учатся у родителей, но и родителям приходится учиться у своих детей [35, с. 222–248].

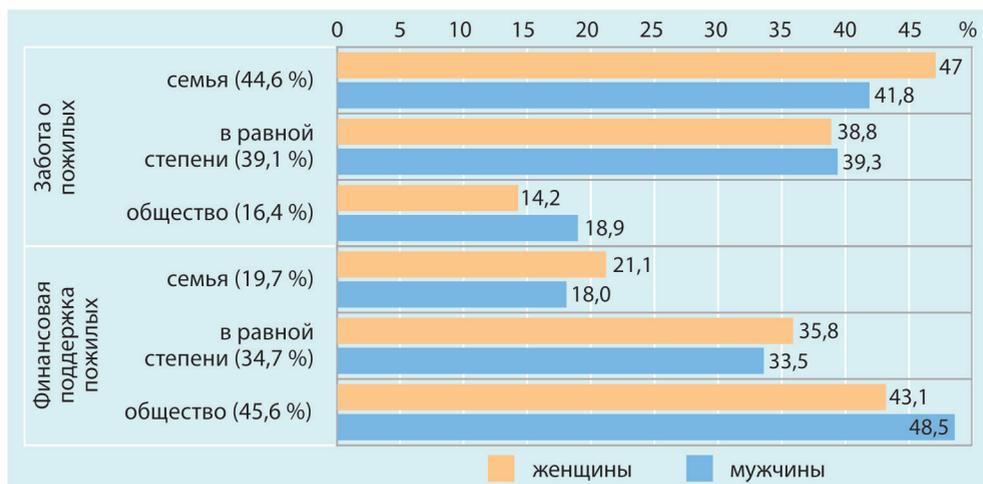
В течение последних десятилетий происходят трансформации возрастной структуры общества, выражающиеся в сокращении численности и старении населения. Среди стран СНГ Беларусь является самой старой и быстростареющей страной [29]. Старшие поколения занимают все более значимое место в белорусском обществе, в связи с чем возникает ряд проблем, связанных с ростом демографической нагрузки, а также с необходимостью продления активного долголетия и сохранения до глубокой старости удовлетворительного жизненного потенциала пожилых людей.

Старшие поколения нуждаются в содействии по бытовым, экономическим, медицинским и социальным вопросам, а также в психологической поддержке на этапе ресоциализации и возрастной адаптации к новым условиям жизни. Традиционно функция заботы и поддержки людей старшего возраста возлагается на их взрослых детей, а взаимоотношения со своими детьми остаются одним из самых важных контактов для пожилых родителей. Развивается и государственная социальная поддержка пожилых граждан в Республике Беларусь, но она носит скорее пассивный характер и сводится в основном к обеспечению нуждающихся необходимыми услугами.

Каковы представления населения по поводу участия семьи и общества в заботе о пожилых гражданах и их финансовой поддержке? Готовы ли взрослые дети взять на себя ответственность за заботу о своих родителях? Каким образом в современных социально-экономических условиях выстраиваются отношения между взрослыми поколениями в семье? Какие факторы микроуровня оказывают на них влияние? Картину по этим вопросам позволяют представить результаты исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», проведенного в 2017 г. Похожие вопросы изучались российскими исследователями в 2004 г. в рамках аналогичного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» [32, 61].

Ответственность семьи и общества за заботу о старших поколениях. Первые интересующие нас вопросы касались мнения респондентов о том, чьей задачей является забота о пожилых людях, нуждающихся в помощи, у них дома (далее – *Забота о пожилых*), а также кто должен оказывать им финансовую поддержку, если уровень дохода ниже прожиточного минимума (далее – *Финансовая поддержка пожилых*) – общество, семья или те и другие вместе.

Была выявлена общая тенденция: в вопросе *заботы о пожилых* (N = 9 848) наше население отдает предпочтение семье, а в вопросе *финансовой поддержки пожилых* (N = 9 799), по мнению респондентов, семья уступает место обществу (рис. 56).

Рис. 56. Кто должен заботиться о пожилых людях и оказывать им финансовую поддержку? (распределение ответов мужчин и женщин)

Предполагая, что на выбор между обществом и семьей в качестве ответственных за заботу о пожилых людях и их финансовую поддержку, могут оказывать влияние индивидуальные характеристики респондентов, мы проанализировали распределение установок по полу, возрасту, уровню образования, социально-профессиональному статусу, уровню дохода, состоянию здоровья, региону проживания.

Из тех, кто считает заботу о пожилых ($p = 0,000$; $V = 0,07$) и их финансовую поддержку ($p = 0,000$; $V = 0,056$) задачей семьи, большинство составили женщины. Мужчины больше склонны делегировать эти обязанности обществу (см. рис. 56).

Самые молодые (18–19 лет, 22,9 %) и самые старшие (старше 70 лет, 21,2 %) в большей степени считают заботу о пожилых задачей общества ($p = 0,000$; $V = 0,072$). В этом вопросе выделяется когорта 40–49 лет, меньше остальных доверяющая обществу (13,4 %), а больше – семье (47,5 %).

Чем старше респонденты, тем чаще они высказывают суждение, что финансовая поддержка пожилых должна осуществляться обществом ($p = 0,000$; $V = 0,034$). К 60 годам так считает около половины населения. В этом вопросе снова выделяется когорта 40–49 лет, доверяющая обществу меньше остальных (42,1 %).

Люди, имеющие самый низкий уровень образования, чаще остальных считают, что общество должно заботиться о пожилых и в большей мере ожидают от него финансовой поддержки. Меньше всего на финансовую поддержку пожилых от государства рассчитывают респонденты с самым высоким уровнем образования. Чаще остальных они готовы разделить обе задачи поровну между семьей и обществом и реже других считают их делом семьи ($p = 0,000$; $V = 0,042$).

Люди, не занятые в экономике (студенты, безработные, пенсионеры, нетрудоспособные), в большей мере (20,4 % ответов), чем остальные (15,1 %), доверяют заботу о пожилых обществу. Больше остальных на семью в этом вопросе рассчитывают люди в отпуске по уходу за ребенком (53 %), а также ведущие домашнее хозяйство (48,1 %) ($p = 0,001$; $V = 0,049$). При этом безработные и пенсионеры (около 49 %) и нетрудоспособные граждане (58 %) финансовую поддержку пожилых считают задачей общества чаще других социально-профессиональных групп (около 44,4 %). По этому вопросу особо выделяется мнение людей, помогающих члену семьи на семейном предприятии или крестьянском хозяйстве. Только 14,3 % из них выбрали общество, а 57,1 % считают, что эту задачу должна взять на себя семья ($p = 0,000$; $V = 0,058$).

Уровень доходов респондентов влияет следующим образом на мнение о том, кто должен заботиться о пожилых ($p = 0,000$; $V = 0,078$). Здесь также население больше склонно доверять семье, причем респонденты с уровнем дохода выше 800 бел. руб. высказываются в пользу семьи немного чаще остальных (48,4 % против 42,6 %). Имеются различия в ответах на вопрос о финансовой поддержке пожилых в зависимости от уровня доходов ($p = 0,000$; $V = 0,068$). Чем ниже доходы респондентов, тем больше они рассчитывают на помощь общества, а не семьи. По мнению 50,2 % людей с уровнем дохода 250–399 бел. руб., общество должно участвовать в решении финансовых проблем пожилых граждан, 17,9 % считают это задачей семьи против соответственно 36,3 и 33,2 % респондентов с уровнем дохода выше 2 500 бел. руб.

Состояние здоровья влияет на мнение респондентов следующим образом: чем хуже состояние здоровья, тем в большей степени они считают, что общество должно заботиться о пожилых людях ($p = 0,000$; $V = 0,041$), а также оказывать им финансовую поддержку ($p = 0,000$; $V = 0,038$).

Была выявлена статистически значимая связь между регионом проживания респондентов и их мнением о том, кто должен заботиться о пожилых ($p = 0,000$; $V = 0,068$) (рис. 57). В Гомельской и Минской областях чаще делегируют эту задачу либо семье, либо обществу и меньше остальных склонны делить ее между ними в равной мере.

По вопросу оказания пожилым финансовой поддержки ($p = 0,000$; $V = 0,118$) выделяется Гомельская область. Здесь значительно выше, чем в других областях, ожидания помощи общества, реже делят эту задачу поровну между государством и семьей и меньше рассчитывают на силы семьи (рис. 58).

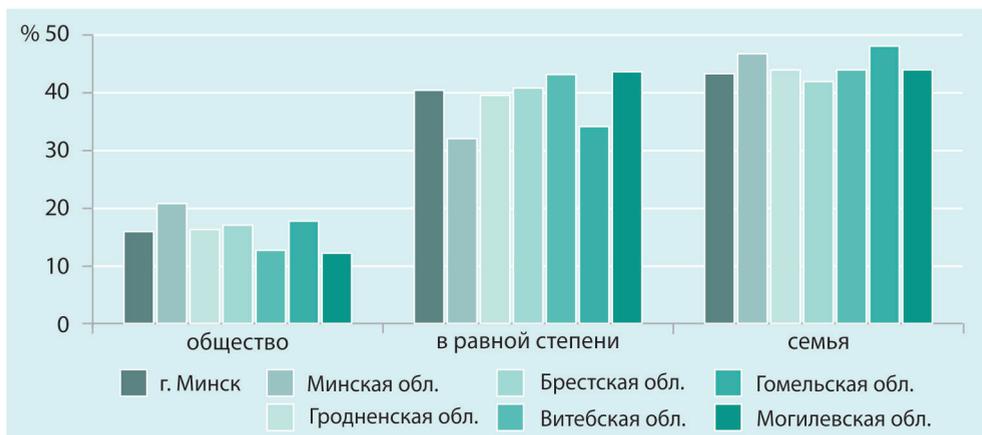

Рис. 57. Влияние региона проживания на мнение о том, кто должен заботиться о пожилых людях

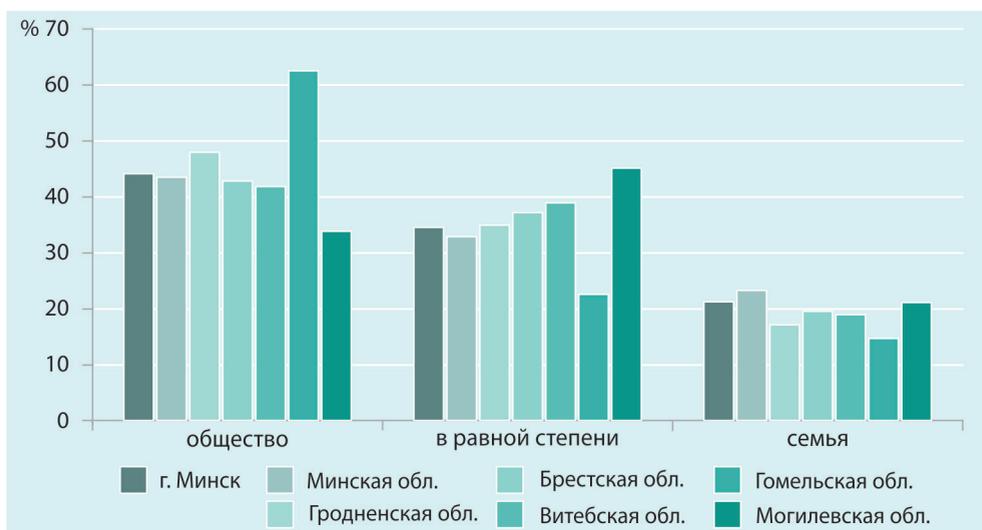

Рис. 58. Влияние региона проживания на мнение о том, кто должен оказывать финансовую поддержку пожилым людям

Выявить взгляды детей по поводу взаимоотношений со своими пожилыми родителями возможно, оценив их согласие со следующими утверждениями:

«Дети должны взять на себя ответственность за заботу об их родителях, когда родители в этом нуждаются» (далее – Забота о родителях);

«Дети обязаны обеспечивать финансовую поддержку родителей, когда у них финансовые затруднения» (далее – Финансовая поддержка родителей);

«Дети должны забрать к себе родителей, если те уже не могут сами позаботиться о себе» (далее – Забрать родителей к себе).

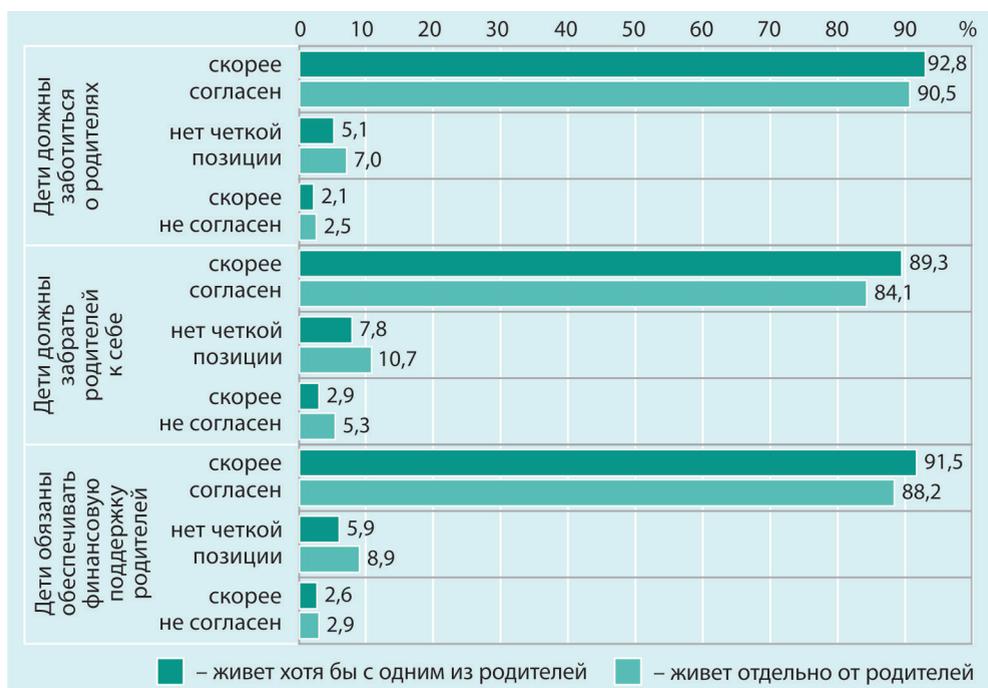
Для анализа были отобраны респонденты, живущие отдельно от своих родителей, у которых жив хотя бы один из родителей. Выборка составила 4 483 человека, из них оба родителя живы у 53,6 %, жива только мать у 40,2 %, жив только отец у 6,2 % респондентов.

При анализе ответов на поставленные вопросы выявлена высокая степень согласия взрослых детей с каждым из утверждений. Так, 90,5 % респондентов согласны заботиться о родителях; чуть меньше количество взрослых детей, согласных обеспечивать им финансовую поддержку: 84,1 и 88,2 % согласны забрать их к себе.

Выявлено влияние возраста на согласие взрослых детей обеспечивать финансовую поддержку ($p = 0,00$; $c = 0,073$) родителей. Более молодые респонденты в возрасте 18–29 лет чаще готовы помогать родителям (88,7 %). К 70 годам процент согласия респондентов с данным утверждением снижается до 82,3 %, но респонденты старше 70 лет согласны с ним на 100 %.

С возрастом постепенно снижается и согласие респондентов забрать родителей к себе ($p = 0,01$; $c = 0,45$): от 94,7 % в 18–19 лет к 83,3 % к 69 годам, а после 70 лет – к 66,7 %.

Существенного влияния других индивидуальных характеристик респондентов не выявлено. Однако при сравнении ответов респондентов, живущих совместно со своими родителями и отдельно проживающих, обнаружено, что взрослые дети, живущие вместе с родителями, чаще согласны по всем 3-м вопросам (рис. 59).

Рис. 59. Влияние совместного проживания с родителями на мнение о том, должны ли дети помогать своим престарелым родителям, %

Изучая частоту контактов взрослых детей с родителями, мы также остановились на респондентах, живущих отдельно от своих родителей, у которых жив хотя бы один из родителей. Оценка частоты контактов проводилась на основе ответов на два вопроса: «Как часто Вы видите с Вашей матерью?» и «Как часто Вы видите с Вашим отцом?». Таким образом, мы опишем две пары отношений:

«дети – матери» и «дети – отцы». По нашему мнению, частота контактов между поколениями взрослых детей с их родителями даст нам косвенное представление о тесноте их отношений. На рис. 60 представлено распределение респондентов по частоте встреч с отцом и с матерью.

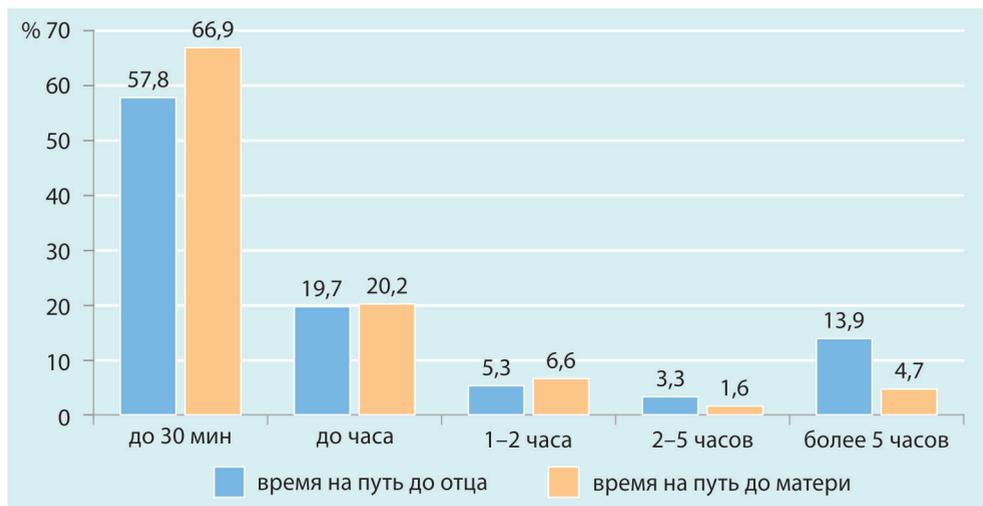
Рис. 60. Частота встреч взрослых детей с отцом и с матерью, %

Не реже 1 раза в неделю с матерью встречается вдвое больше взрослых детей, чем с отцом. Более частые встречи с матерью, чем с отцом, характерны практически для всех групп респондентов, независимо от их индивидуальных характеристик. Отметим, что с отцами встречается больше сыновей, а с матерями – дочерей.

Одним из наиболее весомых условий, влияющих на частоту встреч взрослых детей, проживающих отдельно, с их родителями не реже 1 раза в неделю, выступает временная доступность родителей. Чем больше приходится затрачивать временных и финансовых усилий на поездку друг к другу, тем реже происходят встречи. Как показывают результаты исследования, критическим является расстояние в 1 час езды. При более дальних расстояниях частота контактов и с матерью, и с отцом сокращается на треть (рис. 61).

Таким образом, опрос показал, что, несмотря на изменения, происходящие в нашем обществе в последнее время, взаимоотношения между взрослыми детьми и старшими поколениями сегодня строятся, как правило, в рамках традиционных семейных ценностей. По мнению респондентов, при распределении ответственности между обществом и семьей за заботу о престарелых уход за ними должна осуществлять семья, а финансовую поддержку старших поколений с низким уровнем дохода – общество. Это значит, что взрослые дети считают заботу о старших поколениях, нуждающихся в уходе на дому, своим долгом.

Наиболее склонны к такой позиции женщины и респонденты с уровнем дохода выше 800 бел. руб. Однако материальная поддержка пожилых родителей может стать для семьи непосильной задачей.

Рис. 61. Влияние временной доступности родителей на частоту встреч с ними их взрослых детей, проживающих отдельно, не реже 1 раза в неделю

Особое внимание здесь необходимо обратить на пенсионеров, людей, имеющих плохое состояние здоровья, низкий уровень образования и низкие доходы. В Гомельской области значительно выше, чем в других областях, ожидания от общества финансовой поддержки пожилых людей с уровнем дохода ниже прожиточного минимума.

Результаты исследования также свидетельствуют о высокой степени готовности поколения взрослых детей взять на себя заботу о пожилых родителях и ради них внести изменения в свою жизнь. Необходимо отметить чрезвычайную однородность высказываний.

Межпоколенные отношения в белорусских семьях остаются достаточно интенсивными и близкими, что в нашей стране объясняется небольшими расстояниями проживания друг от друга. Основным препятствием для частых контактов взрослых детей со старшими поколениями являются временные затраты на дорогу друг к другу.

Тем не менее сохраняется и усиливается тревожная тенденция, связанная со старением населения и ростом демографической нагрузки. Особенно в Беларуси очень старое село, причем стареет и трудоспособное население [29].

Обращаем внимание, что бедственное положение стариков может порождать недоверие и негативные установки молодого поколения к власти. С другой стороны, решение проблем пожилых людей, обеспечение достойной старости может повысить лояльность молодежи к своему государству и проводимой политике.

Полученные результаты могут быть учтены при разработке мер государственной социальной поддержки пожилых граждан, а также семейной политики, политики занятости и совершенствования пенсионного обеспечения граждан.

ГЛАВА 14. Образование детей и родителей: межпоколенная мобильность и влияние на доходы

О. Мазоль, М. Акулова

Образование – одно из ключевых звеньев, определяющих степень межпоколенного неравенства доходов и социальной мобильности [83, 84]. Образование – это передаточный механизм, с помощью которого семейные условия влияют на экономические результаты детей в будущем. Более высокий уровень дохода позволяет родителям инвестировать в образование детей, что в дальнейшем повышает их конкурентоспособность и ведет к более высоким заработкам. Низкий же уровень человеческого капитала незащищенных и малообеспеченных слоев населения зачастую является приобретенным по наследству и существенно снижает шансы на достойный уровень жизни [101]. Будущий доход ребенка находится в прямой зависимости от качества человеческого капитала, который формируется за счет его семьи, а также политики страны в области образования. Личные характеристики (талант, трудоспособность, когнитивные навыки) влияют, но в меньшей степени, чем семейное происхождение и уровень образования [94].

Межпоколенная мобильность напрямую зависит от 3-х факторов: семьи, состояния рынка труда и политики государства в сфере образования [118]. Активное участие государства – качественная мера по ускорению социальной мобильности. В странах с высокой нормой отдачи на уровень образования оно является меритократической лестницей к более высокому уровню жизни. Однако это происходит тогда, когда доступ к образованию и норма отдачи на человеческий капитал равны для всех вне зависимости от семейного происхождения [86].

Данное исследование нацелено на изучение влияния уровня образования родителей на уровень образования детей в Беларуси, а также эффекта отданного взаимодействия на уровень их доходов.

Процессы межпоколенной мобильности анализируются у 3 137 мужчин и 4 003 женщин, родившихся в период с 1938 по 1992 гг. (включительно). Для фиксации уровня межпоколенной мобильности рассматривается номенклатура образовательных статусов, систематизированная по 6-ти группам:

- 1) начальное образование;
- 2) базовое среднее образование;
- 3) общее среднее образование;
- 4) профессионально-техническое образование;
- 5) среднее специальное образование;
- 6) высшее образование.

Исходной точкой анализа межпоколенной мобильности является статусная характеристика образования родителей (максимальный достигнутый уровень образования отца для мужчин и матери для женщин). Учет гендерной специфики целесообразен, поскольку различные образовательные статусы могут более активно наследоваться по линии «отец – сын» или «мать – дочь» [112].

Поколенческий принцип реализуется путем выделения следующих возрастных когорт:

I когорта – респонденты от 25 до 30 лет (1988–1992 гг. р.)³⁴;

II когорта – от 30 до 40 лет (1978–1987 гг. р.);

III когорта – от 40 до 50 лет (1968–1977 гг. р.);

IV когорта – от 50 до 60 лет (1958–1967 гг. р.);

V когорта – от 60 до 70 лет (1948–1957 гг. р.);

VI когорта – до 80 лет (1938–1947 гг. р.).

Интенсивность межпоколенной мобильности оценивается следующим образом:

$$L = M / N, \quad (1)$$

где L – интенсивность межпоколенной мобильности;

M – число мобильных;

N – число опрошенных.

С использованием формулы (1) определяются показатели, характеризующие основные направления мобильности: общая интенсивность, интенсивность восходящей межпоколенной мобильности, интенсивность нисходящей мобильности и нулевая интенсивность [62, 104].

Оценка влияния образования родителей проводится с помощью следующей МНК-модели:

$$W_i = Male_i + Age_i + Siblings_i + Parent\_edu_i + Resp\_edu_i + Quality_i + Parent\_occup_i + \varepsilon_i, \quad (2)$$

где W – среднемесячная заработная плата респондента;

$Male$ – пол;

Age – возраст;

$Siblings$ – количество братьев и сестер;

$Parent\_edu$ – наивысший уровень образования родителей;

$Resp\_edu$ – уровень образования респондента;

$Quality$ – качество взаимоотношений между родителями до 15-летнего возраста респондента;

$Parent\_occup$ – наивысший профессиональный статус родителей, когда респонденту было 15 лет;

ε – случайная ошибка.

Первое, что можно отметить, – значительное превосходство в уровне образования детей над обоими родителями (рис. 62). Особенно значимый перевес для респондентов женского пола с высшим образованием (37,39 против 13,39 % среди матерей). Что касается респондентов мужского пола, то здесь превосходство менее ярко выражено (33,38 против 16,42 % среди отцов).

На фоне роста веса более высокого уровня образования при переходе от родителей к детям четко видно снижение удельной доли респондентов с более низким уровнем образования. В отличие от родителей значительно меньшая доля респондентов лишь с начальным образованием (0,67 против 14,12 % для мужчин и 1,62 против 20,66 % для женщин).

³⁴ 25–29 полных лет; далее аналогично.

Рис. 62. Распределение респондентов и их родителей по уровню образования, %

Если рассмотреть уровень образования в гендерном разрезе за период 1938–1992 гг., то можно отметить более высокий уровень образования у респондентов женского пола.

Для оценки изменения в динамике на рис. 63 представлены распределения образовательных статусов в зависимости от пола респондента и его возрастной когорты.

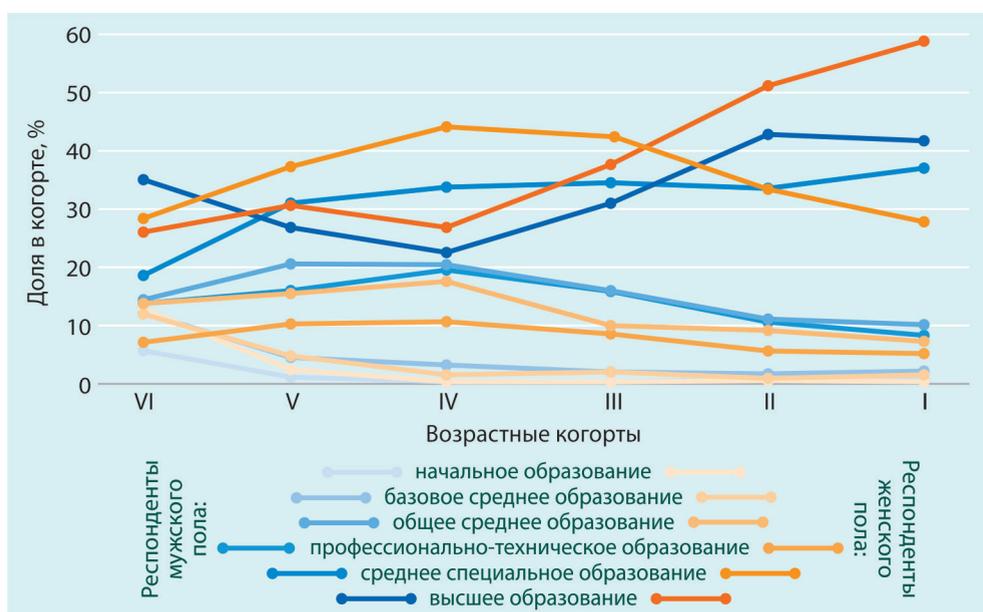

Рис. 63. Уровни образования респондентов в зависимости от пола и возрастной когорты

Как видно из рис. 63, начиная с конца 1970-х гг. прослеживается четкий переход к высшему или послевузовскому образованию для мужчин и женщин. При этом доля в возрастных когортах женщин с высшим или послевузовским образованием существенно превышает таковую для мужчин.

Общая интенсивность образовательной межпоколенной мобильности у респондентов мужского и женского пола составляет 67,10 и 71,92 % соответственно (рис. 64). Более 2/3 респондентов обладают образовательным статусом, который отличается от родителей, а наибольшая интенсивность наблюдается по линии «мать – дочь», т. е. женщины показали более высокую межпоколенную образовательную мобильность.

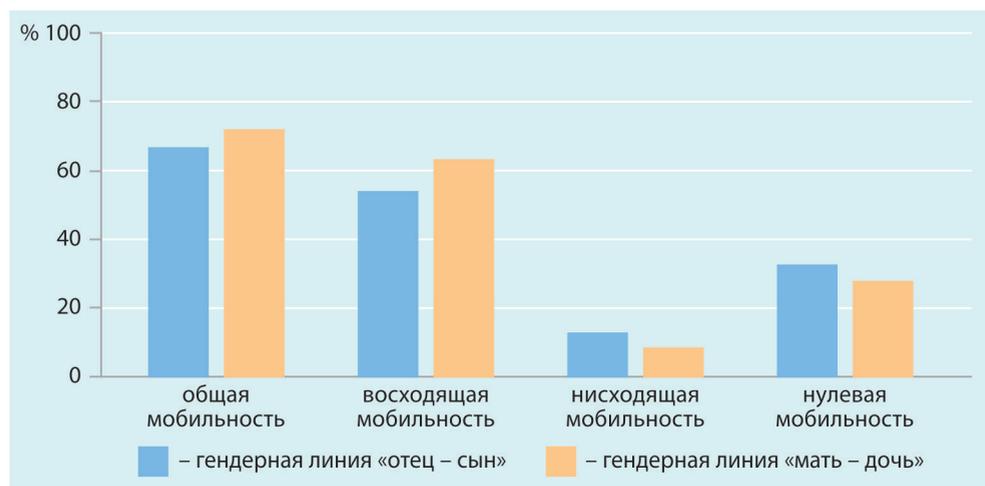

Рис. 64. Интенсивность межпоколенной образовательной мобильности (1938–1992 гг. р.), %

Приобретение более высокого образовательного статуса доминирует среди направлений межпоколенной мобильности. По линии «отец – сын» восходящая мобильность составила 54,10 %, а по линии «мать – дочь» – 63,45 %. Тем не менее при абсолютном преобладании восходящей мобильности все же присутствовала небольшая доля респондентов с нисходящей мобильностью: по линии «отец – сын» – 13,02 %, а по линии «мать – дочь» – 8,47 %. Наконец, около 1/3 респондентов наследовали образовательный статус родителей: 32,88 % мужчин и 28,08 % женщин.

В целом можно сделать вывод, что по линии «мать – дочь» мотивация на достижение более высокого положения выражена сильнее по сравнению с респондентами мужского пола. В свою очередь, по линии «отец – сын» отмечается более высокая степень наследования образовательного статуса.

Когортный анализ позволил оценить в динамике изменение образовательного статуса респондентов (рис. 65). Наиболее мобильной является когорта V. В 1948–1957 гг. изменение образовательного статуса по сравнению с родителями наблюдается у 80,92 % мужчин и у 82,99 % женщин. В данный временной период отмечается и самая большая восходящая мобильность: 73,22 % сыновей и 77,41 % дочерей повысили свой образовательный статус.

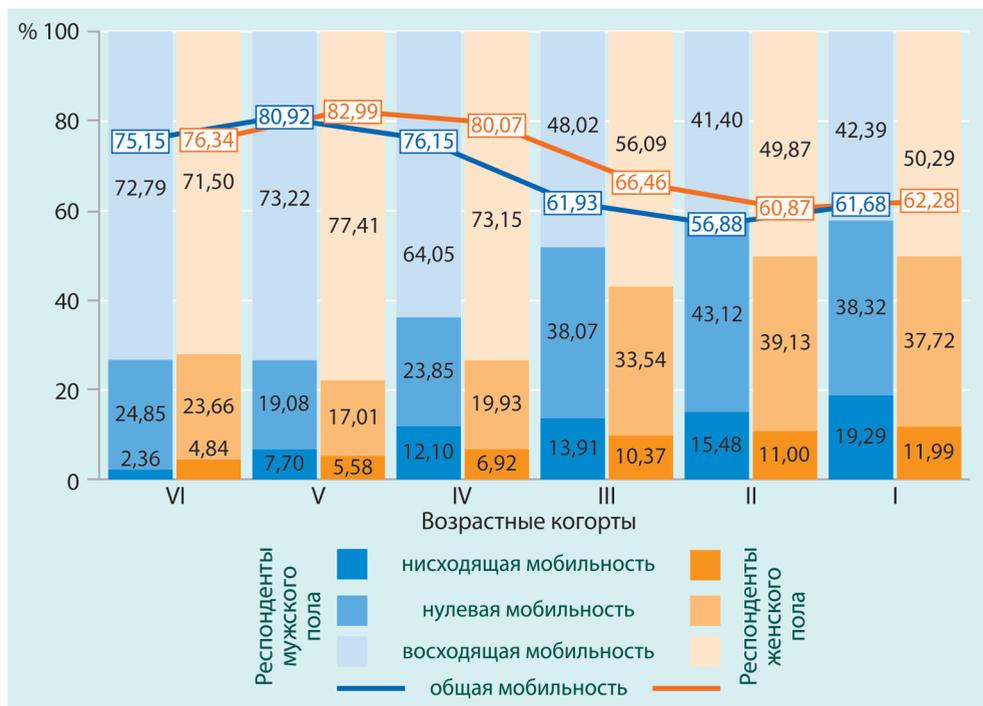

Рис. 65. Образовательная мобильность в зависимости от пола и возрастной когорты

В последующих возрастных когортах наблюдается существенное снижение восходящей мобильности по обеим гендерным линиям. По линии «отец – сын» восходящая мобильность максимально сократилась в 1,77 раза, а по линии «мать – дочь» – в 1,55 раза с V возрастной когорты по II когорту (т. е. к 1978–1987 гг.). В I когорте снижение восходящей мобильности для респондентов как мужского, так и женского пола сменилось ростом, если сравнивать со II возрастной когортой (см. рис. 65).

В I и II возрастных когортах для мужчин и женщин наблюдается наибольший рост воспроизводства образовательного статуса. Нисходящая мобильность также имеет тенденцию к увеличению при переходе к более высокой когорте – максимально она появляется по линии «отец – сын», в I возрастной когорте (19,29 %). Все это свидетельствует о тенденции к снижению значимости образования, что может объясняться тем, что на современном этапе наличие более высокого образовательного статуса не является обязательным условием успешной карьеры.

В целом образовательная мобильность достаточно высока на протяжении всего рассматриваемого периода, но имеет тенденцию к снижению. При переходе к более высокой возрастной когорте происходит уменьшение интенсивности восходящих потоков, постепенный рост нисходящего потока и самовоспроизводство образовательного статуса. Тем не менее опыт и пример родителей, их социальный и образовательный статус все еще имеют существенное значение для их детей. Кроме того, гендерный анализ показал, что белорусские женщины более активно меняют свой образовательный статус по сравнению с родителями.

Для оценки влияния образования родителей на доходы детей была построена логлинейная регрессионная модель с зависимой переменной «логарифм среднемесячной заработной платы респондента». Описательная статистика используемых переменных представлена в табл. 16.

Таблица 16. Описательная статистика переменных, используемых в регрессионной модели

Переменная	Среднее арифметическое	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
Среднемесячная заработная плата респондента	619,39	77	12 000	741,396
Пол респондента (1 – мужской)	0,497	0	1	0,5
Возраст респондента	42,784	25	80	10,383
Количество братьев и сестер	1,456	0	15	1,5
Уровень образования респондента	4,972	1	6	1,075
Наивысший уровень образования среди родителей респондента	4,314	1	6	1,542
Качество взаимоотношений между родителями респондента	8,154	0	10	1,66
Наивысший профессиональный статус среди родителей респондента	6,078	1	10	3,163

Из выборки при построении модели были удалены следующие респонденты:

- 1) моложе 25 лет;
- 2) не работавшие в течение последних 12 месяцев;
- 3) не имеющие одного из родителей.

Всего в выборке осталось 2 940 респондентов. Оценка влияния образования родителей была осуществлена с использованием модели МНК – метода наименьших квадратов (см. формулу (2)). При построении модели контролируются характеристики: пол, возраст, количество братьев и сестер, уровень образования, профессиональный статус, качество взаимоотношений между родителями.

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 17 и показывают статистически значимое и положительное влияние образования родителей (переменная *Наивысший уровень образования среди родителей* в спецификации 1) на доходы детей, без учета влияния профессионального статуса родителей (переменная *Наивысший профессиональный статус среди родителей*). При его учете (спецификация 2) влияние образования родителей на доходы детей статистически не значимо по всем образовательным группам. В данном случае предполагается, что профессиональный статус напрямую зависит от уровня образования. Кроме того, профессиональный статус служит непрямым подтверждением уровня способностей респондента, влияющего на шансы занять позицию с высокими требованиями к уровню квалификации.

Таблица 17. МНК-модель оценки влияния образования родителей на доходы детей
(зависимая переменная – логарифм среднемесячной заработной платы респондента)

Переменные	Спецификация 1	Спецификация 2
Пол респондента (1 – мужской)	0,306*** [0,020]	0,304*** [0,020]
Возраст респондента	0,017** [0,007]	0,016** [0,007]
Возраст в квадрате ($\cdot 10^3$)	-0,234*** [0,078]	-0,222*** [0,090]
<i>Количество братьев и сестер (0 – базовая переменная)</i>		
Количество братьев и сестер: 1	-0,044* [0,026]	-0,041 [0,026]
Количество братьев и сестер: 2	-0,078** [0,031]	-0,069** [0,031]
Количество братьев и сестер: больше 3-х	-0,103*** [0,038]	-0,083** [0,039]
<i>Уровень образования респондента (начальное – базовая переменная)</i>		
Базовое среднее	0,118 [0,218]	0,115 [0,201]
Общее среднее	0,298 [0,204]	0,309* [0,186]
Профессионально-техническое	0,322 [0,204]	0,332* [0,186]
Среднее специальное	0,394* [0,202]	0,406** [0,184]
Высшее	0,636*** [0,202]	0,637*** [0,184]
<i>Наивысший уровень образования среди родителей (начальное – базовая переменная)</i>		
Базовое среднее	0,092** [0,046]	0,074 [0,047]
Общее среднее	0,077* [0,044]	0,046 [0,045]
Профессионально-техническое	0,026 [0,043]	-0,014 [0,046]
Среднее специальное	0,084** [0,041]	0,016 [0,044]
Высшее	0,134*** [0,043]	0,049 [0,050]
Качество взаимоотношений между родителями	0,008 [0,175]	0,007 [0,006]
<i>Наивысший профессиональный статус среди родителей (квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства – базовая переменная) [1]</i>		
Неквалифицированные работники		0,044 [0,046]
Работники сферы обслуживания и торговли		0,149*** [0,054]
Операторы и сборщики промышленных установок и машин		0,171** [0,080]
Квалифицированные рабочие промышленности		0,046 [0,047]
Служащие		0,153** [0,061]
Специалисты-техники и иной средний специальный персонал		0,172*** [0,050]
Военнослужащие		0,172*** [0,063]
Руководители		0,115** [0,057]
Специалисты-профессионалы		0,161*** [0,047]
Константа	5,242*** [0,263]	5,193*** [0,252]
Количество наблюдений	2 940	2 940
R²	0,175	0,183

Примечание – уровни значимости: * – 10 %; ** – 5 %; *** – 1 %.

В квадратных скобках представлена устойчивая стандартная ошибка.

Полученные результаты отражают значимый и высокий уровень социальной мобильности для всех возрастных когорт. Присутствует существенный рост образованности молодого поколения по отношению к их родителям. Одновременно с этим были выявлены тенденции к снижению уровня социальной мобильности для более молодых поколений, получивших образование и начавших трудовую деятельность уже в период независимости Беларуси. Одной из причин данного явления могут быть различные институциональные и экономические реформы, происходившие в постсоветский период и изменившие устои в обществе, традиционные для советского времени. Оценка влияния уровня образования на доходы детей демонстрирует положительное воздействие высшего образования родителей. Однако данный эффект незначим при контроле влияния профессионального статуса родителей на уровень заработной платы детей. Возможной причиной этого может быть прямая зависимость профессионального статуса от уровня образования, а также то, что он сам по себе выступает индикатором степени развития способностей индивидуума.

Раздел VI. ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ: СЕМЬЯ И РАБОТА

ГЛАВА 15. Нормативные представления и организация повседневной жизни семьи

А. Кириллова

Трансформация института семьи в современном обществе тесно связана с изменением ценностно-нормативных представлений об организации семейной жизни, роли семьи в жизни человека, роли мужчин и женщин в семье и в обществе. Смещение акцентов с интересов семьи (родовых интересов) на индивидуальные интересы, развитие и продвижение идеи гендерного равенства способствуют появлению, распространению и легитимизации новых форм организации семейной жизни. Любовь, забота, сотрудничество, самореализация каждого из членов семьи становятся ядром системы семейных ценностей.

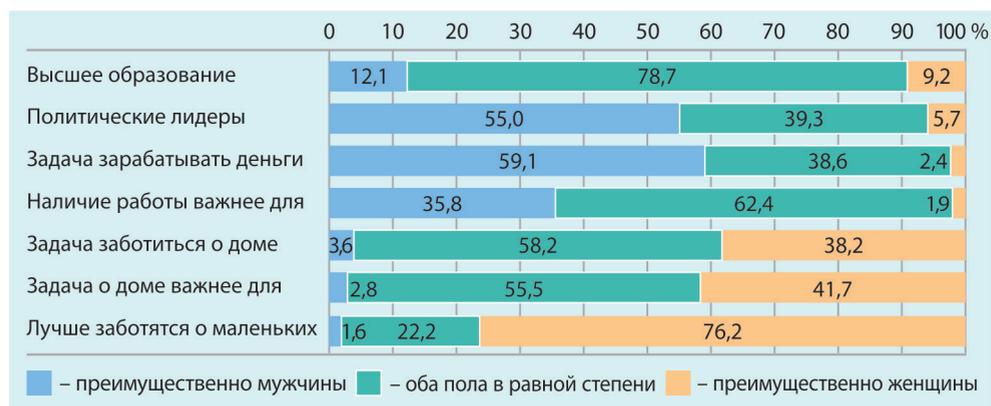
Несмотря на многообразие форм семейных отношений, большинство семей по структуре власти можно разделить на традиционные (патриархальные), эгалитарные и «иные». Традиционная семья подразумевает, что власть в семье (в основном это денежные ресурсы и право принимать решения, затрагивающие интересы и уклад всей семьи) сосредоточена у мужчины и его ключевая роль – материальное обеспечение и управление ресурсами семьи, в то время как роль женщины – забота о доме, детях и других домочадцах. Эгалитарный тип семьи предполагает равные отношения власти между супругами/партнерами, т. е. равновесное и равноценное участие обоих партнеров как в материальном обеспечении семьи, так и в выполнении домашней работы, в заботе о детях и их воспитании. «Иные» формы организации семейной жизни сложно объединить по какому-либо объединяющему признаку в группу, поскольку единственное, что их объединяет, – это несовпадение по структуре власти ни с традиционной, ни с эгалитарными формами организации семейной жизни. В эту группу входят однополые союзы, матриархальные семьи, гостевые браки, конкубинаты, семьи, где ответственность за семью смещена на одного из партнеров или вынесена за рамки семьи.

Данные, полученные в рамках исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», позволяют выявить гендерные установки в белорусском обществе, связь нормативных представлений о распределении ролей в семье и обществе между мужчинами и женщинами с полом, возрастом, местом жительства, уровнем образования и уровнем религиозности респондентов, а также выявить нормативные модели распределения ролей в семье.

Установка на гендерное равенство преобладает в вопросе о важности университетского образования и наличии работы. При этом сравнительный анализ 2-х категорий: важности работы для человека («Для кого больше важна работа?») и обязанности зарабатывать («Чьей задачей является обеспечение семьи?») показал, что в 1-м случае 62,4 % респондентов отмечают важность работы одинаково для 2-х полов, а во 2-м случае только 38,6 % респондентов отмечают обеспечение семьи как общую задачу. Большую важность работы для мужчины отметили 35,7 % респондентов, а его обязанность обеспечивать семью уже 59,1 %.

Такие различия могут быть объяснены установками на то, что важность работы для женщины связывается, прежде всего, с самореализацией, общением, социальным статусом, но не с зарабатыванием денег и обеспечением семьи, в то время как для мужчины возможность с помощью работы обеспечить семью стоит на первом месте. Это предположение, которое требует дополнительного анализа, однако этот фактор косвенно указывает на сохранение гендерного неравенства, в том числе на уровне нормативных представлений в обществе.

При том, что более половины респондентов считают заботу о доме и детях важной и обязательной для обоих полов в равной мере, большинство респондентов (76,2 %) считают, что женщины лучше справляются с такими обязанностями (рис. 66).

Рис. 66. Нормативные представления респондентов о распределении ролей между мужчинами и женщинами

Предполагая, что мужчины и женщины могут по-разному относиться к распределению ролей в семье, мы проанализировали распределение нормативных представлений о семейных обязанностях по полу (рис. 67). Для этого ответы «Мужчины определено» и «Мужчины незначительно» были объединены в одно значение «Преимущественно мужчины», а ответы «Женщины определено» и «Женщины незначительно» объединены в одно значение «Преимущественно женщины». Значения «Оба пола в равной мере» остались без изменений.

Как и в целом по выборке, можно отметить, что равный вклад в воспитание детей и мужчины, и женщины выбирают чаще, чем равный вклад в обеспечение семьи, при этом женщины чаще выбирают равный вклад в обеспечение семьи, чем мужчины.

Более существенные различия в представлениях мужчин и женщин наблюдаются по поводу того, чьей задачей является материальное обеспечение семьи, чем по поводу заботы о детях и доме: 64,5 % мужчин и 54,4 % женщин придерживаются мнения о том, что вопросы материального обеспечения семьи входят в зону ответственности мужчин. 32,6 % мужчин и 43,5 % женщин считают, что зарабатывание денег входит в обязанность обоих партнеров в равной мере.

Рис. 67. Распределение ответов респондентов на вопросы о роли мужчины и женщины в заботе о доме, детях и обеспечении семьи (по полу)

Также при сохранении общей тенденции на мужское доминирование в политической сфере женское доминирование в воспитании детей и важности высшего образования в равной мере для обоих полов можно видеть, что женщины чаще демонстрируют эгалитарные установки по всем вопросам, касающимся ролей мужчин и женщин в семье и обществе (рис. 68).

Рис. 68. Распределение ответов респондентов о роли мужчин и женщин в обществе (по полу)

Анализ связи между гендерными установками респондентов и возрастом не выявил существенных различий среди представителей разных возрастных когорт. В то же время молодые люди 18–19 лет показали большую приверженность традиционным взглядам на заботу о детях и менее традиционную на обеспечение семьи, что может быть объяснено, с одной стороны, преобладанием мужчин в данной когорте, а с другой – отражением установок старших поколений, поскольку своего опыта еще недостаточно для формирования установки (рис. 69).

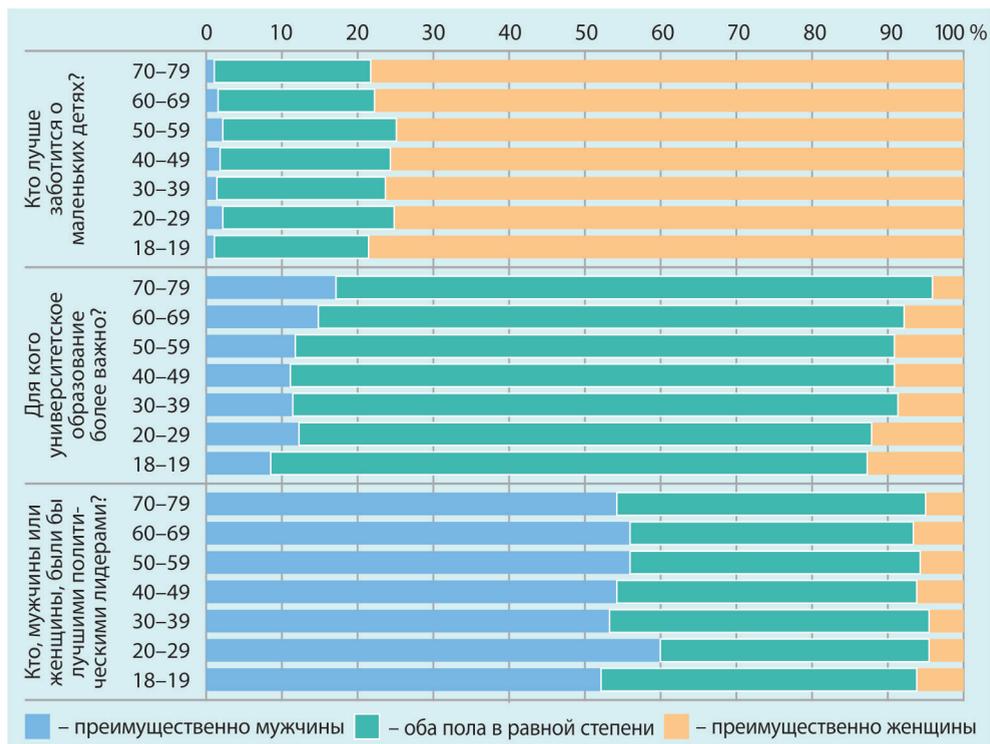

Рис. 69. Распределение ответов респондентов о роли мужчин и женщин в обществе (по возрасту)

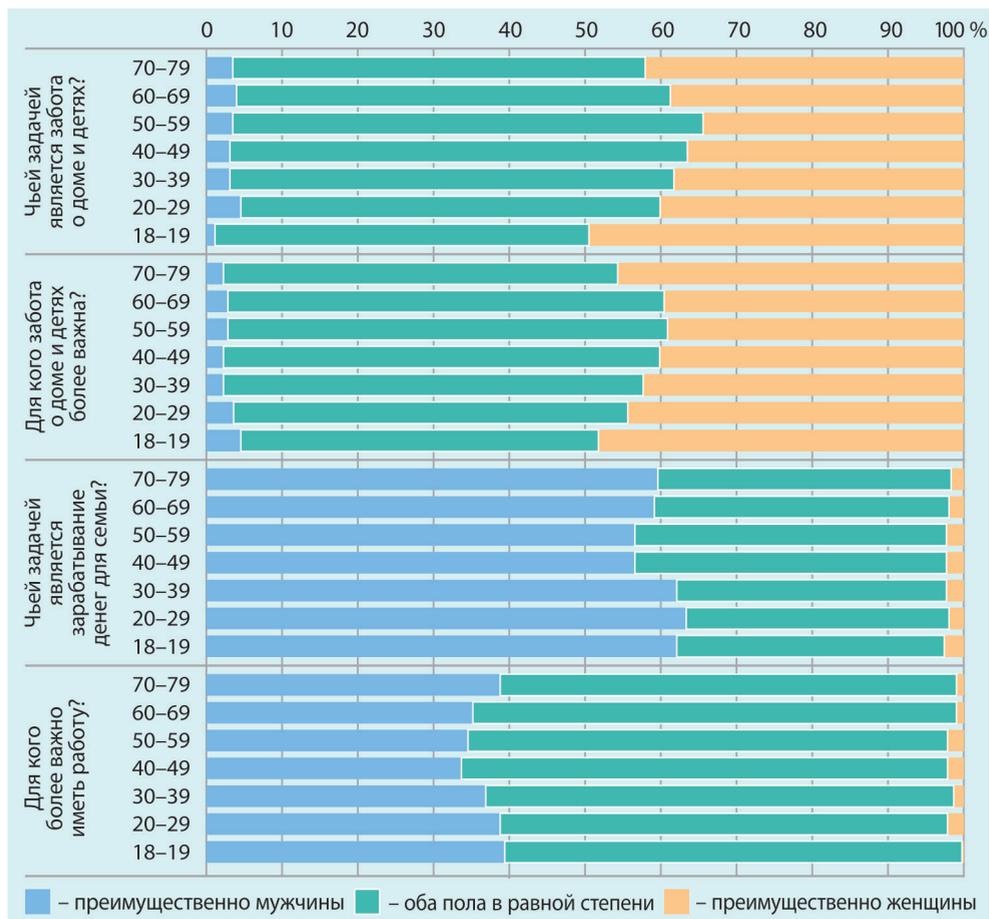
Люди в возрасте 20–39 лет больше, чем представители других возрастных когорт, склонны считать, что обеспечение семьи – это обязанность мужчины. Возможно, это связано с наибольшей репродуктивной активностью в данный период, и наличие или намерение иметь ребенка повышает роль мужчины в обеспечении семьи (рис. 70).

Проведенный анализ связей между гендерными установками респондентов и полом, возрастом, уровнем образования, местом жительства показал наличие статистически значимых, однако очень слабых связей между переменными.

Мы предположили наличие связи между уровнем религиозности респондентов и гендерными установками. Для анализа была взята подвыборка, в которую вошли респонденты, ответившие на вопрос: «Вне зависимости от принадлежности к определенной религии, насколько религиозным бы Вы себя назвали?» по шкале от 0 до 10 баллов. Полученные значения были сгруппированы в 5 групп:

- нерелигиозные люди (0 баллов);
- респонденты с низким уровнем религиозности (1–3 балла);
- респонденты со средним уровнем религиозности (4–6 баллов);
- респонденты с высоким уровнем религиозности (7–9 баллов);
- очень религиозные люди (10 баллов).

Объем подвыборки составил 9 475 человек. Анализ показал, что нерелигиозные люди чаще демонстрируют установки на гендерное равенство, в то время как люди с высоким уровнем религиозности и очень религиозные люди чаще выбирают традиционные гендерные установки.

Рис. 70. Распределение ответов респондентов на вопросы о роли мужчины и женщины в заботе о доме, детях и обеспечении семьи (по возрасту)

Для выявления и анализа приверженности респондентов одной из нормативных моделей распределения ролей между мужчинами и женщинами в семье нами были проанализированы сочетания ответов на 2 вопроса: «Чьей задачей является зарабатывание денег для семьи?» и «Чьей задачей является забота о доме и детях?», и выделены следующие нормативные модели гендерных ролевых установок:

- традиционно-патриархальная: мужчина должен обеспечивать семью, женщина – заботиться о доме и детях;
- эгалитарная: партнеры должны равно участвовать и в обеспечении семьи, и в заботе о доме и детях;
- зеркальная традиционная: мужчина должен заботиться о доме и детях, а женщина – обеспечивать семью;
- эксплуатационная с фокусом на одного из партнеров: все обязанности должен выполнять мужчина либо все обязанности должна выполнять женщина;
- частично эгалитарная: обеспечивать семью должны оба партнера, а заботиться о доме и детях – один из них либо заботиться о детях и доме должны оба партнера, а обеспечивать семью – один из них.

В анализ были включены те респонденты, которые дали ответы на оба вопроса (N = 9 905). Полученное распределение (рис. 71) показало, что в белорусском обществе распространены в большей степени 3 типа гендерных ролевых установок: традиционно-патриархальная (28,4 %), эгалитарная (29,4 %) и частично-эгалитарная (равное участие партнеров в обеспечении семьи – 28,8 %).

Рис. 71. Нормативные модели распределения ролей в семье (N = 9 905)

Таким образом, анализ данных показал, что значительная часть белорусского общества придерживается эгалитарных взглядов на распределение ролей мужчин и женщин в семье и обществе, однако большая часть разделяет традиционные ролевые модели. Признание важности высшего образования и работы для обоих полов в равной мере при сохранении мужского доминирования в сфере политики и зарабатывания денег для семьи и женского доминирования в сфере ухода за домом и детьми может указывать на разное значение работы и образования для мужчин и женщин в белорусском обществе, а также на повышение нагрузки на женщину в традиционной ролевой модели.

Стоит отметить также, что качество семейной жизни и партнерских отношений определяется не столько типом семьи, сколько соответствием положения дел в семье представлениям и ожиданиям партнеров, поэтому анализ установок респондентов следует сопоставить с анализом актуальной ситуации в семьях респондентов и их удовлетворенности текущим распределением ролей в семье. Можно отметить высокий потенциал развития идеи гендерного равенства в белорусском обществе, в том числе на уровне повседневных семейных практик, целью которого будет увеличение числа благополучных семей, устойчивых к внутренним и внешним социальным, экономическим, информационным и др. рискам.

ГЛАВА 16. Гендерные и поколенческие аспекты распределения ролей в брачно-партнерских союзах

А. Комаровский, Ю. Назаренко

Современная социокультурная ситуация характеризуется трансформацией традиционных семейных ролей, формированием более равноправных моделей брачно-семейного партнерства. «В последнее время общественные институты стремительно реорганизуются вокруг новой, нормативно продвигаемой поведенческой модели родителя-отца, способного к выполнению любой работы по уходу/воспитанию за детьми и их обеспечению» [59, с. 86]. Ряд исследований показал, что «достижение гендерного равенства в приватной сфере позитивно отражается на рождаемости, так как нивелирует проблему двойной нагрузки женщины. Гендерное равенство в публичной сфере приводит к росту экономической независимости женщины, что также может стимулировать рождаемость посредством понижения социальных рисков» [1, с. 49]. Немецкие исследователи выявили, что «дети, растущие при сильных, заботливых отцах, в меньшей степени подвержены криминальному поведению, употреблению наркотиков и психическим проблемам» [59, с. 91]. «Отцы, которые описывают себя при помощи женских стереотипов, таких как мягкосердечие, чувствительность, больше времени уделяют своим детям», а также «на четыре часа больше проводят со своими детьми, чем те, которые их не указывают» [59, с. 98–99]. Таким образом, «новое отцовство» позитивно сказывается как на рождаемости, так и на дальнейшем «качестве» воспитания детей.

Тем не менее наряду с данными тенденциями фактическое распределение ролей внутри семьи все еще подвержено дисбалансу. Так, проведенный «в исследовании Международной программы социальных исследований (ISSP) ... анализ бюджетов времени, затрачиваемого отцами на семью, работу по дому и профессиональный труд», показал, «что отцовское поведение сильно отличается от материнского и частично даже свидетельствует о так называемой «ретрадиционализации» роли отца <...> Даже в эгалитарных скандинавских странах матери в полтора–два раза больше времени посвящают дому, чем отцы. С одной стороны, данный итог является следствием государственных усилий по объединению семейных и профессиональных обязанностей родителей, а с другой, свидетельствует о том, что все-таки цель семейной политики заключается в сокращении домашней нагрузки женщины, а не в стимулировании участия мужчин в делах семьи» [59, с. 96–97].

Данные исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» позволяют провести анализ распределения ролей в домохозяйствах Беларуси в контексте поколенческих и гендерных характеристик респондентов. Обращаясь к вопросу о гендерном равенстве в белорусском социуме, мы проанализируем ответы респондентов о характере их участия в повседневных семейных практиках и удовлетворенность распределением обязанностей между супругами/партнерами в домохозяйстве.

Проведенный анализ участия супругов/партнеров в выполнении работы по дому и обязанностей по уходу за детьми выявил наличие неравного разделения данных обязанностей. Нагрузка на женщин в организации домашнего быта гораздо выше, так как перечисленные практики выполняются либо исключительно женщинами, либо при их участии наравне с супругом/партнером (рис. 72). Исключение составляет лишь мелкий ремонт, проводимый в подавляющем большинстве случаев супругом/партнером.

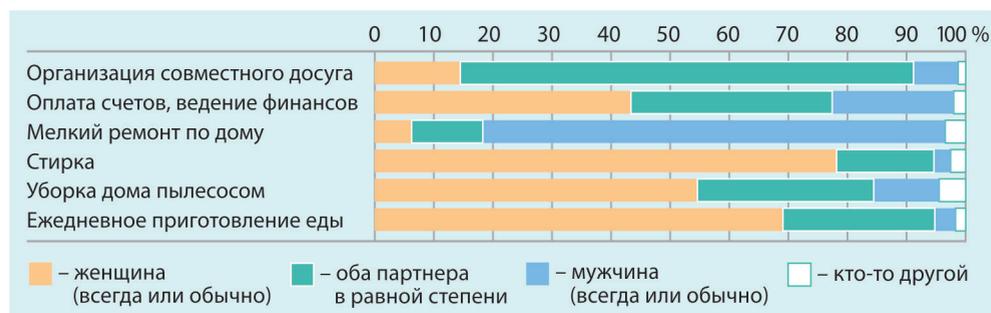

Рис. 72. Распределение работы по дому между членами домохозяйства³⁵

Схожее распределение обязанностей наблюдается и в сфере ухода за детьми (рис. 73). Женщины полностью или частично выполняют работу в каждой из практик, в то время как мужчины в той или иной мере вовлечены в данные практики, но чаще наряду с женщинами.

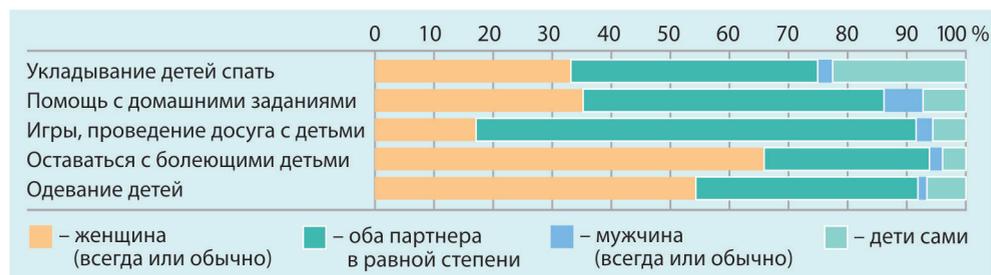

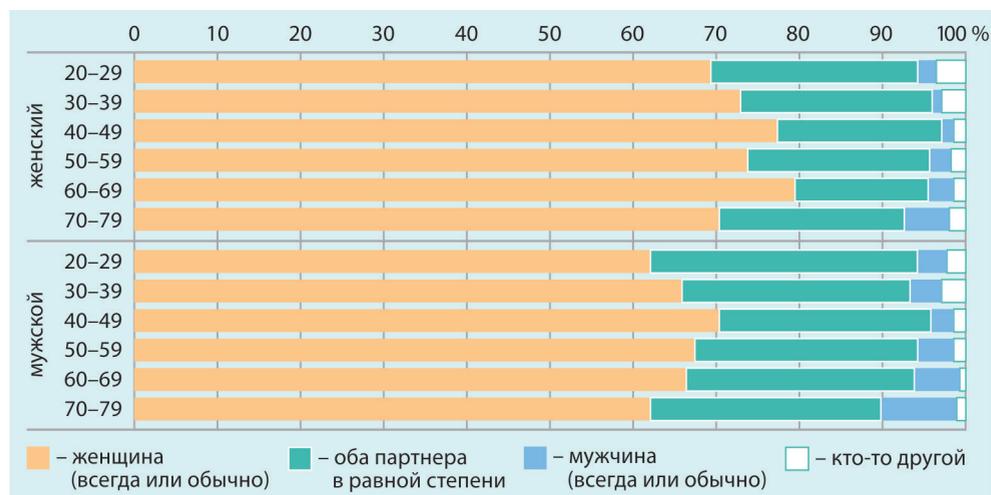
Рис. 73. Распределение обязанностей по уходу за детьми между членами домохозяйства³⁶

Отметим, что во всех случаях мужчины отмечают свою вовлеченность в практики (отдельно или наряду с супругой/партнером) чаще, чем это делают женщины, оценивая вовлеченность самих мужчин. С точки же зрения межпоколенческих различий заметно, что чем старше респонденты (как женщины, так и мужчины, хотя более рельефно эта тенденция наблюдается среди женщин),

³⁵ Для расчета данных была использована подвыборка респондентов, с которыми проживает партнер. Объем подвыборки составил 6 730 респондентов (± 10 респондентов при ответах по разным переменным).

³⁶ Для расчета данных была использована подвыборка респондентов, с которыми проживает партнер. Количество ответивших респондентов составило 2 599 респондентов для переменных «Одевание детей», «Быть дома с больными детьми» и «Игры или проведение досуга с детьми», а также 1 536 респондентов – для переменных «Помощь с домашними заданиями» и «Укладывание детей спать».

тем чаще они отмечают свое участие в практиках (приготовления еды, уборки, стирки и ведения финансов, организации совместного досуга). Лишь женщины 20–29 лет реже отмечают участие обоих полов в данных практиках, нежели женщины других возрастных групп. Данное распределение оценок, типовое для всех иных практик, приведено ниже на примере приготовления еды (рис. 74).

Рис. 74. Распределение ответов о ежедневном приготовлении еды в разрезе по половозрастным группам (N = 6 738)

Определенно «мужской» работой по дому является только мелкий ремонт. Женщины чаще заведуют домашними финансами, чем мужчины, хотя эта обязанность достаточно часто выполняется обоими супругами/партнерами. Самые молодые группы как среди женщин, так и мужчин чаще по сравнению с остальными группами отметили, что ведут финансы совместно (по 41 и 45 % соответственно). Доля совместного ведения финансов снижается по мере повышения возраста респондентов обоих полов (до 28 % в среднем для группы 70–79 лет).

Организация досуга является практикой с преобладающим равным участием обоих супругов/партнеров. С увеличением возраста женщин их одиночное участие в организации совместного досуга постепенно увеличивается, а доля совместного участия снижается. Среди мужчин самые молодые респонденты (20–29 лет) демонстрируют активное совместное участие (около 86 %), а в других группах эта доля снижается (около 76 %).

Анализируя участие респондентов в практиках по уходу за детьми, мы отобрали 4 возрастные группы респондентов (20–29, 30–39, 40–49, 50–59 лет), в домохозяйствах которых на момент исследования есть ребенок (дети) в возрасте, требующего активного ухода с участием взрослых членов домохозяйства, включая супругов/партнеров и/или проживающих с ними родственников (кормление, одевание, лечение и т. п.). Стоит отметить, что в целом направленность гендерных и межпоколенческих различий в данной сфере схожа с той, что мы выявили в практиках работы по дому, но обозначилась здесь не столь рельефно.

Женщины 20–29 лет заметно чаще, чем другие возрастные группы женщин (30–39 и 40–49 лет), отмечали (рис. 75) свое участие в ситуации, когда нужно оставаться с болеющими детьми дома (77 против 68 и 60 % соответственно). Мужчины 20–29 лет заметно реже (почти 45 %), чем женщины 20–29 лет (около 57 %), отмечают участие обоих полов в выполнении совместно с детьми домашних заданий.

Рис. 75. Распределение ответов на вопрос, кто остается с болеющими детьми дома, в разрезе половозрастных групп (N = 2 599)

Несмотря на столь ассиметричное участие супругов/партнеров в практиках по уходу за домом и детьми в целом респонденты обоих полов чаще высказывают высокую степень удовлетворенности таким распределением обязанностей. В среднем мужчины демонстрируют заметно более высокую степень удовлетворенности, чем женщины, что находит практически идентичное отражение во всех возрастных группах (рис. 76 и 77). Женщины разных возрастов, в свою очередь, заметно чаще демонстрируют среднюю или низкую степень удовлетворенности в обеих сферах.

Рис. 76. Распределение уровней удовлетворенности разделением работы по дому в разрезе половозрастных групп (N = 6 667)

Рис. 77. Распределение уровней удовлетворенности разделением обязанностей по уходу за детьми в разрезе половозрастных групп (N = 2 582)

Отметим, что степень удовлетворенности женщин 20–29 лет распределением работы по дому заметно выше, чем среди женщин других возрастов. Мужчины 20–29 и 30–39 лет также выделяются на фоне других мужских групп. Подобная ситуация наблюдается и в сфере ухода за детьми, однако различия не столь значительны: молодые женщины лишь в незначительной степени демонстрируют более высокую удовлетворенность, чем старшие возрастные группы, а среди мужчин заметных различий не наблюдается.

Таким образом, проведенный анализ данных выявил преобладание труда женщин в конкретных практиках работы по дому и ухода за детьми. Кроме того, фактически неравное участие в этих практиках оценивается обоими супругами/партнерами как преимущественно удовлетворительное, хотя женщины в значительно большей степени недовольны таким распределением обязанностей.

В качестве объяснения такой ситуации можно выдвинуть предположение, что респонденты исходят из разных моделей гендерного равенства в домохозяйстве. Данные модели допускают возможность обеспечения примерно равного итогового вклада каждого из супругов/партнеров в общесемейное благосостояние наряду с неравным участием в отдельных семейных практиках и трудовой занятости. Модель «равенства участия» предполагает, что партнеры примерно в равной мере участвуют во всех или большинстве практик, в то время как модель «равенства вклада» допускает неравное участие в этих практиках при условии сохранения равенства итогового вклада каждого супруга/партнера в общее благосостояние семьи.

Таким образом, среди домохозяйств Беларуси на уровне практик в большей степени распространена традиционная модель распределения ролей между женщинами и мужчинами (модель «кормильца»). Дальнейшие измерения в рамках исследования «Поколения и гендер» позволят выявить динамику фактического участия в семейных практиках, предоставив ценную информацию для оценки успешности предпринимаемых шагов по сокращению гендерного неравенства в нашей стране.

Раздел VII. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

ГЛАВА 17. Профессиональные и образовательные траектории белорусов: гендерные и поколенческие различия

С. Кройтор

В последние несколько десятилетий развитие белорусского общества сопровождается рядом серьезных изменений, вызванных переходом к инновационной экономике. Знания и информация сегодня становятся ключевыми ресурсами развития как общества в целом, так и отдельной личности.

От готовности и умения индивида наращивать свой человеческий потенциал, то есть овладевать знаниями и конвертировать их в другие виды ресурсов (доход, статус, престиж, власть), во многом зависит успешность реализации им своего жизненного проекта. Иначе говоря, в новых условиях возникают новые виды образовательных и профессиональных стратегий, выстроенные вокруг понимания особой ценности знаний. А поскольку образовательная и профессиональная деятельность современного человека все больше характеризуются непрерывностью и постоянно пересекаются между собой, то более оправданным с методологической точки зрения, на наш взгляд, будет употребление понятия траекторий.

В рамках данной работы *образовательную траекторию* мы будем рассматривать как процесс продвижения индивида по ступеням основного формального образования, сопровождаемый освоением определенных компетенций и завершающийся получением официального документа о прохождении соответствующего образовательного этапа (диплома об окончании вуза, аттестата об окончании средней школы, свидетельства о повышении квалификации и т. д.). Мы отдаем себе отчет в том, что образовательная траектория также включает в себя приобретение новых компетенций в ходе участия в образовательных практиках, осуществляемых за пределами системы формального образования, в том числе посещение различных информационных мероприятий, занятий любой направленности, языковых курсов, а также самообразовательной активности. Тем не менее в данной публикации мы сознательно ограничиваемся рассмотрением аспекта формального образования в силу специфики имеющихся в нашем распоряжении эмпирических данных.

Под *профессиональной траекторией* мы будем понимать процесс перемещения индивида на рынке труда между разными позициями, различающимися уровнем оплаты труда, статусом профессии, содержанием выполняемых обязанностей, характером работы и т. д. В данном случае за основу взято определение профессиональной траектории, предложенное Г.А. Чередниченко [69].

Мы также будем пользоваться понятием образовательно-профессиональной траектории, когда целью того или иного утверждения будет показать, как образовательное и профессиональное поведение связаны между собой, какое влияние образование оказывает на работу и карьеру, а возможно, и наоборот, каким образом труд и карьера могут воздействовать на образовательную активность индивида.

Итак, в рамках данной статьи мы попытаемся реконструировать некоторые аспекты формирования образовательных и профессиональных траекторий современных белорусов с учетом специфики их гендерных и межпоколенческих различий, а также проанализируем условия, в которых эти траектории складываются. При реализации указанных исследовательских задач мы будем опираться главным образом на массив данных, полученных в рамках исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов».

Место женщины и мужчины в социально-профессиональной структуре белорусского общества. Согласно полученным данным, образовательный потенциал женщин в Беларуси несколько превышает образовательный потенциал мужчин. Так, например, доли респондентов с высшим образованием в структуре женского и мужского населения составляют соответственно 33,8 и 29,9 %, со средним специальным – 37,5 и 33,6 %. Это небольшое смещение доли лиц с высшим образованием в сторону женщин сохраняется и в структуре гендерного распределения работников предприятий всех форм собственности, где уровень достигнутого женщинами образования несколько превышает уровень образованности мужчин. На этом этапе анализа различия между полами невелики, однако они углубляются по мере дальнейшей дезагрегации данных.

В частности, если обратиться к показателям, характеризующим положение представителей обоих полов на предприятиях разных форм собственности, в зависимости от занимаемых статусных позиций и характера выполняемой работы, мы видим ряд довольно ощутимых различий в особенностях формирования образовательно-профессиональных траекторий мужского и женского населения современной Беларуси.

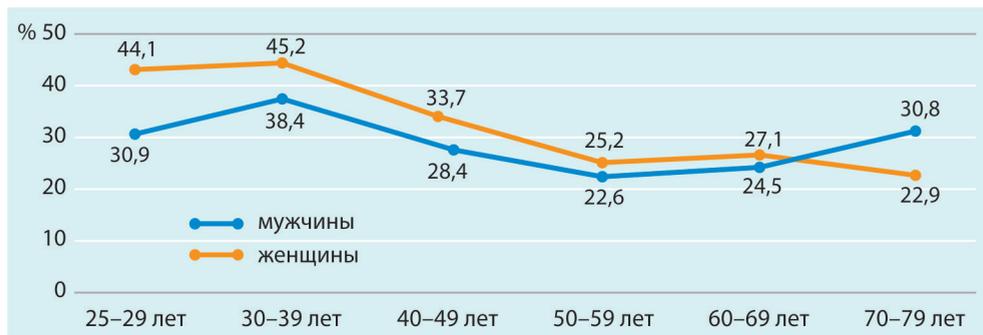
Так, например, доля мужчин, работающих по найму на предприятиях частной формы собственности, на 13,5 % превосходит долю женщин (соответственно 56,7 и 43,3 %). В государственных организациях ситуация обратная: здесь соотношение численности женщин и мужчин составляет 54,2 к 45,8 %.

При этом доля мужчин среди руководителей предприятий обеих форм собственности существенно превышает долю женщин. На частных предприятиях это соотношение составляет 63,4 к 36,6 %, на государственных – 57,4 к 42,6 %. Что касается распределения долей мужчин и женщин – руководителей с высшим образованием, то на частных предприятиях соотношение мужчин и женщин с высшим образованием среди руководителей составляет 64,5 к 35,5 %, а на государственных – 57,6 к 42,4 %.

Исходя из набора должностей и характера труда, предложенного респондентам в ходе опроса, можно построить рейтинг наиболее распространенных среди мужчин и женщин типов выполняемой работы. В топ-5 функций, выполняемых мужчинами, вошли работа специалиста-профессионала, квалифицированного рабочего промышленности, специалиста-техника, неквалифицированного работника и руководителя. Женщины чаще всего занимают должности специалистов-профессионалов; работников сферы обслуживания и торговли; неквалифицированных работников; служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием, и специалистов-техников.

Распределение в зависимости от формы собственности предприятия имеет некоторые особенности. Так, на частных предприятиях должность руководителя не попадает в рейтинг должностей, наиболее часто занимаемых мужчинами, в то время как в рейтинге женских позиций она появляется, хоть и на последнем – 5-м месте.

Образовательные и профессиональные траектории представителей разных возрастных групп. Достигнутый уровень образования белорусов имеет четкую связь с возрастом: в более старших возрастных группах уровень образованности заметно снижается по сравнению с более молодыми³⁷ (рис. 78).

Рис. 78. Соотношение мужчин и женщин с высшим образованием в разных возрастных группах респондентов

Частные предприятия имеют более молодой кадровый состав, чем государственные. Так, например, доля работников в возрасте до 40 лет в организациях частной формы собственности составляет 61,0 %, в то время как для государственных значение этого показателя зафиксировано на уровне 44,2 %. Аналогичная тенденция характерна и для руководящего состава: на частных предприятиях руководящие должности зачастую занимают более молодые сотрудники, чем на государственных. Так, например, наибольшая доля руководителей частных предприятий приходится на респондентов в возрасте 30–39 лет (34,6 %), в то время как на государственных предприятиях наибольшая численность руководящего состава сосредоточена в возрастной группе 50–59 лет (30,0 %).

Как уже упоминалось, высокий динамизм процессов, протекающих в современном обществе, приводит к быстрому устареванию знаний и необходимости их постоянного обновления. В этом контексте одним из важнейших качеств современного работника является его способность осваивать новые знания и навыки. Именно готовность постоянно учиться, повышать квалификацию, совершенствовать умения является сегодня одним из важнейших условий поддержания конкурентоспособности индивида на рынке труда. Полученные данные позволяют оценить один из аспектов этой проблемы, а именно: изучить вовлеченность индивидов, уже имеющих документ об окончании профессионального учебного заведения (и, следовательно, обладающих профессией), в практики формального образования в течение 12 месяцев, предшествующих дате опроса.

³⁷ Невысокая доля респондентов с высшим образованием среди молодых людей в возрасте 25–29 лет.

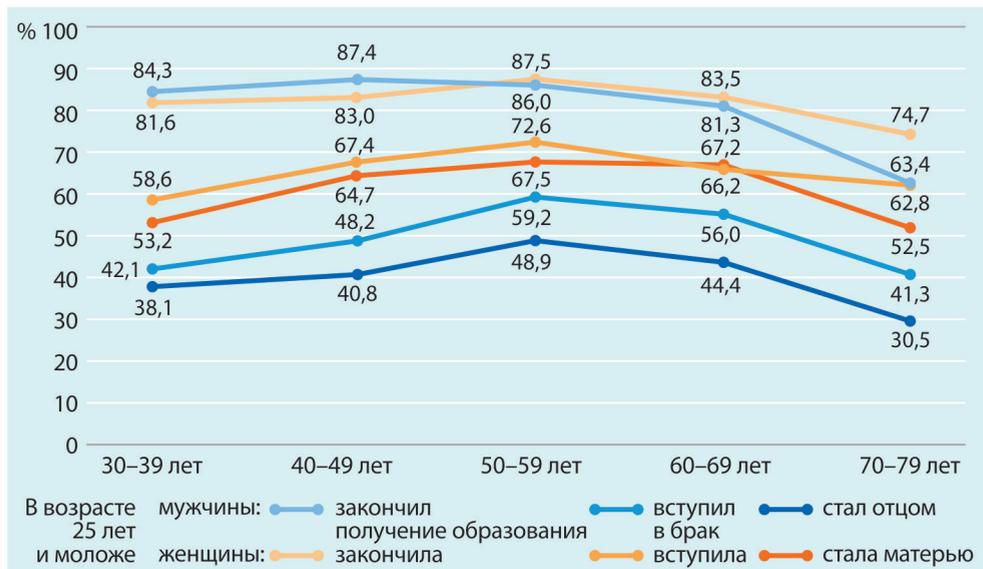
Здесь следует признать, что мы можем только предполагать, какими мотивами руководствовались респонденты, принимая решение о возобновлении образовательной деятельности, поскольку факторов, влияющих на принятие такого решения, может быть множество: собственная инициатива, рекомендация руководства, обязательное условие продвижения по служебной лестнице и т. д. Однако нам представляется, что активная образовательная позиция индивида уже является определенным свидетельством его гибкости, готовности к новому, способности адаптироваться к изменениям. По данным опроса, доля таких респондентов невелика. Она составила 4,7 % от общей численности людей, принявших участие в исследовании.

Изучение группы респондентов, уже имевших профессию, но при этом продолжавших образование на момент опроса, представляет определенный интерес. Кто эти люди и чем они отличаются от остальных? Согласно полученным результатам, большинство этой активной группы составляет высококвалифицированный персонал (41,2 %) государственных предприятий (70,3 %) в возрасте до 30 лет (74,7 %) с высшим (45,8 %) и средним специальным (43,7 %) образованием, т. е. речь идет о молодых кадрах с высоким уровнем образования и высокой квалификацией. Эта информация подтверждает общую тенденцию, которая заключается в том, что с повышением уровня образования индивида растет и уровень осознания им образования как источника развития своего человеческого, профессионального, карьерного потенциала. Иначе говоря, чем более высокого уровня образования достиг человек, тем лучше он, как правило, понимает необходимость дальнейшего совершенствования своих профессиональных знаний и навыков и тем большей ценностью обладает для него образование как ресурс личностного развития, средство поддержания своей конкурентоспособности на рынке труда и условие успеха во всех сферах жизни.

Образовательно-профессиональные траектории населения Беларуси и их взаимосвязь с основными жизненными событиями. Образовательные и профессиональные стратегии интегрированы в жизненные траектории людей и являются их неотъемлемой частью. Каждый человек в своей жизни проходит несколько важных этапов: получение образования, вступление в брак, рождение детей. Все эти события влияют друг на друга: одни из них могут способствовать приближению других или, наоборот, отодвигать или снижать вероятность их наступления.

Как упоминалось выше, в связи с переходом к экономике знаний и ростом востребованности образования в обществе формат образовательно-профессиональных траекторий людей в последние десятилетия претерпевает существенные изменения. Эти изменения выражаются, прежде всего, в росте продолжительности образования современного человека, что, в свою очередь, приводит к ряду последствий. Одно из самых важных из них – более поздний выход молодых поколений работников на рынок труда по сравнению с их предшественниками. А поскольку молодые люди все больше времени своей молодости посвящают учебе, а затем стараются реализовать свои карьерные устремления, вступление в брак и рождение первых детей зачастую откладываются на более поздние возрасты. Все эти процессы характерны и для Беларуси, и это подтверждается данными исследования.

В публикациях, посвященных анализу образовательно-профессиональных траекторий, в качестве условного рубежа, на котором происходит переход от получения профессионального образования к началу трудовой деятельности, используется возраст 25 лет [20, 69]. То есть предполагается, что молодые поколения, в отличие от старших, все чаще завершают учебу и устраиваются на свою первую работу на 25-м году жизни или позже, и под влиянием этих событий происходит дальнейшее изменение профилей их жизненных траекторий. Чтобы показать, как выглядит в этом контексте белорусская реальность, мы построили рис. 79 по трем важным жизненным событиям, включая окончание образования, вступление в брак и рождение первого ребенка.

Рис. 79. Доли мужчин и женщин, завершивших получение образования, вступивших в брак и впервые ставших отцом/матерью в возрасте 25 лет и моложе, в разных возрастных когортах белорусов

На рис. 79 видно, как со временем изменяются траектории разных возрастных групп населения Беларуси. Действительно, возраст окончания образования, вступления в первый брак и рождения первого ребенка в более молодых группах выше, чем в старших. При этом бросается в глаза, что образовательное поведение белорусов изменяется намного медленнее, чем демографическое, т. е. молодые люди ощутимо позже вступают в брак и заводят детей, чем представители старших возрастных групп, но при этом по возрасту завершения формального образования отличаются от своих предшественников в заметно меньшей степени. Основываясь на полученных данных, можно также говорить о гендерной специфике образовательных и жизненных траекторий респондентов. Она касается того, как указанные жизненные события соотносятся в рамках жизненного пути респондентов, и выражается, в частности, в том, что мужчины, составляющие более молодые группы, вступают в брак и заводят детей заметно позже женщин одного с ними возраста, и, судя по имеющимся данным, это связано не с продолжением учебы (или не только с этим).

На основании анализа гендерных и межпоколенческих различий формирования образовательных и профессиональных траекторий населения Беларуси, проведенного в рамках статьи, можно сделать ряд выводов.

1. Уровень образования женщин в Беларуси несколько превышает уровень образования мужчин; эта ситуация сохраняется и в структуре гендерного распределения работников предприятий всех форм собственности.
2. Уровень образования белорусов имеет четкую связь с возрастом: в более старших возрастных группах он заметно выше по сравнению с более молодыми группами.
3. Частные предприятия имеют более молодой кадровый состав, чем государственные. Аналогичная тенденция прослеживается и среди руководящих работников: на частных предприятиях управленческие должности, как правило, занимают более молодые сотрудники, чем на государственных.
4. Среди людей, имеющих профессию, решение о начале нового этапа формального образования чаще других принимают молодые (до 30 лет) высококвалифицированные работники государственных предприятий с высоким уровнем образования.
5. Возраст окончания образования, вступления в первый брак и рождения первого ребенка в более молодых группах выше, чем в старших. При этом образовательное поведение населения Беларуси изменяется намного медленнее, чем демографическое, т. е. молодые люди ощутимо позже вступают в браки и заводят детей, чем переживали эти события представители старших возрастных групп, но при этом по возрасту завершения формального образования отличаются от своих предшественников в заметно меньшей степени.

ГЛАВА 18. Материальное благосостояние белорусских домохозяйств: социально-демографический контекст

В. Пинязик

Анализ материального благосостояния на уровне домохозяйств является современным направлением исследования благосостояния населения и позволяет рассмотреть различные аспекты социально-экономического и социально-демографического развития домохозяйств в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Социологическое исследование «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», проведенное по методологии международной программы «Поколения и гендер», подтвердило данный тезис и предоставило возможность выявить особенности формирования и развития материального благосостояния белорусских домохозяйств в социально-демографическом контексте.

Уровень материального благосостояния значим для формирования стиля и образа жизни индивида и его семьи, репродуктивных установок родителей, стартовых жизненных возможностей детей, реализации жизненных стратегий всех членов домохозяйства, условий их проживания. В свою очередь, материальное благосостояние также находится под влиянием факторов социально-демографического характера, включающих возраст, семейное положение индивида, состав домохозяйства, гендерные установки, брачные, репродуктивные намерения и др.

Для исследования материального благосостояния определены следующие блоки показателей: доходы; сбережения; собственность. Обращение одновременно к нескольким блокам вместо использования лишь блока «доходы» соответствует подходу, основывающемуся на многомерных оценках уровня жизни. Приверженность такому подходу в настоящем исследовании обуславливается также: проблемным полем, предусматривающим анализ материального благосостояния не в экономическом (узком), а в социально-демографическом (широком) контексте; отсутствием ответов о расходах или располагаемых ресурсах домохозяйства; неточностью или неполнотой ответов о годовом доходе и других обстоятельствами.

Следует также отметить, что в блоке «доходы» вместо наиболее распространенного показателя – «среднедушевые доходы населения (домохозяйства)» используются данные о неравенстве по доходам. Одна из причин этого – высокая информативность данных о стратификации для анализа материального благосостояния, раскрывающая не только уровень доходов, но и удельный вес в выборке наименее и наиболее обеспеченных домохозяйств. Другая причина связана с тем, что исследование доходов в рамках социологических опросов практически всегда дает более точную и полную информацию, если вместо суммирования всех видов доходов среди всех членов домохозяйства респонденту предоставляется возможность отнести себя (свое домохозяйство) к той или иной группе по заданному диапазону доходов. Нельзя также не согласиться

и с такой точкой зрения: «Распределение доходов отражает распределение ресурсов между людьми, показывая, какими возможностями они располагают и каким ограничениям они подвержены в осуществлении своих функций, в которых сосредоточены основные движущие силы экономических и демографических процессов» [72].

В социологическом исследовании определены 8 страт или, иными словами, 8 групп домохозяйств, сформированных по диапазону ежемесячного дохода. Распространение метода стратификации выборки не только на исследование доходов, сбережений и собственности, но и на анализ материального благосостояния в социально-демографическом контексте отражает суть авторского подхода, использованного при проведении настоящего исследования. Его характерным признаком является использование для стратификации как объективных данных (отнесение респондентом своего домохозяйства к той или иной страте – диапазону доходов), так и субъективных оценок (оценка респондентом, как его домохозяйство «сводит концы с концами»). Важность измерения благосостояния с использованием объективных данных и субъективных оценок, как правило, не вызывает разногласий среди современных исследователей, работающих на национальных уровнях, а также при осуществлении международных сравнений [31, 119].

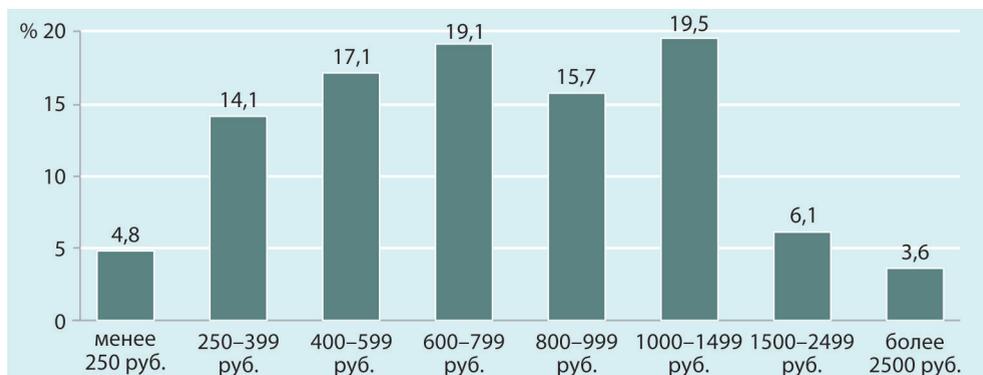
К основным показателям, характеризующим социально-демографический контекст материального благосостояния, отнесены: партнерские (брачные) и репродуктивные намерения респондента. Выбор данных показателей обусловлен их способностью выступать в роли как факторов, так и последствий материального благосостояния, а также иллюстрировать субъективное мнение по поводу партнерских (брачных) и репродуктивных намерений.

Таким образом, в область исследования материального благосостояния в социально-демографическом контексте включены: доходы, сбережения, собственность, партнерские (брачные) и репродуктивные намерения.

Общая характеристика материального благосостояния домохозяйств. Вопрос о годовом доходе домохозяйства в рамках Социологического исследования вызвал затруднения у значительной части респондентов. Ответы на него дали 15,7 % опрошенных. Несмотря на такое незначительное представительство доли ответивших среди всех респондентов, полученные ответы весьма информативны, так как основные социально-демографические характеристики ответивших и не ответивших на этот вопрос практически полностью совпадают. В среднем на одно домохозяйство за вычетом налогов и обязательных взносов в Фонд социальной защиты населения приходилось 9 228,3 бел. руб. за год. Медианное значение данного показателя составило при этом 8 290,0 бел. руб., означающее, что у половины ответивших доходы составили менее 700 бел. руб. в месяц в расчете на домохозяйство в целом.

Несущественные отличия средних и медианных значений, как правило, свидетельствуют о невысоком уровне неравенства домохозяйств по доходам. Это подтверждается картиной распределения домохозяйств по стратам (группам). Социологическое исследование показало следующие особенности распределения обследованных домохозяйств по величине их ежемесячного дохода:

- незначительный удельный вес наименее и наиболее обеспеченных домохозяйств, относящихся, соответственно, к диапазонам доходов «менее 250 бел. руб.» и «2 500 бел. руб. и более»;
- относительно высокую долю домохозяйств с доходами, превышающими наименее обеспеченные домохозяйства в 2–2,5 раза (рис. 80).

Рис. 80. Распределение домохозяйств по величине ежемесячного дохода, % к общему числу ответивших (N = 7 265)

Такое распределение в целом соответствует распределению домохозяйств по величине среднедушевых располагаемых ресурсов по результатам выборочного обследования домашних хозяйств (далее – ОДХ) по уровню жизни, регулярно проводимого Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь (далее – Белстат). Так, расчеты по материалам ОДХ за 15-летний период³⁸ свидетельствуют, что группа домохозяйств со среднедушевыми располагаемыми ресурсами до 1 БПМ³⁹ сократилась существенно (с 24,7 до 4,1 %), группа домохозяйств со среднедушевыми располагаемыми ресурсами выше 3 БПМ возросла (с 6,3 до 23,3 %), но доля группы со среднедушевыми располагаемыми ресурсами от 1 до 2 БПМ, хотя и снизилась, однако осталась весьма значительной – 39,2 % всех домохозяйств.

Общая картина распределения домохозяйств по объективным данным о доходах (как по материалам Социологического исследования, так и ОДХ) позволяет отметить, что в Республике Беларусь неравенство по доходам не существенно. Это связано главным образом с малой численностью домохозяйств с наименее и наиболее высокими доходами, и практически равномерным распределением домохозяйств по группам от 250 до 1 500 бел. руб. Невысокий уровень неравенства подтверждают данные ОДХ, в соответствии с которыми соотношение среднедушевых располагаемых ресурсов 20 % наиболее и 20 % наименее обеспеченных домохозяйств сохраняется в течение последних 15 лет на уровне 4,0–4,5 раз.

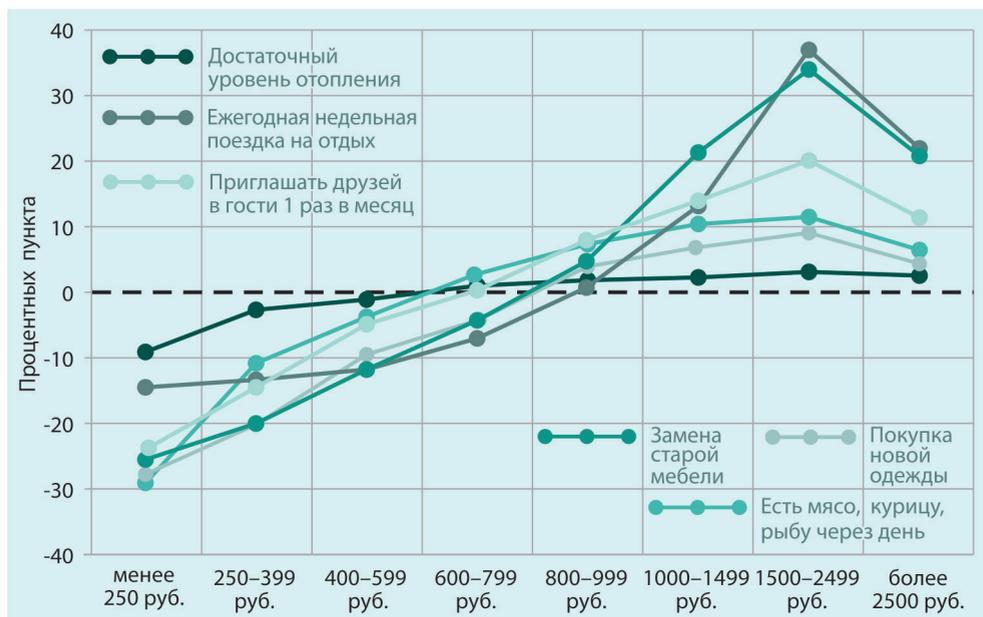
³⁸ Расчеты автора на основании данных Национального статистического комитета Республики Беларусь по результатам выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни за 2002 и 2016 гг.

³⁹ БПМ (бюджет прожиточного минимума) – стоимостная величина необходимого для сохранения здоровья человека, обеспечения его жизнедеятельности минимального набора продуктов питания и непродовольственных товаров и услуг, а также обязательные платежи и взносы.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть такую особенность неравенства по доходам как наличие значительной доли домохозяйств с доходами ниже среднего значения по выборке. Об этом наглядно свидетельствует смещение траектории распределения в сторону наименее обеспеченных домохозяйств. Для домохозяйств, указавших на диапазоны ежемесячного дохода до 250 бел. руб. и от 250 до 400 бел. руб., такая особенность означает, скорее всего, риск малообеспеченности, так как даже верхняя граница 2-го диапазона (400 бел. руб.) составляет не более 2-х среднедушевых БПМ, действовавших в период Социологического исследования. Очевиден вывод, что для домохозяйств, в которых совокупные доходы не превышают 400 бел. руб., увеличение числа их членов усиливает риск малообеспеченности.

Дополнительно содержание риска малообеспеченности белорусских домохозяйств раскрывается через анализ материальных деприваций, присущих отдельным домохозяйствам. Так, достаточный уровень отопления в доме могут себе позволить 92,2 %, есть мясо, курицу или рыбу через день – 84,9 %, приобрести новую одежду – 80,3 %, приглашать друзей или семью в гости хотя бы раз в месяц – 73,8 %, осуществлять замену старой мебели – 40,8 %, ежегодную недельную поездку на отдых – 24,8 % опрошенных.

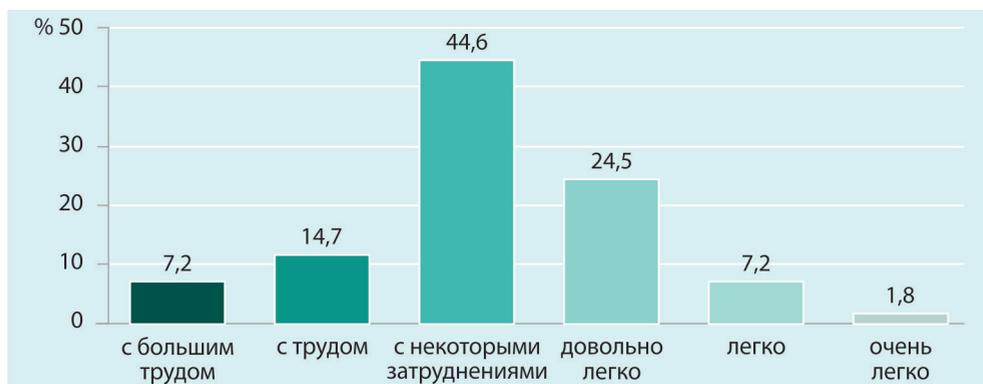
Если достаточный уровень отопления доступен как наименее, так и наиболее обеспеченным домохозяйствам, то по всем другим перечисленным направлениям потребительских расходов в каждой группе домохозяйств (по диапазону ежемесячного дохода) наблюдаются значительные отклонения от средних значений по выборке.

Рис. 81. Отклонение возможностей домохозяйств (с разным уровнем ежемесячного дохода) в осуществлении основных потребительских расходов от средних значений по выборке, процентных пунктов

Наибольший коридор колебания отмечается в отношении ежегодной недельной поездки на отдых. В группе с доходами от 1 500 до 2 499 бел. руб. превышение среднего значения по выборке составило 33,2 процентного пункта, в группе с доходами менее 250 бел. руб. – отклонение отрицательное и равно 14,1 процентного пункта (рис. 81). Ежегодную недельную поездку на отдых считают доступной для себя только 10,7 % наименее обеспеченных домохозяйств против 58,0 % домохозяйств с доходами от 1 500 до 2 499 бел. руб.

Данные исследования предоставили возможность не только рассмотреть объективные данные по доходам, включая неравенство и материальные депривации, но и получить субъективные оценки домохозяйств по поводу их доходов. Нельзя не подчеркнуть высокую активность респондентов при ответе на вопрос, как их домохозяйство «сводит концы с концами». На этот вопрос ответили 96,6 % опрошенных. Среди них 33,5 % домохозяйств справляются со своими материальными затратами «очень легко», «легко» и «довольно легко» (рис. 82).

Рис. 82. Субъективная оценка ежемесячных доходов, как домохозяйство «сводит концы с концами» (N = 9655), % к общему числу ответивших

Примечательно, что в группе домохозяйств с наименьшими доходами (менее 250 бел. руб.), такой ответ дали 16,7 % опрошенных. В это же время в домохозяйствах с доходами от 1 500 до 2 499 бел. руб. оптимизм по поводу легкости решения материальных проблем характерен лишь для 67 % домохозяйств.

Так как материальное благосостояние является важным элементом благосостояния в целом, то вполне закономерно, что субъективная оценка ежемесячных доходов нашла отражение в ответах респондентов на вопрос об ощущении счастья и предложении охарактеризовать его по шкале от 0 до 10.

Анализ показал присутствие, хотя и незначительное, домохозяйств, которые, по их мнению, с трудом (с трудом + с большим трудом) «сводят концы с концами», среди тех, кто оценил свое состояние по шкале счастья от 8 до 10 баллов, а также присутствие домохозяйств, которые легко (легко + довольно легко + очень легко) «сводят концы с концами», среди тех, кто оценил свое состояние по шкале счастья не выше 3 баллов. Вместе с тем связь между легкостью решения проблем, связанных с доходами, и ощущением счастья в белорусских домохозяйствах очевидна (рис. 83).

Рис. 83. Связь субъективных оценок доходов (как домохозяйство «сводит концы с концами») и ощущения счастья в домохозяйствах

На субъективную оценку доходов оказывают влияние многие факторы, в том числе наличие в домохозяйствах сбережений. Приверженность сберегательным стратегиям формирует экономическую устойчивость домохозяйств. Социологическое исследование продемонстрировало, в какой мере и в каких формах домохозяйства осуществляют сбережения (табл. 18).

Таблица 18. Распространение отдельных форм сбережений среди домохозяйств с разным уровнем ежемесячного дохода, % к числу ответивших в каждой группе

Форма сбережений	Группа по диапазону ежемесячного дохода, бел. руб.							
	менее 250	250–399	400–599	600–799	800–999	1 000–1 499	1 500–2 499	более 2 500
Банковские счета, сберегательные вклады	7,7	10,3	11,1	13,4	18,3	23,5	33,0	29,6
Государственные или корпоративные облигации	0,3	0,8	0,5	0,4	1,7	0,8	2,1	1,2
Акции	1,4	1,3	1,4	0,9	1,8	2,1	4,8	2,7
Персональные пенсионные счета	2,0	5,8	4,7	6,6	7,0	5,4	6,8	7,7

Данные табл. 18 свидетельствуют, что для части домохозяйств, даже находящих в группе риска малообеспеченности, характерно наличие банковских счетов, персональных пенсионных счетов и иных форм сбережений, что свидетельствует об их стремлении к самостоятельной поддержке экономической устойчивости своих домохозяйств.

Также опрос показал, что лишь 2,1 % респондентов или их супруги (партнеры) за последние 12 месяцев получали финансовую помощь на сумму не менее 250 евро. Наследовали деньги, товары или имущество на сумму более 5000 евро 2,9 % респондентов или их супруги (партнеры). Это означает, что те домохозяйства, которые располагают средствами экономической устойчивости, даже при невысоких текущих доходах не рассчитывают, как правило, на помощь извне и опираются на собственные финансовые возможности.

Вопрос о стоимости недвижимого имущества, находящегося в собственности домохозяйств, вызвал затруднения у 3/4 общего числа респондентов, вместе с тем о своем жилище сообщили практически все респонденты. Абсолютное большинство респондентов (80,2 %) отметили, что жилье, в котором они проживают, находится в их собственности, 7,8 % арендуют жилье, 4,8 % проживают без арендной платы, но собственниками не являются.

Анализ владения жильем в ракурсе материального неравенства (по величине ежемесячного дохода домохозяйства) позволяет отметить, что только в группе домохозяйств с наименьшими доходами (менее 250 бел. руб.) собственниками жилья являются 75,6 % домохозяйств, а 11,8 % домохозяйств его арендуют. Во всех других группах доля собственников жилья практически одинакова и составляет около 80 %.

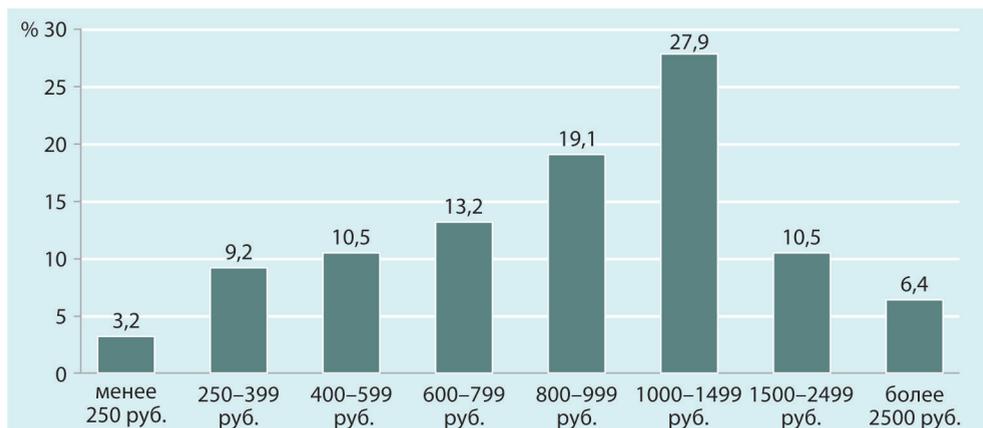
Обследованные домохозяйства, как правило, проживают в 2-х- и 3-комнатных жилищах. Удельный вес однокомнатного жилья – 10,7 %, в 2-х комнатах проживают 36,5 %, в 3-х комнатах – 39,3 % домохозяйств.

Наличие жилья в собственности у большинства домохозяйств, даже несмотря на небольшое количество комнат, оказывает позитивное влияние на удовлетворенность им среди домохозяйств. Так, по 10-балльной шкале удовлетворенности жильем более 62,4 % домохозяйств оценили ее на уровне 8-ми баллов и выше, и только 6,6 % домохозяйств дали оценку менее 5 баллов.

Ценность и значимость жилищных условий для жизнедеятельности домохозяйства, а также его высокая стоимость позволяют многим исследователям считать жилищную обеспеченность, наряду с текущими доходами или другими индикаторами, как самостоятельный критерий неравенства [17].

Социально-демографический контекст материального благосостояния. О значимости финансовых проблем и (или) финансовых возможностей в партнерских отношениях, а также ответственности за данную сторону отношений свидетельствуют ответы по поводу условий, которыми необходимо располагать для начала жизни с партнером: 67,9 % респондентов из 433 человек, высказавшихся об этих условиях, отметили, что финансово они могут себе позволить начать жить с партнером в течение ближайших 3-х лет. Практически каждый третий респондент, намеревающийся в ближайшие 3 года начать жить с партнером, предполагает, что его финансовое положение улучшится.

Репродуктивные намерения респондентов также связаны с уровнем их материальной обеспеченности. Однако следует отметить, что уровень доходов не обуславливает напрямую намерения родить ребенка, так как наряду с финансовыми возможностями респондента и (или) домохозяйства чрезвычайно важны их потребности в детях. Согласно выводам современных демографов, влияние уровня жизни на репродуктивные установки целесообразно рассматривать в группах, однородных не по уровню доходов, а по потребности в детях [5]. Социологическое исследование продемонстрировало, каково финансовое положение респондентов и (или) домохозяйств, намеревающихся в ближайшие 3 года родить ребенка (рис. 84).

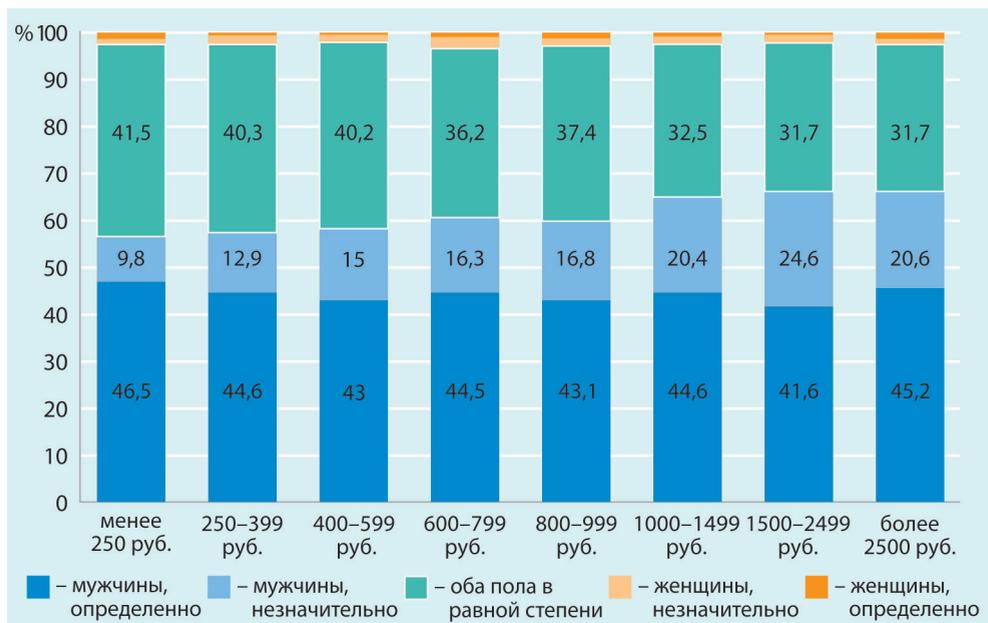
Рис. 84. Распределение домохозяйств, намеревающихся в ближайшие 3 года родить ребенка, по величине ежемесячного дохода (N = 841), %

Среди тех респондентов, кто высказал намерения родить ребенка, практически 60 % проживают в домохозяйствах с доходами от 600 до 1 500 бел. руб., домохозяйства с наименьшими и наибольшими доходами представлены среди них незначительно. Это позволяет сделать предположение, что в пограничных по доходам группах потребность в детях снижается не только под влиянием недостаточного уровня материального благосостояния, но и в связи с высоким уровнем материальных притязаний, по сравнению с которыми намерение родить ребенка гораздо слабее.

Субъективные оценки доходов подтверждают это и позволяют взглянуть на проблему еще глубже, т. е. через трудности или легкость «сведения концов с концами» в материальном плане. В состав тех, кто намеревается родить ребенка в ближайшие 3 года, практически в равной доле входят респонденты и (или) домохозяйства, которые легко справляются с материальными проблемами (44,4 %) и которые испытывают при этом некоторые затруднения – 40,8 % от общего числа респондентов и (или) домохозяйств с репродуктивными намерениями. Это не отрицает взаимосвязи уровня материального благосостояния, формирования, а затем и реализации репродуктивных намерений и установок, но вместе с тем свидетельствует о существовании более глубоких и не всегда явных связей между ними.

Проведенное исследование позволило не только подтвердить уже известные взаимосвязи материального благосостояния, партнерских (брачных) и репродуктивных намерений, но и выявить новые черты материального благосостояния белорусских домохозяйств, исследуемого в социально-демографическом контексте.

Так, на основании ответов на вопрос «Преимущественно чьей задачей (мужчин или женщин) является зарабатывать денег для семьи», можно сделать следующий вывод: с повышением уровня доходов все большее распространение получает мнение, что зарабатывать денег – это обязанность мужчин (рис. 85). Скорее всего, данные ответы отражают действующее положение в домохозяйствах, так как именно домохозяйства с партнерами в большей мере сосредоточены в группе высокообеспеченных домохозяйств.

Рис. 85. Распределение ответов на вопрос «Чьей задачей является зарабатывание денег для семьи» в домохозяйствах с различным уровнем доходов, %

Ответы на такие и аналогичные вопросы, например, о том, кто осуществляет расходы в домохозяйствах, позволяют заключить, что большинству белорусских домохозяйств свойственно воспринимать все деньги в домохозяйствах общими, а ответственными за их зарабатывание считать преимущественно мужчин. Об устойчивости таких воззрений свидетельствуют ответы о частоте разногласий по поводу денег: 49,0 % респондентов из 7234 ответивших на этот вопрос подчеркнули, что таких разногласий у них не бывает, у 30,4 % это случается, но редко, для 3,6 % разногласия по поводу денег часты или постоянны. В целом по выборке распределение ответов свидетельствует о «мирном» решении финансовых проблем в домохозяйствах.

Подытоживая анализ материального благосостояния домохозяйств в социально-демографическом контексте, считаем возможным в качестве заключения сделать следующие основные выводы.

Среди обследованных домохозяйств наблюдается в целом невысокий уровень неравенства по доходам. Доля как наименее, так и наиболее обеспеченных домохозяйств с диапазонами доходов менее 250 бел. руб. и более 2 500 бел. руб. соответственно – незначительна.

Удельный вес домохозяйств с доходами, превышающими доходы наименее обеспеченных домохозяйств в 2–2,5 раза, высок, что свидетельствует о наличии у этой части домохозяйств определенного риска малообеспеченности.

Распределение обследованных домохозяйств по величине ежемесячного дохода в целом соответствует распределению домохозяйств по величине среднедушевых располагаемых ресурсов по результатам ОДХ по уровню жизни, проводимого Белстатом.

Анализ содержания материальных деприваций в обследованных домохозяйствах показал, что первоочередные потребительские расходы (например, отопление дома, питание, приобретение одежды) не вызывают затруднений у абсолютного большинства домохозяйств, но осуществлять замену старой мебели могут позволить себе около 40 %, а осуществлять ежегодную недельную поездку на отдых – около 25 % опрошенных.

Стремление к самостоятельному обеспечению своей экономической устойчивости отмечается у каждого пятого домохозяйства. Банковские счета или сберегательные вклады имеют 7,7 % наименее обеспеченных домохозяйств, 29,6 % – наиболее обеспеченных домохозяйств. Наследовали деньги, товары или имущество на сумму более 5 000 евро лишь 2,9 % респондентов или их супруги (партнеры).

Уровень материальных притязаний для многих домохозяйств невысок, поэтому на основании субъективной оценки своих доходов 33,5 % домохозяйств справляются со своими материальными затратами «очень легко», «легко» и «довольно легко».

Несмотря на то, что среди тех, кто оценивает собственное ощущение счастья как минимальными, так и максимальными баллами, имеются представители домохозяйств с различным уровнем материальной обеспеченности, прямая связь между легкостью решения проблем, связанных с доходами, и ощущением счастья в белорусских домохозяйствах очевидна.

Более 80 % респондентов проживают в собственном жилье. Наличие жилья в собственности у большинства домохозяйств, даже несмотря на небольшое количество комнат (в 3-х комнатах проживают не более 40 % домохозяйств), оказывает позитивное влияние на удовлетворенность им среди домохозяйств. По 10-балльной шкале удовлетворенности жильем более 62 % домохозяйств оценили ее на уровне 8-ми баллов и выше, оценку менее 5-ти баллов дали менее 7 % домохозяйств.

Наличие партнера является существенным фактором улучшения материального благосостояния респондента и (или) домохозяйства, поэтому практически каждый третий респондент, намеревающийся в ближайшие 3 года начать жить с партнером, предполагает, что его финансовое положение улучшится.

Для реализации репродуктивных намерений материальное благосостояние также значимо, но не столько по его уровню на основании объективных данных, сколько по субъективным ощущениям респондента. Среди положительно ответивших на вопрос о репродуктивных намерениях на ближайшие 3 года высока доля не только тех, кто легко справляется со своими материальными проблемами, но и тех, кто имеет некоторые затруднения.

Среди тех респондентов, кто высказал намерения родить ребенка, практически 60 % проживают в домохозяйствах с доходами от 600 до 1 500 бел. руб., домохозяйства с наименьшими и наибольшими доходами представлены незначительно. Потребность в детях снижается не только под влиянием недостаточного уровня материального благосостояния, но и в связи с высоким уровнем материальных притязаний, по сравнению с которыми намерение родить ребенка гораздо слабее.

Половине домохозяйств не свойственны разногласия по поводу денег, у 30 % разногласия случаются редко. В целом для белорусских домохозяйств свойственна общность в формировании и распоряжении доходами.

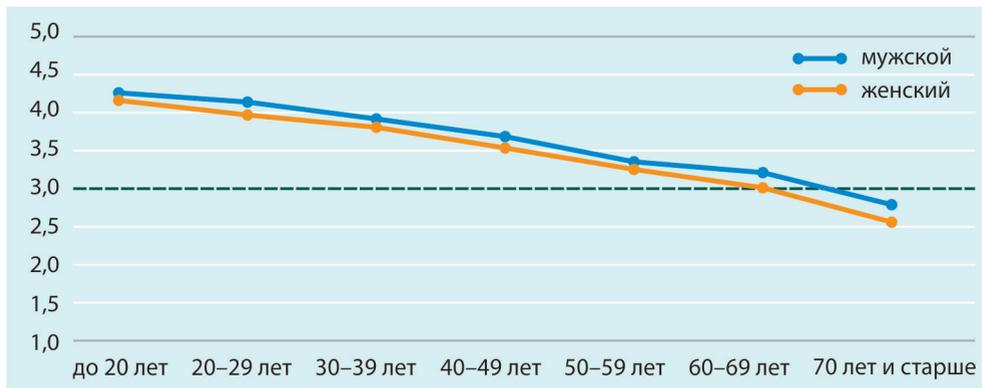
Здоровье является одной из наиболее значимых социальных ценностей и выступает необходимым условием социально-демографического воспроизводства. Оно характеризует общество с точки зрения жизнеспособности и гармоничности развития и в настоящее время рассматривается в качестве критерия прогресса и социального благополучия.

Здоровье представляет собой сложный биосоциальный феномен, характеризующий взаимозависимость индивида и общества. Социальное и экономическое развитие общества во многом определяется состоянием индивидуального здоровья населения. В свою очередь, здоровье индивидов зависит от условий жизни и социальной организации общества.

Здоровье представляет собой многомерную категорию и имеет давнюю традицию изучения. Различают здоровье индивидуальное и общественное; физическое, психическое и социальное; репродуктивное и сексуальное. Все уровни и структурные компоненты здоровья взаимосвязаны и не могут быть рассмотрены изолированно друг от друга.

Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [67]. В определении здоровья, сформулированном ВОЗ, подчеркивается важность душевного или психического здоровья, которое является неотъемлемой частью и важнейшим компонентом здоровья в целом. По определению ВОЗ «психическое здоровье – это состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество. В этом позитивном смысле психическое здоровье является основой благополучия человека и эффективного функционирования сообщества» [47]. Такое понимание здоровья позволяет исследовать его во взаимосвязи с различными социальными, социально-экономическими, социально-психологическими и социально-культурными детерминантами.

Согласно результатам исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов», в целом по Республике Беларусь самооценка здоровья населения (по 5-балльной шкале, где 5 – «очень хорошее», а 1 – «очень плохое») составляет 3,56 балла (выше средней). При этом самооценка здоровья снижается (рис. 86) по мере увеличения возраста опрашиваемых от значения 4,22 баллов у лиц, не достигших 20 лет, до 2,65 баллов в возрастном интервале 70–79 лет (единственная возрастная группа, в которой средняя оценка здоровья ниже среднего значения по республике).

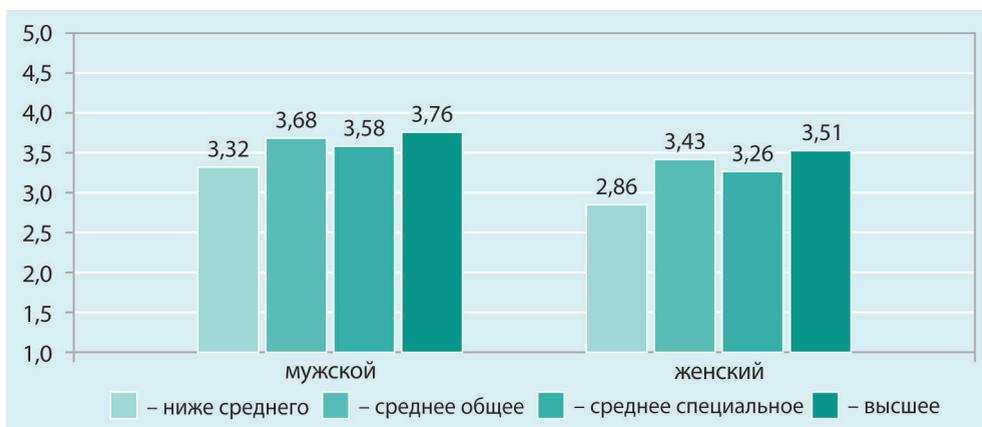

Рис. 86. Распределение индекса самооценки здоровья населения, мужчин и женщин, по полу, в разрезе возраста, в баллах
(5 баллов соответствует оценке здоровья «очень хорошее», 4 – «хорошее», 3 – «нормальное», 2 – «плохое», 1 – «очень плохое»)

Согласно полученным данным, во всех возрастных группах мужчины более высоко оценивают свое здоровье, по сравнению с женщинами. Эти различия более выражены в возрасте старше 60 лет. Вместе с тем ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении женщин выше, чем мужчин (79 лет против 68,9; данные 2017 г.).

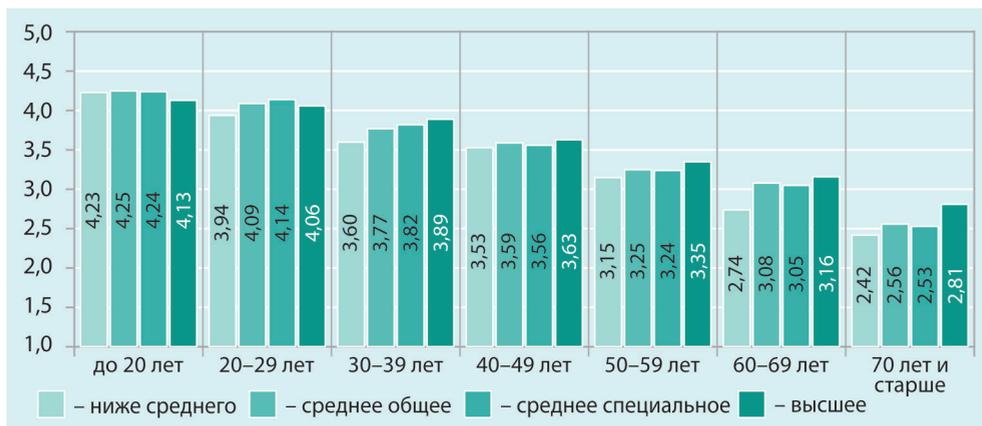
Различия в уровне самооценки здоровья городского и сельского населения не выявлены.

Уровень самооценки здоровья в определенной мере зависит от уровня образования населения: респонденты, имеющие высшее образование, отметили наиболее высокие самооценки здоровья (рис. 87).

Рис. 87. Индекс самооценки здоровья мужчин и женщин в зависимости от уровня образования, в баллах

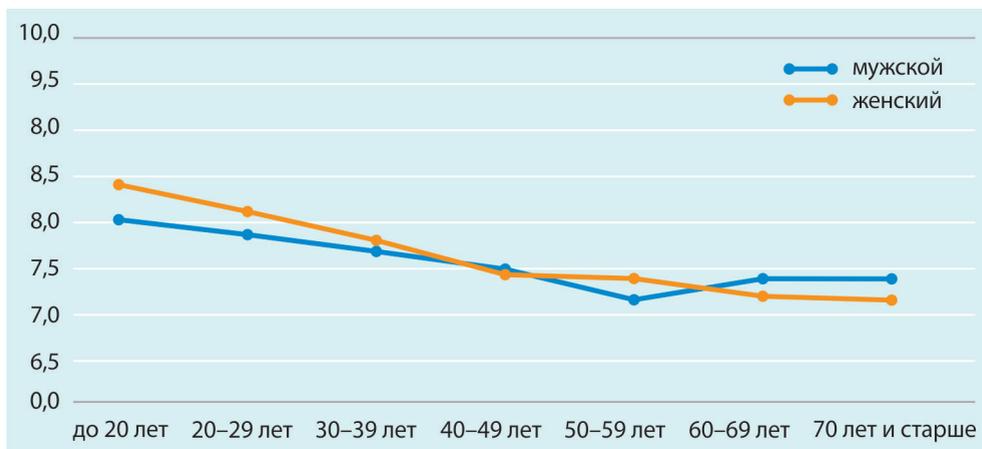
Низкая самооценка здоровья в группе лиц с уровнем образования «ниже среднего» может быть обусловлена возрастом, поскольку среди респондентов с неполным средним образованием высока доля представителей старших возрастов (рис. 88).

Рис. 88. Индекс самооценки здоровья в разрезе возраста в зависимости от уровня образования, в баллах

Наиболее высокая самооценка здоровья у респондентов с высшим образованием отмечена во всех возрастных группах, за исключением респондентов в возрасте «до 20 лет» и «20–29 лет»; этот период совпадает по времени с получением образования, в т. ч. высшего.

Уровень удовлетворенности жизнью населения, измеренный по 10-балльной шкале, достаточно высок как у мужчин, так и у женщин, его значение во всех возрастных группах не превышает 7 баллов. В возрасте до 50 лет наблюдается небольшое снижение уровня удовлетворенности по мере увеличения возраста, а после 50 лет наблюдается стабилизация показателя (рис. 89).

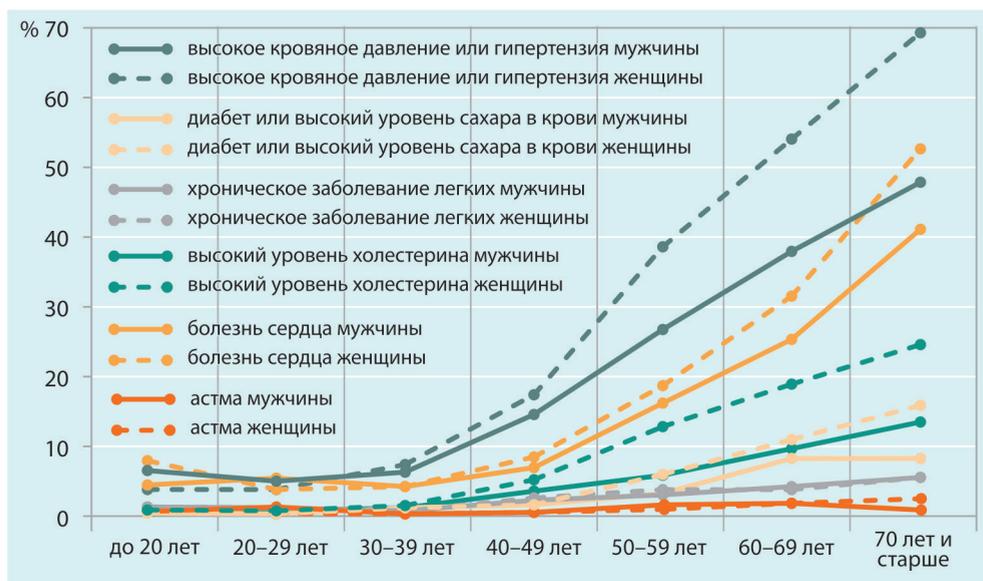
Рис. 89. Уровень удовлетворенности жизнью мужчин и женщин в зависимости от возраста

Рассмотрение самооценки здоровья в соотнесении с удовлетворенностью жизнью позволило выявить взаимосвязь между этими показателями (табл. 19). Уровень удовлетворенности жизнью снижается по мере ухудшения самооценки здоровья. В группе респондентов, оценивших свое здоровье как «очень плохое», среднее значение удовлетворенности составило 5,13; в группе с самооценкой здоровья «очень хорошее» значение показателя удовлетворенности – 8,27.

Таблица 19. Оценка удовлетворенности жизнью в зависимости от самооценки здоровья

Самооценка здоровья	Насколько Вы в целом удовлетворены сегодня своей жизнью? (среднее арифметическое)
Очень хорошее	8,27
Хорошее	7,93
Среднее	7,23
Плохое	6,32
Очень плохое	5,13

Попытка объективизации данных о состоянии здоровья через опрос об имеющихся хронических заболеваниях (патологических состояниях) и проведенный анализ данных показал, что среди отмеченных заболеваний преобладают такие как «высокое кровяное давление или гипертензия» и «болезни сердца» (рис. 90). Это соответствует данным официальной статистики Министерства здравоохранения Республики Беларусь: уровень общей (накопленной) заболеваемости болезнями системы кровообращения (в понимании населением включающие «высокое кровяное давление или гипертензия» и «болезни сердца») является самым высоким (среди всех заболеваний) и в 2016 г. составил 33 121,1 человек на 100 000 населения старше 18 лет [24].

Рис. 90. Распространенность заболеваний (хронических состояний) среди мужчин и женщин в зависимости от возраста, в % от числа опрошенных

Почти для всей отмеченной населением у себя патологии среди женского населения отмечен более выраженный рост ее распространенности по мере увеличения возраста. Исключение – хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ), что может быть обусловлено таким фактором риска, как курение. При этом именно наличие/отсутствие ХОБЛ демонстрирует самые большие различия в удовлетворенности жизнью (табл. 20).

Таблица 20. Удовлетворенность жизнью и самооценка здоровья в зависимости от наличия/отсутствия ХОБЛ

Хроническая обструктивная болезнь легких	Насколько Вы в целом удовлетворены сегодня своей жизнью в настоящее время? (от 0 до 10)	Индекс самооценки здоровья (от 1 до 5), баллы
Есть	6,72	2,93
Нет	7,58	3,58
Итого	7,56	3,56

Исследование «Поколения и гендер» предоставляет возможность оценить распространенность (согласно ответам респондентов) такого значимого фактора риска (ФР), как избыточная масса тела. Индекс массы тела (ИМТ) – величина, которая является производной от 2-х параметров – рост и вес, – имеет свои оценочные критерии (весьма понятные и легко рассчитываемые) и является общепринятым показателем такого ФР, как «избыточная масса тела/ожирение» (ИМТ/О), измеряемого в кг/м²:

$$ИМТ = m/h^2,$$

где m – масса тела в килограммах;

h – рост в метрах.

Интерпретация значений ИМТ представлена в табл. 21.

Таблица 21. ИМТ и масса тела

Индекс массы тела	Соответствие между массой человека и его ростом
16 и менее	Выраженный дефицит массы тела
16,00–18,49	Недостаточная (дефицит) масса тела
18,50–24,99	Норма
25,00–29,99	Избыточная масса тела (предожирение)
30, 0 и выше	Ожирение:
30,00–34,99	первой степени
35,00–39,99	второй степени
40 и более	третьей степени (морбидное)

На рис. 91 представлено распределение ИМТ среди мужского и женского населения республики по возрасту.

Чаще всего нормальная масса тела регистрируется у мужчин в возрасте до 20 лет (81,3 %). У женщин этой возрастной группы, по сравнению с мужчинами, более чем в 10 раз выше уровень распространенности ИМТ ниже нормы (22,4 против 1,9 %), в то время как среди мужчин в этом возрасте более распространен ИМТ выше нормы (14,8 против 6,9 %). В дальнейшем с возрастом среди представителей обоих полов наблюдается выраженное негативное изменение (увеличение) данного параметра, и уже в возрасте старше 30 лет у мужчин и 40 у женщин доля лиц с избыточной массой тела начинает превышать долю лиц с нормальным ИМТ (см. рис. 91). При этом выявлено, что отклонения от нормы ИМТ ухудшают самооценку здоровья (рис. 92).

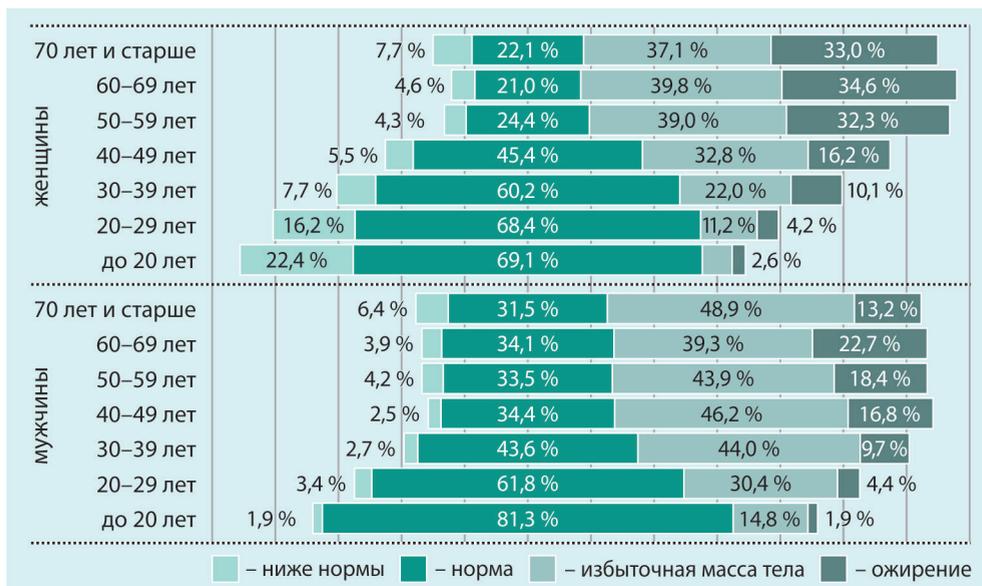

Рис. 91. Распределение ИМТ по полу и возрасту, %

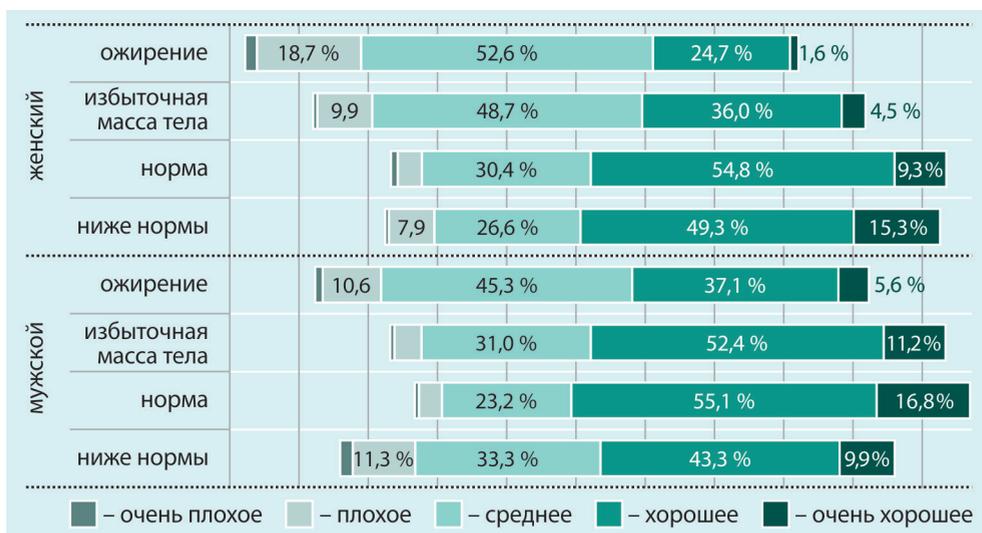

Рис. 92. Распределение самооценок здоровья по ИМТ в зависимости от пола, %

Согласно результатам проведенного исследования, средний индекс здоровья всего исследованного населения, измеренный по 5-балльной шкале (5 баллов – здоровье «очень хорошее», 1 – «очень плохое»), составляет 3,56 балла; значение индекса с возрастом уменьшается от значения 4,22 балла в возрастной группе младше 20 лет до 2,65 баллов в возрастной группе 70–79 лет. Полагаем, что уровень самооценки населением своего здоровья недостаточно высокий. Обращает на себя внимание тот факт, что даже в возрастной группе до 20 лет индекс самооценки здоровья населения не приближается к максимальному значению – 5 баллов. Полагаем, что необходимо обратить внимание на параметры, характеризующие скорость снижения самооценки здоровья с возрастом. Например,

через 3 года эта скорость может измениться (увеличиться или уменьшиться), и полученный результат может быть интерпретирован в терминах улучшения или ухудшения здоровья, а возможно, и в терминах ускорения или замедления старения. В демографии под старением, как правило, понимается увеличение доли пожилых людей в структуре населения. Мы предлагаем на последующих этапах исследования ввести дополнительный показатель старения – скорость снижения самооценки здоровья населения с возрастом. Этот показатель, на наш взгляд, представляет интерес и при межстрановых сравнениях здоровья.

Анализ индекса самооценки здоровья по полу показал, что самооценки здоровья мужчин выше, чем женщин, в то время как продолжительность жизни мужчин ниже. Этот феномен в научной литературе описан как «гендерный парадокс здоровья» [49]. Он проявляется в том, что продолжительность предстоящей жизни у мужчин меньше, а индивидуальный потенциал здоровья женщин в среднем (по всем возрастным группам) на 10 % ниже. Н.М. Римашевская отмечает: «Это определяется действием объективных и субъективных факторов, а именно: генезисом женщины как хранительницы человеческого рода; они отличаются более витальным поведением и озабочены своим попечением детей; мужчины имеют склонность к риску и нередко ведут разрушающий здоровье образ жизни. <...> Женщины обеспечивают биологическую устойчивость, а мужской организм имеет характер экспериментальности и меньшую стабильность (мальчиков рождается больше, чем девочек). Он обладает более слабым иммунитетом и восприимчив к инфекциям. Женщины чаще имеют повышенное артериальное давление, а умирают от него чаще мужчины. Женщины выносливее мужчин. Организм мужчины – спринтер, организм женщины – стайер. Женщина способна к меньшим нагрузкам, но она может нести их постоянно. Мужчина работает интенсивнее, но быстрее выдыхается. С возрастом ослабление организма у мужчин идет интенсивнее. Если каждые десять лет у женщины снижается переносимость нагрузки на 2 %, то у мужчин – на 10 %. <...> Мужчины тревожнее и менее устойчивы эмоционально, больше подвержены различным кризам. Социальные факторы, влияющие на здоровье мужчин и женщин, связаны с двойной нагрузкой на женщин; большими рисками, которые берут на себя мужчины и меньшей озабоченностью самосохранительным поведением. Все это определяет гендерный характер социальной политики» [49, с. 9–10].

Уровень самооценки здоровья в определенной мере связан с уровнем образования населения: у респондентов, имеющих высшее образование, отмечены более высокие самооценки здоровья; этот факт зафиксирован во всех возрастных группах, за исключением респондентов в возрасте до 20 лет и 20–29 лет, часть которых находится на стадии получения высшего образования. Следует отметить, что здоровье во многом определяет и возможности получения образования: низкий уровень здоровья может стать серьезным препятствием для его получения. В свою очередь, более высокий уровень образования выступает фактором повышения статуса, престижа, более высокого социального статуса и, как следствие, более высокой ответственности за свое здоровье, образование предоставляет более широкий набор альтернатив профессионального развития. Образование влияет на здоровье опосредованно, формируя определенный образ жизни и качество жизни.

Проведенное исследование позволило выявить высокую распространенность хронических заболеваний среди мужчин и женщин, в частности, в трудоспособном возрасте. Наличие у респондента хронических заболеваний ассоциируется с более низкой самооценкой здоровья и удовлетворенности жизнью. У респондентов, отметивших у себя наличие «заболеваний сердца», «высокого кровяного давления или гипертензии», «диабета или высокого уровня сахара в крови», выявлены более низкие самооценки здоровья, по сравнению с теми, кто не отметил у себя этих заболеваний.

Результаты исследования позволили выявить высокую долю населения с избыточной массой тела как среди женщин, так и мужчин. При этом показано, что отклонения от нормы ИМТ (индекса массы тела) ухудшают самооценку здоровья.

В Беларуси зафиксирован достаточно высокий уровень удовлетворенности жизнью во всех возрастных группах населения как среди мужчин, так и среди женщин. Удовлетворенность выступает интегральным показателем качества жизни. Рассмотрение самооценки здоровья в соотнесении с удовлетворенностью жизнью позволило выявить взаимозависимость между этими показателями. Уровень удовлетворенности жизнью снижается по мере ухудшения самооценки здоровья. Однако, несмотря на ухудшение самооценки здоровья с возрастом, уровень удовлетворенности жизнью у населения старше 50 лет сохраняет стабильно высокие значения. Это означает, что имеют место факторы, компенсирующие ухудшение здоровья и позволяющие сохранять приемлемое качество жизни (удовлетворенность). Полагаем, что основу такой оценки субъективного благополучия составляет высокий уровень семейной поддержки, социальной защищенности белорусов, высокая доступность широкого спектра услуг здравоохранения и легитимность основных институтов государства.

Предварительный анализ данных исследования «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» (Поколения и гендер, 2017 г.) позволил получить следующие первые результаты.

Брачно-партнерские отношения. В Беларуси увеличивается многообразие траекторий построения брачно-партнерских отношений. Широко распространялась практика фактических браков, предшествующих официальной регистрации. Наибольшую популярность она получила среди молодежи, проживающей в крупных городах. Фактический брак как альтернатива зарегистрированному браку предпочитается относительно редко. Как тип семейно-брачных отношений он чаще встречается среди людей среднего возраста, которые уже состояли в официальном браке. Более чем в половине фактических браках респонденты имеют детей. Это как общие биологические дети, так и дети партнера, чаще супруги. Также зафиксирована незначительная доля браков, где проживают и биологические дети, и пасынки/падчерицы.

Модель отношений в фактических браках соответствует модели, сложившейся в зарегистрированных браках. Изменения связаны с возрастом респондентов и происходят в браках обоих типов. Но некоторые отличия все же существуют. Они связаны с большей независимостью в организации доходов партнеров в фактическом браке и перераспределением домашней нагрузки. Именно среди молодежи наблюдается большая вовлеченность мужчин в домашнюю работу и представление о желательности ее равномерного распределения. Проживающие в браках обоих типов в высокой степени удовлетворены своими отношениями, но среди тех, кто официально не зарегистрировал свои отношения, оценки удовлетворенности существующей моделью распределения домашних обязанностей ниже, по сравнению с зарегистрированными браками.

В партнерских отношениях без детей женщины в гораздо большей степени, чем мужчины, стремятся к сохранению даже неудовлетворительных отношений. При наличии биологических детей женщины чаще, чем мужчины, задумываются о расставании и являются инициаторами разводов.

Исследование форм и последствий распада брачных и партнерских союзов позволило выявить растущую популярность не зарегистрированных официально партнерских отношений. Хотя расставание или развод по-прежнему являются личной драмой, для многих людей моложе 40 лет гендерные различия в вероятности создания новой семьи постепенно сглаживаются.

Репродуктивное поведение. «Перестроечные» реформы 1990-х гг., приведшие к глубокому экономическому кризису и резкому падению уровня жизни населения, но также способствовавшие повышению доступности контрацептивных средств, совпали по времени с таким фактором снижения рождаемости, как вступление в репродуктивный возраст внуков малочисленного военного поколения. Несмотря на нелинейность и нестабильность данного процесса, в качестве его ключевой тенденции можно выделить усиливающееся обособление некогда неразрывной связи брачного и репродуктивного поведения.

Для всех возрастных групп характерна обратная зависимость: чем позже рождается первый ребенок, тем ниже вероятность рождения 2-го и 3-го ребенка и, соответственно, ниже средний уровень рождаемости.

Женщины в зарегистрированном браке в целом имеют более выраженное намерение рожать 1-го и 2-го ребенка, чем мужчины. На намерение родить ребенка влияют занятость, место жительства, уровень доходов, а также самооценка здоровья. Однако оценить исполнение этих намерений станет возможным только по результатам второй волны исследования, которая планируется на 2020–2021 гг.

Воспитание детей. Более половины семей с детьми не привлекают к уходу за детьми никаких внесемейных ресурсов, будь то профессиональные услуги или неформальная помощь. Воспитание и уход за детьми до 3-х лет практически полностью смещены в семью и связаны с порядком предоставления на этот период оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком. Наиболее высокий охват институциональными услугами характерен для семей с детьми 3–5 лет. Современные тенденции, связанные с неустойчивостью семей, в которых воспитываются дети, не сказываются прямо на их будущем желании иметь собственных детей.

Семья с ребенком-инвалидом, как правило, – это семья с 2-мя детьми, один из которых является инвалидом. Наиболее актуальные проблемы семей с детьми-инвалидами – это низкий уровень материальной обеспеченности; вынужденное ограничение трудовой активности родителей; обусловленность уровня, качества и стиля жизни семей потребностями больного ребенка; эмоционально-психологическая напряженность в семьях и потребность в психологической поддержке.

Взаимоотношения поколений. Население Беларуси характеризуется высокой социальной мобильностью всех возрастных когорт. Однако выявлены тенденции к снижению социальной мобильности для более молодых поколений, получивших образование и начавших трудовую деятельность после 1991 г.

Межпоколенные отношения в белорусских семьях остаются достаточно интенсивными. Наиболее развиты неформальные сети поддержки по уходу за детьми. Каждая пятая семья, имеющая детей до 14 лет, пользуется регулярной помощью родителей, а также других родственников. Менее развиты неформальные сети регулярной практической помощи по дому и регулярной помощи по уходу за собой (для тех, кто лишен возможности ухаживать за собой самостоятельно). Вклад государственных и негосударственных институтов в этих случаях незначителен. Социальные сети, в которых получают и обмениваются финансовыми трансфертами, включают в основном детей и их родителей.

Качество жизни. Среди обследованных домохозяйств наблюдается в целом невысокий уровень неравенства по доходам. Доля как наименее, так и наиболее обеспеченных домохозяйств с диапазонами доходов менее 250 бел. руб. и более 2 500 бел. руб. соответственно – незначительна. Удельный вес домохозяйств с доходами, превышающими доходы наименее обеспеченных домохозяйств в 2–2,5 раза, высок, что свидетельствует о наличии у этой части домохозяйств определенного риска малообеспеченности.

Каждый 3-й респондент, намеревающийся в ближайшие 3 года начать жить с партнером, предполагает, что его финансовое положение улучшится. Среди тех респондентов, кто высказал намерения родить ребенка, практически 60 % проживают в домохозяйствах с доходами от 600 до 1 500 бел. руб., домохозяйства с наименьшими и наибольшими доходами представлены незначительно.

Уровень образования женщин несколько превышает уровень образования мужчин; эта ситуация сохраняется в структуре гендерного распределения работников предприятий всех форм собственности. Частные предприятия имеют более молодой кадровый состав, чем государственные. Аналогичная тенденция прослеживается и среди руководящих работников: на частных предприятиях управленческие должности, как правило, занимают более молодые сотрудники, чем на государственных.

Признание важности высшего образования и работы для обоих полов в равной мере, при сохранении мужского доминирования в сфере политики и зарабатывания денег для семьи и преобладания женщин, в том числе работающих, в сфере ухода за домом и детьми, может указывать на разное значение работы и образования для мужчин и женщин, а также на повышение нагрузки на женщину в традиционной ролевой модели. Фактически неравное участие в домашних практиках оценивается обоими супругами/партнерами как преимущественно удовлетворительное, хотя женщины в значительно большей степени недовольны таким распределением обязанностей. Таким образом, среди домохозяйств Беларуси на уровне практик в большей степени распространена традиционная модель распределения ролей между женщинами и мужчинами (модель «кормильца»).

Уровень самооценки населением своего здоровья невысок. Самооценки здоровья мужчин выше, чем женщин, в то время как продолжительность жизни мужчин ниже. Уровень самооценки здоровья в определенной мере связан с уровнем образования населения: у респондентов, имеющих высшее образование, отмечены более высокие самооценки здоровья; этот факт зафиксирован во всех возрастных группах, за исключением респондентов в возрасте до 29 лет, часть которых находится на стадии получения высшего образования. Выявлена высокая распространенность хронических заболеваний среди мужчин и женщин, в частности в трудоспособном возрасте.

В Беларуси зафиксирован достаточно высокий уровень удовлетворенности жизнью во всех возрастных группах населения как среди мужчин, так и среди женщин. Уровень удовлетворенности жизнью снижается по мере ухудшения самооценки здоровья. Однако, несмотря на ухудшение самооценки здоровья с возрастом, уровень удовлетворенности жизнью у населения старше 50 лет сохраняет стабильно высокие значения. Это означает, что имеют место факторы, компенсирующие ухудшение здоровья и позволяющие сохранять приемлемое качество жизни (удовлетворенность). Полагаем, что основу такой оценки субъективного благополучия составляет высокий уровень семейной поддержки, социальной защищенности белорусов, высокая доступность широкого спектра услуг здравоохранения и легитимность основных институтов государства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1	171
Таблица П1.1. Распределение функций в домохозяйстве по мнению мужчин, состоящих в зарегистрированном или фактическом браке, %	171
Таблица П1.2. Распределение функций в домохозяйстве по мнению женщин, состоящих в зарегистрированном или фактическом браке, %	172
Таблица П1.3. Распределение функций в домохозяйстве по мнению мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, в зависимости от возраста (N = 3 096), %	172
Таблица П1.4. Распределение функций в домохозяйстве по мнению мужчин, состоящих в фактическом браке, в зависимости от возраста (N = 276), %	173
Таблица П1.5. Распределение функций в домохозяйстве по мнению женщин, состоящих в зарегистрированном браке, в зависимости от возраста (N = 3 063), %	173
Таблица П1.6. Распределение функций в домохозяйстве по мнению женщин, состоящих в фактическом браке, в зависимости от возраста (N = 276), %	173
Приложение 2	174
Таблица П2.1. Участие населения Республики Беларусь в обмене трансфертами, чел.	174
Таблица П2.2. Непрофессиональная помощь по уходу за детьми, %	174
Таблица П2.3. Доноры помощи по уходу за детьми, %	175
Таблица П2.4. Непрофессиональная практическая помощь по дому, %	176
Таблица П2.5. Доноры практической помощи по дому, %	177
Таблица П2.6. Непрофессиональная помощь по уходу за собой, %	178
Таблица П2.7. Финансовая помощь, %	179
Таблица П2.8. Доноры финансовой помощи	180
Таблица П2.9. Кому оказывали финансовую помощь	181

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица П1.1. Распределение функций в домохозяйстве по мнению мужчин, состоящих в зарегистрированном или фактическом браках, %

Функции	Тип брака	Я	Одинаково	Партнер	Кто-то другой	Всего
Приготовление еды	Зарегистрированный	4,3	26,7	67,4	1,6	100
	Фактический	4,7	33,8	59,3	2,2	100
Уборка пылесосом	Зарегистрированный	13,3	32,3	50,7	3,7	100
	Фактический	15,3	33,6	49,3	1,8	100
Стирка	Зарегистрированный	3,6	17,4	77,2	1,8	100
	Фактический	3,3	21,7	70,7	4,3	100
Мелкий ремонт	Зарегистрированный	81,0	9,8	6,3	2,9	100
	Фактический	82,9	8,0	6,2	2,9	100
Оплата счетов	Зарегистрированный	22,2	35,1	40,8	1,9	100
	Фактический	27,3	35,3	34,9	2,5	100
Организация досуга	Зарегистрированный	8,7	79,5	10,8	1,0	100
	Фактический	7,2	83,3	8,7	0,8	100

Таблица П1.2. Распределение функций в домохозяйстве по мнению женщин, состоящих в зарегистрированном или фактическом браках, %

Функции	Тип брака	Я	Одинаково	Партнер	Кто-то другой	Всего
Приготовление еды	Зарегистрированный	74,3	21,6	2,2	1,9	100
	Фактический	74,9	17,8	3,0	4,3	100
Уборка пылесосом	Зарегистрированный	58,8	27,3	8,2	5,9	100
	Фактический	61,8	24,1	9,4	4,7	100
Стирка	Зарегистрированный	78,9	15,5	2,6	3,0	100
	Фактический	76,9	16,7	2,7	3,7	100
Мелкий ремонт	Зарегистрированный	6,4	13,6	75,7	4,3	100
	Фактический	9,5	15,2	70,6	4,7	100
Оплата счетов	Зарегистрированный	46,4	33,0	18,7	1,9	100
	Фактический	45,7	33,3	17,0	4,0	100
Организация досуга	Зарегистрированный	17,9	74,1	6,3	1,7	100
	Фактический	19,5	72,3	6,5	1,7	100

Таблица П1.3. Распределение функций в домохозяйстве по мнению мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, в зависимости от возраста (N = 3096), %

Функции	Возраст	Я	Одинаково	Партнер	Кто-то другой	Всего
Приготовление еды	18–29	3,7	28,2	66,1	2,0	100
	30–44	3,3	26,3	67,7	2,7	100
	45–59	4,3	26,0	68,6	1,1	100
	60 и старше	6,4	27,5	65,4	0,7	100
Уборка пылесосом	18–29	11,6	36,1	51,3	1,0	100
	30–44	11,6	33,3	51,8	3,3	100
	45–59	13,9	29,8	51,4	4,9	100
	60 и старше	15,9	32,8	47,4	3,9	100
Стирка	18–29	3,4	22,3	72,2	2,1	100
	30–44	2,6	19,0	76,4	2,0	100
	45–59	3,1	16,7	78,7	1,5	100
	60 и старше	6,0	13,8	78,2	2,0	100
Мелкий ремонт	18–29	81,0	8,2	7,1	3,7	100
	30–44	84,6	9,2	4,4	1,8	100
	45–59	79,4	11,2	7,1	2,3	100
	60 и старше	77,8	9,3	7,7	5,2	100
Оплата счетов	18–29	23,6	46,3	26,0	4,1	100
	30–44	23,7	37,7	36,8	1,8	100
	45–59	19,9	32,8	46,2	1,1	100
	60 и старше	22,8	29,9	44,7	2,6	100
Организация досуга	18–29	7,2	85,3	7,2	0,3	100
	30–44	9,6	78,7	11,2	0,5	100
	45–59	8,8	78,7	11,6	0,9	100
	60 и старше	7,9	79,6	10,3	2,2	100

Таблица П1.4. Распределение функций в домохозяйстве по мнению мужчин, состоящих в фактическом браке, в зависимости от возраста (N = 276), %

Функции	Возраст	Я	Одинаково	Партнер	Кто-то другой	Всего
Приготовление еды	18–29	4,2	49,3	42,3	4,2	100
	30–44	3,3	35,9	59,7	1,1	100
	45–59	3,8	23,8	69,9	2,5	100
	60 и старше	15,6	15,6	68,8	0,0	100
Уборка пылесосом	18–29	16,9	43,7	38,0	1,4	100
	30–44	15,4	36,3	48,3	0,0	100
	45–59	12,5	23,8	58,7	5,0	100
	60 и старше	18,8	28,1	53,1	0,0	100
Стирка	18–29	2,8	29,6	62	5,6	100
	30–44	4,3	19,6	72,8	3,3	100
	45–59	0,0	19,8	74,0	6,2	100
	60 и старше	9,7	12,9	77,4	0,0	100
Мелкий ремонт	18–29	85,9	8,5	4,2	1,4	100
	30–44	84,8	6,5	6,5	2,2	100
	45–59	86,1	1,3	10,1	2,5	100
	60 и старше	62,5	28,1	0,0	9,4	100
Оплата счетов	18–29	32,4	39,5	23,9	4,2	100
	30–44	31,2	35,4	31,2	2,2	100
	45–59	23,8	32,5	41,2	2,5	100
	60 и старше	15,6	34,4	50	0	100
Организация досуга	18–29	5,6	86,1	6,9	1,4	100
	30–44	6,7	84,4	8,9	0,0	100
	45–59	7,9	79,0	11,8	1,3	100
	60 и старше	10,7	82,2	7,1	0,0	100

Таблица П1.5. Распределение функций в домохозяйстве по мнению женщин, состоящих в зарегистрированном браке, в зависимости от возраста (N = 3 063), %

Функции	Возраст	Я	Одинаково	Партнер	Кто-то другой	Всего
Приготовление еды	18–29	68,7	25,7	2,2	3,4	100
	30–44	73,6	23,0	1,3	2,1	100
	45–59	75,3	21,2	2,0	1,5	100
	60 и старше	77,2	17,5	3,9	1,4	100
Уборка пылесосом	18–29	54,3	33,9	8,2	3,6	100
	30–44	56,9	29,0	7,3	6,8	100
	45–59	59,7	26,4	7,6	6,3	100
	60 и старше	63,0	21,2	10,4	5,4	100
Стирка	18–29	75,2	18,3	2,9	3,6	100
	30–44	78,9	16,7	1,7	2,7	100
	45–59	80,6	14,6	2,7	2,1	100
	60 и старше	79,2	13,1	3,6	4,1	100
Мелкий ремонт	18–29	2,4	14,0	75,6	8,0	100
	30–44	4,8	12,1	80,8	2,3	100
	45–59	6,6	14,9	76,1	2,4	100
	60 и старше	11,3	14,2	66,5	8,0	100
Оплата счетов	18–29	33,0	40,5	21,9	4,6	100
	30–44	42,4	35,1	21,0	1,5	100
	45–59	53,0	29,6	17,1	0,3	100
	60 и старше	52,2	29,5	15,2	3,1	100
Организация досуга	18–29	12,8	79,2	8,0	0,0	100
	30–44	17,1	76,7	5,6	0,6	100
	45–59	17,7	73,2	6,2	2,9	100
	60 и старше	22,8	67,3	6,5	3,4	100

Таблица П1.6. Распределение функций в домохозяйстве по мнению женщин, состоящих в фактическом браке, в зависимости от возраста (N = 276), %

Функции	Возраст	Я	Одинаково	Партнер	Кто-то другой	Всего
Приготовление еды	18–29	70,1	21,9	2,3	5,7	100
	30–44	77	16,0	1,0	6,0	100
	45–59	75,6	16,7	5,1	2,6	100
	60 и старше	78,9	15,8	5,3	0,0	100
Уборка пылесосом	18–29	54,6	31,4	10,5	3,5	100
	30–44	69,6	16,2	7,1	7,1	100
	45–59	60,7	26,6	12,7	0,0	100
	60 и старше	58,3	22,2	5,6	13,9	100
Стирка	18–29	65,9	23,9	5,7	4,5	100
	30–44	79,6	15,3	2,0	3,1	100
	45–59	81,8	13,0	1,3	3,9	100
	60 и старше	83,8	10,8	0,0	5,4	100
Мелкий ремонт	18–29	1,1	17,2	74,8	6,9	100
	30–44	9,3	16,5	73,2	1,0	100
	45–59	13,0	11,7	72,7	2,6	100
	60 и старше	22,2	16,7	47,2	13,9	100
Оплата счетов	18–29	23,0	44,9	24,1	8,0	100
	30–44	51,0	30,0	16,0	3,0	100
	45–59	54,4	30,4	15,2	0,0	100
	60 и старше	64,0	19,4	8,3	8,3	100
Организация досуга	18–29	9,2	81,7	8,0	1,1	100
	30–44	22,9	71,9	5,2	0,0	100
	45–59	22,4	64,4	7,9	5,3	100
	60 и старше	31,4	62,8	2,9	2,9	100

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица П2.1. Участие населения Республики Беларусь в обмене трансфертами, чел.

Трансферты	Донор	Обмен ресурсом	Реципиент	Независимый по данному ресурсу
Обеспечение ухода за детьми	975	75	616	2 062 *
Практическая помощь	574	113	558	8 724 **
Уход за собой (личная гигиена)	412	2	46	31 ***
Финансовая помощь	197	52	158	9 333

* – имеют детей, но не прибегают к помощи по уходу за ними;

** – не пользуются практической помощью;

*** – нуждаются в помощи по уходу за собой, но не получают ее.

Таблица П2.2. Непрофессиональная помощь по уходу за детьми, %

Характеристики участников оказания непрофессиональной помощи по уходу за детьми		Обеспечение ухода за детьми			
		Донор	Обмен ресурсом	Реципиент	Независимый по данному ресурсу
Пол	мужской	33,0	15,6	39,5	51,6
	женский	67,0	84,4	60,5	48,4
Возраст, лет	до 20	3,6	0,6	0,3	0,1
	20–29	13,3	45,0	36,8	22,0
	30–39	8,2	43,4	50,4	51,8
	40–49	13,3	8,0	11,9	23,6
	50–59	32,2	3,0	0,6	2,4
	60–69	25,0	0,0	0,0	0,1
	70–79	4,4	0,0	0,0	0,0
Пять типов населенных пунктов	города (с населением > 1 млн)	22,0	33,6	19,2	22,0
	города (с населением > 250 тыс.)	18,4	17,9	30,0	22,6
	города (с населением > 50 тыс.)	18,1	22,0	21,1	20,9
	малые города	17,0	6,0	12,3	13,6
	сельские населенные пункты	24,6	20,5	17,4	20,9
Образование	неполное базовое (до 8 классов)	0,5	0,0	0,0	0,4
	базовое или неполное среднее (8–9 классов)	2,3	3,2	2,3	2,2
	полное среднее	19,7	15,4	14,4	13,7
	профессионально-техническое с неполным средним	37,3	29,3	35,5	37,0
	профессионально-техническое с полным средним	12,3	4,8	5,6	6,2
	полное высшее образование	27,0	46,0	41,2	40,1
	Магистр	0,3	1,3	1,0	0,3
Кандидат наук, доктор наук	0,6	0,0	0,0	0,0	

Всего (база), чел.		975	75	616	2 062
Общий доход домохозяйства (интервалы), бел. руб.	< 250	5,2	2,0	1,8	2,4
	250–399	14,0	14,9	10,5	8,9
	400–599	20,2	8,0	10,2	10,8
	600–799	18,5	24,2	15,5	15,7
	800–999	15,1	15,4	20,3	19,9
	1 000–1 499	16,0	23,6	30,1	29,2
	1 500–2 499	7,2	5,5	8,5	8,7
≥ 2 500	3,8	6,5	3,1	4,5	
Всего (база), чел.		708	62	469	1 522

Таблица П2.3. Доноры помощи по уходу за детьми, %

		Кто оказывал респонденту помощь по уходу за детьми	Возраст самого младшего ребенка			
			Всего	0–2	3–6	7–13
Пол	мужской		24,2	26,5	20,0	26,6
	женский		75,2	72,8	79,4	72,9
	ЗО/НО		0,6	0,7	0,6	0,5
Возраст, лет	до 20		1,1	1,1	1,4	0,5
	20–29		6,1	8,3	4,0	5,5
	30–39		7,2	7,6	7,3	6,4
	40–49		14,3	18,4	13,6	7,7
	50–59		38,7	41,0	42,2	28,5
	60–69		24,8	16,6	25,3	39,4
	70–79		3,5	3,2	1,9	6,6
	80+		0,9	0,8	0,2	2,4
	ЗО/НО		3,4	3,2	4,1	3,0
Отношение	супруг/партнер		7,2	9,7	5,6	5,1
	биологический ребенок	от нынешнего партнера	0,4	0,0	0,8	0,5
		от прошлого партнера	0,4	0,3	0,3	0,7
	усыновленный ребенок/пасынок/опека		0,1	0,0	0,0	0,6
	родитель/усыновитель/отчим/опекун		51,9	50,1	54,6	50,6
	родитель/усыновитель/отчим/опекун партнера		21,3	22,8	20,4	19,7
	(пра)дед/(пра)бабка		1,9	2,4	1,3	1,8
	брат/сестра		6,0	5,1	6,5	7,0
	брат/сестра партнера		1,2	1,1	1,5	0,9
	другой родственник респондента		1,8	2,0	1,6	1,9
	другой родственник партнера		4,0	3,7	4,2	4,0
	не родственник		3,2	2,3	2,7	5,7
ЗО/НО		0,7	0,5	0,5	1,4	
Всего (база), чел.			1 040	432	379	229

Таблица П2.4. Непрофессиональная практическая помощь по дому, %

Характеристики участников оказания непрофессиональной помощи по дому		Практическая помощь				
		Донор	Обмен ресурсом	Реципиент	Независимый по данному ресурсу	
Пол	мужской	50,2	31,0	35,5	47,1	
	женский	49,8	69,0	64,5	52,9	
Возраст, лет	до 20	1,8	6,0	3,4	3,5	
	20–29	18,7	24,3	16,2	17,9	
	30–39	21,7	19,9	14,3	20,1	
	40–49	24,8	10,9	10,9	17,6	
	50–59	22,6	22,6	16,6	19,8	
	60–69	8,5	14,2	18,4	14,4	
	70–79	2,1	2,2	20,2	6,7	
Пять типов населенных пунктов	города (с населением > 1 млн)	14,9	15,4	18,1	21,8	
	города (с населением > 250 тыс.)	29,0	38,7	25,4	19,4	
	города (с населением > 50 тыс.)	23,0	19,8	17,0	19,3	
	малые города	13,2	10,8	11,8	17,5	
	сельские населенные пункты	19,9	15,4	27,7	22,0	
Образование	неполное базовое (до 8 классов)	0,0	0,0	4,1	1,3	
	базовое или неполное среднее (8–9 классов)	1,3	2,0	5,5	3,9	
	полное среднее	19,5	15,5	21,7	19,5	
	профессионально-техническое	с неполным средним	35,2	40,6	30,7	35,8
		с полным средним	9,6	8,7	10,6	7,9
	полное высшее образование	33,6	31,5	26,4	31,2	
	Магистр	0,6	1,7	0,6	0,3	
	Кандидат наук, доктор наук	0,1	0,0	0,5	0,1	
Всего (база), чел.		574	113	558	8 724	
Общий доход домохозяйства (интервалы), бел. руб.	< 250	4,6	6,9	4,0	4,8	
	250–399	10,5	12,8	19,8	13,9	
	400–599	17,9	23,7	21,0	16,7	
	600–799	16,7	18,3	22,9	19,0	
	800–999	17,9	9,8	14,3	15,7	
	1 000–1 499	21,9	18,5	9,9	20,0	
	1 500–2 499	6,7	6,5	4,9	6,1	
	≥ 2 500	3,8	3,3	3,2	3,7	
Всего (база), чел.		416	74	424	6 350	

Таблица П2.5. Доноры практической помощи по дому, %

Кто оказывал респонденту практическую помощь по дому		Пол респондента		
		Всего	мужской	женский
Пол	мужской	43,3	35,5	47,4
	женский	56,0	64,5	51,6
	ЗО/НО	0,7	0,0	1,0
Возраст, лет	до 20	8,8	10,4	7,9
	20–29	16,1	16,5	15,9
	30–39	23,1	19,8	24,8
	40–49	20,7	22,1	20,0
	50–59	18,1	17,2	18,6
	60–69	9,2	8,6	9,5
	70–79	1,6	1,8	1,4
	80+	0,6	1,3	0,3
	ЗО/НО	1,9	2,3	1,6
Отношение	супруг/партнер	11,1	14,1	9,5
	биологический ребенок от нынешнего партнера	28,4	32,9	26,0
	биологический ребенок от прошлого партнера	15,0	3,1	21,1
	усыновленный ребенок/пасынок/опека	0,5	1,5	0,0
	родитель/усыновитель/отчим/опекун	12,9	13,6	12,5
	родитель/усыновитель/отчим/опекун партнера	3,8	5,4	3,0
	(пра)дед/(пра)бабка	7,5	7,2	7,7
	брат/сестра	1,3	2,5	0,7
	брат/сестра партнера	6,5	4,7	7,5
	другой родственник респондента	1,4	1,5	1,3
	другой родственник партнера	1,4	0,7	1,7
	не родственник	2,6	3,0	2,4
	ЗО/НО	0,6	1,3	0,3
	не родственник	5,7	7,7	4,6
	ЗО/НО	1,4	0,7	1,7
Всего (база), чел.		928	316	613

Таблица П2.6. Непрофессиональная помощь по уходу за собой, %

Характеристики участников оказания непрофессиональной помощи по уходу за собой		Уход за собой (личная гигиена)				
		Донор	Обмен ресурсом	Реципиент	Независимый по данному ресурсу	
Пол	мужской	34,9	100,0	54,2	35,2	
	женский	65,1	0,0	45,8	64,8	
Возраст, лет	до 20	1,8	0,0	0,0	0,0	
	20–29	12,2	0,0	1,3	1,9	
	30–39	13,8	0,0	4,7	10,5	
	40–49	17,2	0,0	2,8	7,9	
	50–59	25,2	51,6	13,9	15,4	
	60–69	21,5	48,4	23,8	33,4	
	70–79	8,3	0,0	53,5	30,9	
Пять типов населенных пунктов	города (с населением > 1 млн)	20,3	0,0	31,3	13,3	
	города (с населением > 250 тыс.)	25,2	0,0	7,6	19,4	
	города (с населением > 50 тыс.)	21,9	51,6	32,0	28,6	
	малые города	16,7	48,4	12,3	22,8	
	сельские населенные пункты	15,9	0,0	16,8	15,9	
Образование	неполное базовое (до 8 классов)	0,5	0,0	14,7	15,0	
	базовое или неполное среднее (8–9 классов)	3,2	0,0	14,9	3,4	
	полное среднее	19,6	100,0	15,7	18,2	
	профессионально-техническое	с неполным средним	37,0	0,0	30,0	25,7
		с полным средним	9,3	0,0	12,8	14,7
	полное высшее образование	30,0	0,0	12,0	23,0	
	Магистр	0,1	0,0	0,0	0,0	
	Кандидат наук, доктор наук	0,2	0,0	0,0	0,0	
Всего (база), чел.		412	2	46	31	
Общий доход домохозяйства (интервалы), бел. руб.	< 250	5,8	0,0	6,6	11,9	
	250–399	12,5	0,0	32,9	32,9	
	400–599	20,2	51,6	14,3	20,2	
	600–799	22,0	48,4	33,2	0,0	
	800–999	13,6	0,0	10,5	2,1	
	1 000–1 499	16,9	0,0	0,0	13,0	
	1 500–2 499	4,8	0,0	0,0	20,0	
	≥ 2 500	4,3	0,0	2,5	0,0	
Всего (база), чел.		288	2	36	23	

Таблица П2.7. Финансовая помощь, %

Характеристики участников оказания финансовой помощи		Финансовая помощь				
		Донор	Обмен ресурсом	Реципиент	Независимый по данному ресурсу	
Пол	мужской	51,7	53,4	48,5	46,2	
	женский	48,3	46,6	51,5	53,8	
Возраст, лет	до 20	0,8	8,6	13,8	3,3	
	20–29	15,8	20,1	27,6	17,6	
	30–39	18,7	19,9	23,8	19,7	
	40–49	17,4	18,4	9,2	17,8	
	50–59	24,9	18,5	10,2	19,9	
	60–69	19,3	12,2	10,5	14,3	
	70–79	3,1	2,3	4,9	7,4	
Пять типов населенных пунктов	города (с населением > 1 млн)	37,7	40,5	35,7	19,3	
	города (с населением > 250 тыс.)	9,2	7,8	17,3	21,2	
	города (с населением > 50 тыс.)	20,6	8,6	18,0	19,6	
	малые города	14,0	18,9	14,9	17,1	
	сельские населенные пункты	18,6	24,1	14,1	22,8	
Образование	неполное базовое (до 8 классов)	0,0	0,0	0,0	1,4	
	базовое или неполное среднее (8–9 классов)	0,8	0,0	3,0	4,0	
	полное среднее	12,4	15,2	20,9	19,8	
	профессионально-техническое	с неполным средним	26,6	39,4	31,2	35,9
		с полным средним	9,1	5,5	5,2	8,2
	полное высшее образование	49,5	36,7	39,3	30,2	
	Магистр	0,9	0,0	0,3	0,3	
	Кандидат наук, доктор наук	0,7	3,2	0,0	0,1	
Всего (база), чел.		197	52	158	9 333	
Общий доход домохозяйства (интервалы), бел. руб.	< 250	3,9	5,5	4,1	4,9	
	250–399	5,4	5,9	15,5	14,4	
	400–599	11,5	3,7	12,7	17,5	
	600–799	16,1	22,5	19,3	19,2	
	800–999	13,6	12,7	9,6	15,9	
	1 000–1 499	33,3	22,2	26,0	18,7	
	1 500–2 499	10,2	15,0	8,8	5,8	
	≥ 2 500	6,1	12,5	4,0	3,5	
Всего (база), чел.		149	40	112	6 790	

Таблица П2.8. Доноры финансовой помощи

Кто оказывал респонденту финансовую помощь		Пол респондента		
		Всего	мужской	женский
Пол	мужской	47,2	47,8	46,5
	женский	50,6	50,0	51,1
	ЗО/НО	2,3	2,2	2,4
Возраст, лет	до 20	0,6	0,0	1,1
	20–29	12,1	11,9	12,4
	30–39	17,4	14,9	20,1
	40–49	27,4	33,6	20,9
	50–59	17,9	14,3	21,7
	60–69	14,2	15,2	13,1
	70–79	3,7	6,1	1,3
	80+	4,5	3,0	6,2
	ЗО/НО	2,1	1,1	3,3
Отношение	супруг/партнер	6,1	3,2	9,3
	биологический ребенок от нынешнего партнера	18,7	17,7	19,7
	биологический ребенок от прошлого партнера	3,4	0,3	6,7
	родитель/усыновитель/отчим/опекун	33,0	40,1	25,5
	родитель/усыновитель/отчим/опекун партнера	12,8	16,6	8,7
	(пра)дед/(пра)бабка	2,4	2,2	2,6
	брат/сестра	6,5	6,1	6,8
	брат/сестра партнера	0,4	0,0	0,7
	другой родственник респондента	5,5	3,9	7,1
	другой родственник партнера	2,4	2,2	2,6
	не родственник	7,3	6,8	7,8
	ЗО/НО	1,6	0,8	2,4
Всего (база), чел.		235	120	115

Таблица П2.9. Кому оказывали финансовую помощь

Кому респондент оказывал финансовую помощь		Пол респондента		
		Всего	мужской	женский
Пол	мужской	38,0	36,4	39,6
	женский	60,5	62,7	58,3
	ЗО/НО	1,5	0,9	2,1
Возраст, лет	до 20	7,1	5,8	8,5
	20–29	40,0	38,9	41,1
	30–39	26,7	29,0	24,4
	40–49	5,9	7,7	4,1
	50–59	7,7	7,1	8,3
	60–69	4,9	4,7	5,0
	70–79	1,6	0,6	2,6
	80+	2,4	0,0	4,9
	ЗО/НО	3,7	6,2	1,2
Отношение	супруг/партнер	9,7	11,9	7,5
	биологический ребенок от нынешнего партнера	40,4	40,4	40,4
	биологический ребенок от прошлого партнера	7,5	4,8	10,3
	усыновленный ребенок/пасынок/опека	0,2	0,0	0,5
	родитель/усыновитель/отчим/опекун	7,1	8,3	5,8
	родитель/усыновитель/отчим/опекун партнера	3,7	4,3	3,1
	внук/правнук	3,3	1,3	5,3
	(пра)дед/(пра)бабка	1,1	0,0	2,3
	брат/сестра	7,3	8,7	6,0
	брат/сестра партнера	2,5	3,8	1,1
	супруг/партнер ребенка	1,2	1,7	0,7
	другой родственник респондента	4,5	5,6	3,4
	другой родственник партнера	1,2	0,0	2,4
	не родственник	9,0	7,6	10,4
	ЗО/НО	1,3	1,7	0,8
Всего (база), чел.		286	143	142

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аймалетдинов, Т.А., Игушкина, О.Н. Рождаемость в контексте изменения установок гендерного равенства и общественного мнения о системе здравоохранения в стране // Мониторинг общественного мнения. – 2015. – 1(125). – С. 40–50.
2. Анисов, Л.М., Привалова, Н.Н., Шахотько Л.П. Демографические аспекты национальной безопасности // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 4. – С. 57–65.
3. Антипова, Е.А. Браки и разводы в Беларуси: анализ основных демографических тенденций / Е.А. Антипова, Л.П. Шахотько ; под ред. Е.А. Антиповой. – Минск : В.И.З.А. Групп, 2015. – 80 с.
4. Артамонова, А.В. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт / А.В. Артамонова, Е.С. Митрофанова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2016. – № 1. – С. 126–145.
5. Архангельский, В.Н. Факторы рождаемости. – М. : ТЕИС, 2006. – 399 с.
6. Асташова, Ю.В. Теория поколений в маркетинге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2014. – № 1 (8).
7. Беккер, Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. – 1994. – № 6. – С. 12–36.
8. Беккер, Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / пер. с англ. под науч. ред. Р.И. Капелюшникова. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003.
9. Бестужев-Лада, И.В. О «качестве жизни» [Электронный ресурс] / И.В. Бестужев-Лада, Г.С. Батыгин. – URL: <http://www.library.ru/help/docs/n65217/1.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).
10. Борисов, В.А. Рождаемость в СССР // Перспективы рождаемости. – М., Статистика, 1976.
11. Бурдяк, А.Я. Применение метода «Анализ наступления события (event history analysis)» с помощью пакета SPSS // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры). – 2007. – № 6.
12. Бурова, С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь? // Социология. – 2015. – № 2. – С. 4–14.
13. Вдовина, С.А., Кунгурова, И.М. Сущность и направления реализации индивидуальной образовательной траектории [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2013. – Выпуск 6, ноябрь–декабрь. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-napravleniya-realizatsii-individualnoy-obrazovatelnoy-traektorii>.
14. Волков, А.Г. Избранные демографические труды: сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. А.Г. Вишневский. – М. : ВШЭ, 2014.
15. Гидденс, Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб. : Питер, 2004. – 208 с.
16. Градосельская, Г.В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. – 1999. – № 1/2.
17. Гонтмахер, Е.Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 68–81.

18. Гундаров, И.А. Почему умирают в России, как нам выжить? // Факты и аргументы. – М., 1996. – 83 с.
19. Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2017: статистический сборник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2017. – 440 с.
20. Долгова, А.А., Митрофанова, Е.С. Начало самостоятельной жизни россиянами: межпоколенческий аспект [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – № 625–626 от 1–25 января 2015. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/analit02.php>. (дата обращения: 12.01.2018).
21. Долгова, А.А., Митрофанова, Е.С. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека "КиберЛенинка". – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelenie-ot-roditel'skoy-semi-v-rossii-mezhpokolencheskiy-aspekt> (дата обращения: 10.01.2018).
22. Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon0/z175.htm> (дата обращения: 04.02.2018).
23. Захаров, С.В. Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2007. – С. 9–34.
24. Здоровье-21: Основы политики достижения здоровья для всех в Европейском регионе ВОЗ // Европейская серия по достижению здоровья для всех. – 1999. – № 6.
25. Здравоохранение в Республике Беларусь [официальный статистический сборник за 2016 год]. – Минск: ГУ РНМБ, 2017. – 277 с.
26. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011.
27. Исупова, О.Г. Российские консенсуальные союзы начала XXI века // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2015. – № 2 (126). – С. 153–165.
28. Исупова, О.Г., Уткина, В.В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 6. – С. 69–88.
29. Калабихина, И. Демографическое старение в Республике Беларусь: вызовы и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=44039&p=attachment> (дата обращения: 31.01.2018).
30. Калинина, Т.В. Качество жизни населения как важнейшая составляющая общественного здоровья // Медицина. – 2008. – № 4.
31. Кислицына, О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 62 с.
32. Корчагина, И.И. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых / И.И. Корчагина, Л.М. Прокофьева // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2007. – С. 313–344.
33. Ласая, Е.В. Невротические и соматоформные расстройства у беременных // Медицинские новости. – 2011. – № 3. – 44 с.

34. Магун, В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской ; Независимый институт социальной политики. – М. : НИСП, 2009. – С. 161.
35. Мид, М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы. – 1988. – 429 с.
36. Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 529 с.
37. Население Республики Беларусь. Статистический ежегодник / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2011. – Минск, 2011. – 473 с.
38. Национальная безопасность Республики Беларусь / [С.В. Зась [и др.] ; под ред. М.В. Мясниковича, Л.С. Мальцева]. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 557 с.
39. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017 – 2020 годы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Nats-plan.pdf>.
40. Никитенко, П.Г., Раков, А.А. Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития в Республике Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2005. – 112 с.
41. Нормативные представления о семейных ролях в белорусском обществе / Н.А. Сосновская // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы X Междунар. науч. конф., Гомель, 25–26 мая 2017 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П.О. Сухого, 2017. – С. 270–273.
42. О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей [Электронный ресурс] : Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. № 235. – URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=14785>.
43. О правах ребенка: Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – 2/408.
44. Образование в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; пред. редкол. И.В. Медведева. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2017. – 220 с.
45. Парсонс, Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева ; науч. ред. М.С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
46. Повседневная жизнь в странах Восточной Европы. Сб. науч. трудов / РАН ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем ; редкол.: Игрицкий Ю.И. (отв. ред.) [и др.]. – М., 2011. – 164 с.
47. Психическое здоровье. Информационный бюллетень. Апрель 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru/> (дата обращения: 27.10.2016).
48. Работа Организации экономического сотрудничества и развития по определению благосостояния и укреплению прогресса обществ [Электронный ресурс] / ОЭСР. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/742901/files/E_ESCAP_CST%283%29_11-RU.pdf (дата обращения: 21.01.2018).

49. Римашевская, Н.М. Радикальное измерение [изменение!] негативного тренда здоровья населения России // Здоровье населения: проблемы и пути решения : материалы II Междунар. науч.-практ. семинара, г. Минск, 19–21 мая 2011 г. / редкол. : Н.М. Римашевская (гл. ред.) [и др.] ; НАН Беларуси; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 7–14.
50. Римашевская, Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. – 1997. – № 6.
51. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Сиявской ; Независимый институт социальной политики. – М. : НИСП, 2007. – 640 с.
52. Российский работник: образование, профессия, квалификация / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 574 с.
53. Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе. Переходный период и дальнейшее развитие. – М., 1997.
54. Сведения о стационарных учреждениях социального обслуживания на 01.01. 2018 г. // Электронная форма сбора данных Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь.
55. Семья, 2017. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; ред.: И.В. Медведева [и др.]. – Минск, 2017. – 113 с.
56. Семья в изменяющемся мире: тез. докл. конф. (Сыктывкар, 9–10 июня 1994 г.). Сыктывкар, 1994. – 168 с.
57. Семья в современном мире: материалы междунар. конф., г. Минск, 8 апр. 2010 г. – Минск, 2010. – 110 с.
58. Семья в центре социально-демографической политики: сборник статей / Независимый институт социальной политики ; под общ. ред. О.В. Сиявской. – Минск : Альтиора – Живые краски, 2011. – 192 с.
59. Сизова, И.Л. «Новое отцовство» в свете традиций и инноваций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. XV, № 1(60). – С. 86–103.
60. Сиявская, О.В, Тындик, А.О. От чего зависят репродуктивные намерения и репродуктивное поведение россиян? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0379/tema02.php> (дата обращения: 04.02.2018).
61. Сиявская, О.В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями / О.В. Сиявская, Е.В. Гладникова // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Сиявской ; Независимый институт социальной политики. – М. : НИСП, 2007. – С. 517–544.
62. Социальное расслоение возрастной когорты. Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / отв. ред. М.Х. Титма – М. : Ин-т социологии РАН, 1997. – 278 с.
63. Степанова, Ю.Б. Трансформация семьи в России и ее социальные последствия // Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. – Саратов : Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2004. – № 3. – С. 159–164.
64. Сурмач, М.Ю. Качество жизни, связанное со здоровьем, как предмет изучения социологии медицины // Социология. – 2011. – № 2.

65. Тындик, А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. – 2012. – № 16. – С. 95–112.
66. Украинец, П.П., Бутова, С.Н., Филинская, Л.В. Студенчество БГУ начала XXI века глазами социологов // Весн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2011. – № 3. – С. 73–81.
67. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. – URL: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf>.
68. Филиппов, Ф.Р. От поколения к поколению. Социальная подвижность. – М. : Мысль, 1989. – 237 с.
69. Чередниченко, Г.А. Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). – М. : ИС РАН, 2012. – 332 с.
70. Чередниченко, Г.А. Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий) / Г.А. Чередниченко. – СПб. : Издательство РХГА, 2016. – 389 с.
71. Шабунова, А.А. Незарегистрированные союзы – привычное новое / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, сер. Социальные науки. – 2015. – №1 (37). – С. 183–191.
72. Шевяков, А.Ю. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи / А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута ; Учреждение Российской академии наук Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. – М. : М-Студио, 2009. – 192 с.
73. Элиас, Н. Отношения между мужчиной и женщиной: изменение установки // THESIS. – 1994. – № 6. – С. 103–126.
74. Юмкина, Е.А. Внутрисемейное общение в пространственно-временном аспекте // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – С. 78–87.
75. Aassve, A., Arpino, B., Goisis, A. Grandparenting and mothers' labour force participation: A comparative analysis using the Generations and Gender Survey // Demographic Research. – 2012. – № 27 (3). – P. 53–84.
76. Ahn, N., Mira, P. A note on the changing relationship between fertility and female employment rates in developed countries // Journal of Population Economics. – 2002. – № 15 (4). – P. 667–682.
77. Ajzen, I., Fishbein, M. Understanding Attitudes and Predicting Behaviour. – Engelwood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1980.
78. Antipova, E. Family Institute of the Republic of Belarus in the Crisis Conditions / E. Antipova, Y. Gubareva // Strategie działań w warunkach kryzysu / Pod redakcją Sławomira Partyckiego. – Spis treści. – Lublin : Wydawnictwo KUL, 2013. – 430 s. – S. 40–46.
79. Anderson, T., Kohler, H.-P. Demographic Transition Revisited: Low Fertility, Socio-economic Development, and Gender Equity [Electronic resource] // PSC Working Paper Series. – 2015, № 61. – 35 p. – URL: http://repository.upenn.edu/psc_working_papers/61 (дата обращения: 10.01.2018).
80. Ariés, P. Two successive motivations for the declining birth rate in the West // Population and Development Review. – 1980. – № 6(4). – P. 645–650.
81. Beaujouan, É. Second Unions Now More Stable than First? A Comparison of Separation Risks by Union Order in France // European Journal of Population. – 2016. – № 32 (2). – P. 293–321.

82. Becker, G. A Treatise on the Family / Gary S. Becker. – Harvard University Press, 1993. – 424 p.
83. Becker, G.S., Tomes, N. An Equilibrium Theory of the Distribution of Income and Intergenerational Mobility // *Journal of Political Economy*. – 1979. – № 87(6). – P. 1153–1189.
84. Becker, G.S., Tomes, N. Human Capital and the Rise and Fall of Families // *Journal of Labor Economics*. – 1986. – № 4(3). – P. 1–39.
85. Blanden, J., Gregg, P. & Macmillan, L. Accounting for Intergenerational Income Persistence: Noncognitive Skills, Ability and Education // *Economic Journal*. – 2007. – № 117. – P. 43–60.
86. Blanden, J. and Macmillan, L. Education and Intergenerational Mobility: Help or Hindrance? // *Social Policy in a Cold Climate Working Paper #8*. CASE, LSE. – 2014.
87. Borisov, G. and Pessarides, C.A. The Intergenerational Transmission of Human Capital and Earnings in Contemporary Russia // *IZA Discussion Paper No. 10300*. – 2016.
88. Bould, S. The cost of a child, mother's employment behavior and economic insecurity in Europe / Sally Bould, Isabella Crespi, Gunther Schmaus // *International Review of Sociology*. – 2012. – № 22. – P. 5–23.
89. Chester, R. Divorce in Europe. – Springer Science & Business Media, 2012. – 326 p.
90. Cliquet, R.L. The second demographic transition: fact of fiction? // *Population Studies*. Council of Europe, Strasbourg. – 1991. – Vol. 23. – P. 35–67.
91. Coleman, D. The Changing Face of Europe' in *Political Demography: How Population Changes are Reshaping International Security and National Politics* / D. Coleman, J.A. Goldstone, E.P. Kaufmann, M.D. Toft (eds.). – Boulder, Colorado : Paradigm, 2011. – P. 201–218.
92. Cook, K.S., Whitmeyer, J.M. Two approaches to social structure: Exchange theory and network Analysis // *Annual Review of Sociology*. – Vol. 12. – Palo Alto, CA : Annual Review Co., 1986.
93. Corak, M. Do Poor Children Become Poor Adults? Lessons from a Cross Country Comparison of Generational Earnings Mobility // *Research on Economic Inequality*. – 2006. – Vol. 13. – P. 143–188.
94. Corak, M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility // *The Journal of Economic Perspectives*. – 2013. – Vol. 27 (3). – P. 79–102.
95. Dnes, A., Rowthorn, B. The Law and Economics of Marriage and Divorce. – Cambridge University Press, 2002. – 232 p.
96. Engelhardt, H. Fertility and women's employment reconsidered: A macro-level time-series analysis for developed countries, 1960–2000 / Henriette Engelhardt, Tomas Kögel, Alexia Prskawetz // *Population Studies*. – 2004. – № 58. – P. 109–120.
97. Filipov, D., Dorbritz, J. Divorces // *Demographic Consequences of Economic Transition in Countries of Central and Eastern Europe*. – Council of Europe, 2003. – 205 p.
98. Frejka, T. Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990 / E. Antipova, T. Frejka, S. Gietel-Basten [et al.] // *Comparative Population Studies*. – 2016. – Vol. 41, 1. – P. 3–56.
99. Generations and Gender Survey (GGS): Towards a better understanding of relationships and processes in the life course / Andres Vikat [et al.] // *Demographic Research*. – 2007. – № 17 (14). – P. 389–440.

100. Gregg, P., Johnsson, J.O., Macmillan, L. and Mood, C. The Role of Education for Intergenerational Income Mobility: A Comparison of the United States, Great Britain, and Sweden // *Social Forces*. – 2017, 96(1). – P. 121–152.
101. Hammarstedt, M. and Palme, M. Human Capital Transmission and the Earnings of Second-Generation Immigrants in Sweden // *IZA Journal of Migration*. – 2012. – Vol. 1(4). – P. 1–23.
102. Hong, K. An Empirical Analysis of Intragenerational Income Mobility in Korea // *Korea Journal of Labor Economics*. – 2012. – Vol. 32(2). – P. 43–77.
103. Hout, M. *Mobility Tables*. – Beverly Hills : Sage Publications, 1983.
104. Inglehart, R., Welzel, C. *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence* / R. Inglehart, C. Welzel. – Cambridge University Press, 2005.
105. Kreidl, M., Štípková, M., Hubatková, B. Parental separation and children's education in a comparative perspective: Does the burden disappear when separation is more common? // *Demographic Research*. – 2017. – № 36. – P. 73–110.
106. Lesthaeghe, R. The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2014. – № 51 (111). – C. 18112–18115.
107. McDonald, P. The «Toolbox» of Public Policies to Impact on Fertility – A Global View / Australian National University. – URL: <https://openresearchrepository.anu.edu.au/bitstream/1885/41446/3/sevilleMcD1.pdf> (дата обращения: 09.01.2018).
108. Murinkó, L., Spéder, Zs. Children's experiences of mothers' partnership dissolution and re-partnering: differences between union types and cohorts [Electronic resource] // *European Population Conference, Budapest, 25–28 June 2014*. – URL: http://www.demografia.hu/en/downloads/Projects/EPC2014/10_Murinko_Speder_extended.pdf (дата обращения: 15.02.2018).
109. Myrskylä, M. High development and fertility: Fertility at older reproductive ages and gender equality explain the positive link / Mikko Myrskylä, Hans-Peter Kohler, Francesco C. Billari // *Working papers of the Max Planck Institute for Demographic Research*. – 2011. – 55 p.
110. OECD. *Doing Better for Families* [Electronic resource] / OECD Publishing // OECD ilibrary. 2011. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264098732-en> (дата обращения: 12.01.2018).
111. Patti, S. Grounds for divorce and maintenance between former spouses in Italy [Electronic resource] / S. Patti, C. Rossi, E. Bellisario. – University of Rome, La Sapienza. – URL: <http://www2.law.uu.nl/priv/cefl/Reportts/pdf/Italy02.pdf> (дата обращения: 14.02.2013).
112. Payne, G., Abbott, P. *The Social Mobility of Women: Beyond Male Mobility Models*. – London : Routledge, 2005.
113. Pekkarinen, T., Uusitalo, R. and Kerr, S. School Tracking and Intergenerational Income Mobility: Evidence from the Finnish Comprehensive School Reform // *Journal of Public Economic*. – 2009. – Vol. 93. – P. 965–973.
114. Rendall, M.S., Wden, M.M., Favreault, M.M. and Waldron, H. The protective effect of marriage for survival: a review and update // *Demography*. – 2011. – 48(2): 481–506. doi:10.1007/s13524-011-0032-5.

115. Schultz, Theodore W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research / Theodore W. Schultz. – New York : Free Press, 1971. – 272 p.
116. Sleenbos, J. Low fertility rates in OECD countries: facts and policy responses [Electronic resource] // OECD Labour Market and Social Policy Occasional. – 2003. – № 15. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/568477207883> (дата обращения: 10.01.2018).
117. Sobotka, T. Ten years of rapid fertility changes in European postcommunist countries: evidence and interpretation [Electronic resource]. – URL: http://www.rug.nl/prc/publications/workingPapers/download/WP_02_1.pdf (дата обращения: 10.02.2013).
118. Solon, G. A Model of Intergenerational Mobility Variation over Time and Place // Generational income mobility in North America and Europe / Miles Corak (Ed.). – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2004.
119. Stiglitz, J.E. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress [Electronic resource] / J.E. Stiglitz, A. Sen, J.-P. Fitoussi. – URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/118025/118123/Fitoussi+Commission+report> (дата обращения: 10.07.2017).
120. Strauss, W., Howe, N. The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us about America's Next Rendezvous with Destiny / W. Strauss, N. Howe. – New York : Broadway Books, 1997.
121. The Life of Poles: From leaving the parental home to retirement. Insights from the Generations and Gender Survey (GGSS-PL) / Irena E. Kotovska, Anna Matysiak, Monika Mynarska (eds.). – Warsaw : Warsaw School of Economics, 2016.
122. Thornton, A., Young-DeMarco, L. Four Decades of Trends in Attitudes Toward Family Issues in the United States: The 1960s Through the 1990s // Journal of Marriage and Family. – 2001 (November). – Vol. 63. – P. 1009–1037.
123. Tuma, Nancy. Event History Analysis: An Introduction // Analyzing Social & Political Change: A Casebook of Methods / Angela Dale and Richard B. Davies (eds.). – London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1994.
124. Turner, J.H. The structure of sociological theory. – 5-th edition. – Belmont, 1991.

Издательством

в 2018 г. выпущен в свет

Том I. Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер»

издания

БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение

СОДЕРЖАНИЕ тома I

Предисловие

ГЛАВА 1. Программа «Поколения и гендер»: цели, задачи и принципы

ГЛАВА 2. Третья волна проекта: новые подходы
(экспериментальный старт в Республике Беларусь)

ГЛАВА 3. Сбор социологической информации
(организация, проблемы, пути их решения)

ГЛАВА 4. Выборочная совокупность исследования:
подходы к формированию и проблемы реализации

ГЛАВА 5. Планшетный компьютер как инструмент фиксации социоло-
гической информации и ее оперативной передачи на сервер

ГЛАВА 6. Документы исследования: особенности разработки,
обоснование необходимости использования

ПРИЛОЖЕНИЯ: Документы исследования

УДК 314/316 (476)
ББК 60.561.5+60.7(4Бей)
Б43

Авторский коллектив:

Д.Г. Ротман (Введение, Глава 2), Эмери Т., Кабако С. (Глава 1), Л.В. Филинская, Л.А. Соглаева (Глава 3),
О.В. Иванюто, А.А. Белов (Глава 4); В.В. Правдивец, Л.В. Соловьева (Глава 5), А.К. Воднева (Глава 6, Приложения)

Редакторы:

Д.Г. Ротман,
Том Эмери (Нидерландский междисциплинарный демографический институт)

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Шавель Сергей Александрович
главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси,
доктор социологических наук, профессор Клименко Валерий Адамович
советник департамента гуманитарного сотрудничества,
общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ

Б43 БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение :
Том I. Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер» / ред.: Д.Г. Ротман,
Том Эмери ; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической
безопасности Республики Беларусь». – Минск : Белсэкс, 2018. – 162 с. : ил.

ISBN 978-985-6946-88-5

Представлены методологические аспекты организации международного социологического исследования «Поколения и гендер» на основе опыта его осуществления в Республике Беларусь. Анализируются особенности управления проектом, предлагаются различные варианты организации опросной сети, ее подготовки к работе, контроля качества сбора информации. Рассматриваются проблемы реализации модели выборочной совокупности, описываются требования к работе с планшетными компьютерами в ходе сбора данных и их передачи на сервер.

Предназначено для социологов-практиков, принимающих участие в организации и проведении международных социологических исследований.

УДК 314/316 (476)
ББК 60.561.5+60.7 (4Бей)

Монография подготовлена и издана при технической и финансовой поддержке
проекта международной технической помощи
«Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь»,
финансируемого Правительством Российской Федерации,
Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Детским Фондом ООН (ЮНИСЕФ).
Национальное исполнительное агентство –
Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь.

ISBN 978-985-6946-88-5

© Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), 2018
© Оформление. ООО «Белсэкс», 2018

Научное издание

**БЕЛАРУСЬ: структура семьи,
семейные отношения,
репродуктивное поведение**

**Том II. Анализ результатов исследования
«Поколения и гендер»**

Редактор С.Н. Беляковский
Корректоры А.С. Симанькова
Д.С. Уроднич

Подписано в печать 22.12.2018 г. Формат 70 x 100 /16. Бумага MediaPrint Silk 115 г/м².
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 13,7. Тираж 205 экз. Заказ 9/18/LTA 2015.

Издатель и полиграфическое исполнение –
ООО «Белсэнс»

Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/384 от 01.07.2014 г. № 3/677 от 23.07.2014 г.

Беларусь, 220029, г. Минск, ул. Чичерина 19, офис 006
тел./факс + 375 17 293-43-78 e-mail: order@belsens.by

Программа «Поколения и гендер» (GGP) является инфраструктурой научных исследований в области социальных наук, предоставляющей данные микро- и макроуровня, что значительно расширяет базу знаний институтов, вырабатывающих стратегические решения в Европе и в других развитых странах.

GGP представляет собой лонгитюдное социологическое исследование, нацеленное на углубление понимания факторов, влияющих на отношения как между родителями и детьми (поколения), так и между партнерами (гендер). Это исследование охватывает широкий круг тем, включая рождаемость, партнерство, переход к взрослой жизни, экономическую активность, обязанности по уходу и отношения.

К настоящему времени в исследовании приняли участие 25 стран.

В Беларуси исследование GGP проведено в рамках проекта МТП «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь», финансируемого Правительством Российской Федерации, Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА) и Детским фондом Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ).

Национальным исполнительным агентством проекта является Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь.

Опрос был проведен Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в тесном контакте с координатором программы «Поколения и гендер» – Нидерландским междисциплинарным демографическим институтом в мае–ноябре 2017 г. во всех регионах страны (56 городов, 40 сельсоветов).

ISBN 978-985-6946-89-2

9 789856 946892

Адресная база была предоставлена Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь. База респондентов – 10 000 человек в возрасте от 18 до 79 лет. Впервые опрос проводился в режиме CAPI (автоматизированное персональное собеседование).